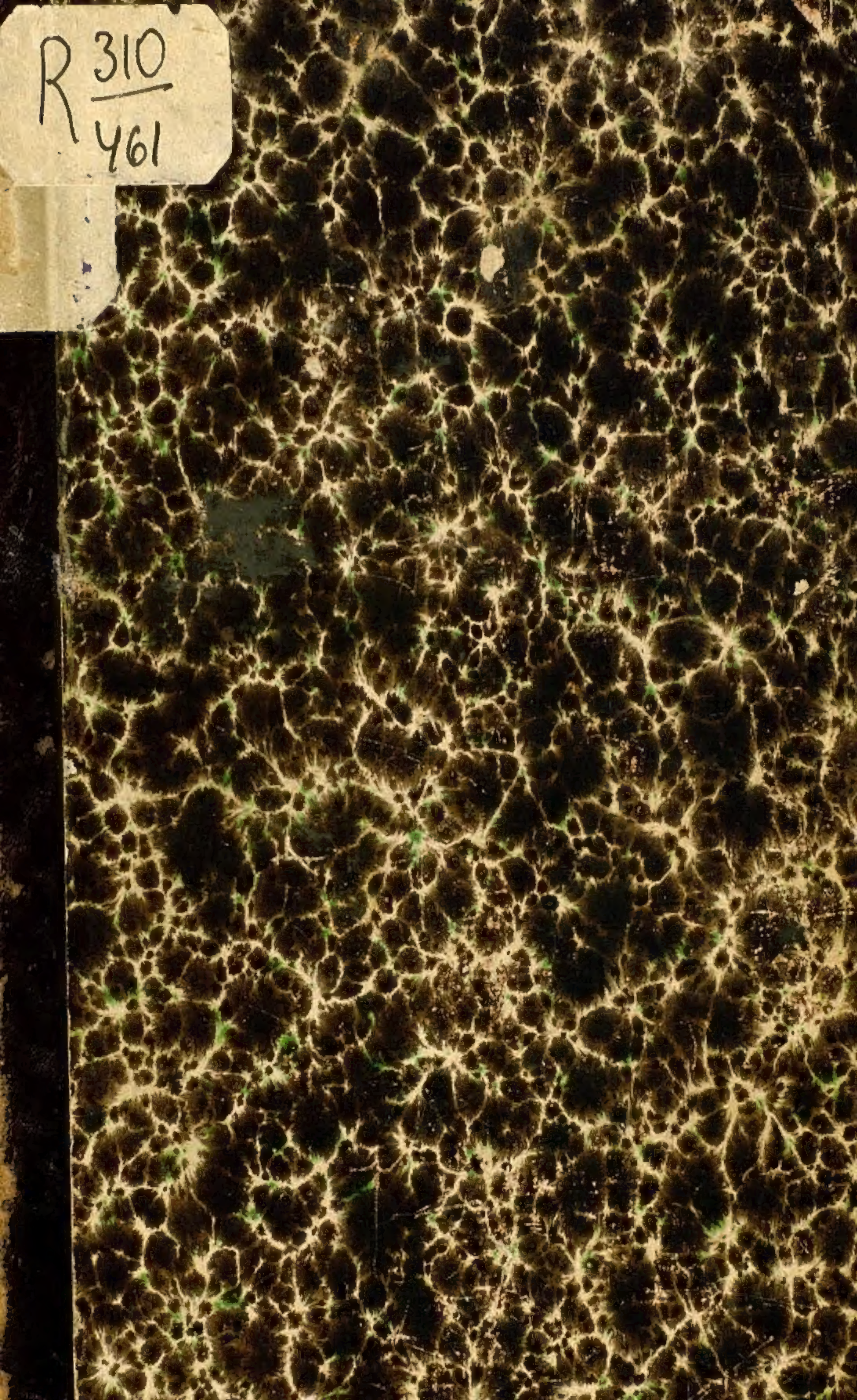

R 310
461

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

НАКАНУНѢ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ПОСЛѢ НЕЯ.

Сравнительно-историческій очеркъ.

В. С. ИКОННИКОВА,

Профессора Университета Св. Владиміра.

КІЕВЪ

Въ университетской типографіи.

1874.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1874 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

НАКАНУНѢ РЕФОРМЫ ПЕТРА В. И ПОСЛѢ НЕЯ.

Сравнительно-историческій очеркъ [1]).

ГЛАВА I.

Главныя черты вопроса. Первобытная эпоха. Патріархальный порядокъ. Греція и Римъ. Измѣненія въ жизни римской семьи. Теоретическія воззрѣнія и юридическія отношенія. Христіанство и Византія. Римскія провинціи. Вліяніе свѣтскаго и церковнаго кодексовъ. Варварскій элементъ. Средневѣковое общество и реформація. Общія черты и новыя явленія. Отраженіе ихъ на положеніи женщины. Новое время.

Положеніе женщины всегда было тѣсно связано съ судьбою даннаго общества. Какъ медленно движется историческая жизнь народовъ, пока совершитъ извѣстный кругъ развитія, такъ медленно развивается и женская личность, хотя повидимому вѣка опыта и умственной жизни совершили уже новый поворотъ. Живя въ кругѣ завѣтной старины и извѣстныхъ сложившихся преданій, она, какъ бы въ соотвѣтствіе самой природѣ, является въ извѣстномъ смыслѣ консервативнымъ началомъ; самыя воззрѣнія окружающаго ея общества строго охраняютъ уже установившіяся начала, хотя иногда жизнь и ушла далеко впередъ. Вотъ почему тѣ общественные перевороты въ умственной и обществен-

---

[1]) Настоящій очеркъ съ необходимыми сокращеніями служилъ предметомъ двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ Св. Владиміра 17 и 24 марта, въ пользу голодающихъ Самарской губерніи и недостаточныхъ студентовъ Университета.

ной сферѣ, которымъ суждено бываетъ играть роль исходныхъ пунктовъ новаго періода развитія или преобразовательной эпохи, такъ сильно отражаются на положеніи женщины. »Нравственный переворотъ въ обществѣ ни на чемъ не отражается такъ живо и такъ ярко, какъ на нравственномъ состояніи женщины«, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ. (См. *Римскія женщины*, *Кудрявцева*).

Первобытная эпоха, съ своими переходными формами жизни, съ своею безграничною свободою и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ произволомъ, кладетъ первый отпечатокъ на судьбу женщины. Въ эту эпоху женщина является то женою одного изъ ближайшихъ родственниковъ, то предметомъ искательства значительно разросшагося племени, то наконецъ предметомъ вражды чуждыхъ другъ другу племенъ. На этой ступени развитія она пользуется значеніемъ соотвѣтственно тому положенію, какое ей прійдется занять въ этой борьбѣ за обладаніе ею. Бытъ женщины мало отличается отъ жизни мужчины. Исторія сохранила преданія объ амазонкахъ, о борьбѣ мужчинъ и женщинъ, о войнахъ изъ-за женщинъ, о томъ, чѣмъ сопровождался переходъ къ установленному браку. Въ сказаніи о Кекропсѣ, установившемъ бракъ въ Аѳинахъ, предпочтеніе, оказанное названію города въ честь Аѳины, а не Нептуна, состоялось благодаря перевѣсу женщинъ, которыя потомъ должны были отказаться отъ права участвовать въ собраніяхъ, чтобы спасти страну отъ разгнѣваннаго бога, грозившаго потопить ее. Славянскія преданія также помнятъ о подобной борьбѣ (основаніе Дѣвина-городка у *Козьмы Пражскаго*); и они говорятъ о значительномъ участіи и свободѣ женщины въ заключеніи брачныхъ отношеній (таково *умыканіе* у *древняго русскаго лѣтописца* и *Козьмы*, соотвѣтствующее похищенію сабинокъ), о полной свободѣ брачныхъ отношеній, не стѣсняемыхъ даже родствомъ (радимичи и вятичи русскаго лѣтописца). Древнія русскія былины знаютъ лучшихъ стрѣлковъ изъ женщинъ (жена Дуная), поленицъ, ни чѣмъ не уступающихъ богатырямъ. Вѣщія жены имѣютъ большое вліяніе на жизнь племени; онѣ управляютъ страною какъ мудрые правители (Любуша, Ольга, Ванда). Но въ жизни народовъ было время, когда женщина, пользуясь указанными преимуществами, стояла въ средоточіи нараждавшагося поколѣнія, давала ему свое имя; такъ какъ только матерью могло быть опредѣлено происхожденіе лица. Только постепенно утрачивались эти черты быта, благодаря осѣдлости племенъ, ихъ сосредоточенію и утвержденію патріархальныхъ началъ (*Bachofen*,

Das Mutterrecht. Eine Untersushung über die Gynäikokratie der alten Welt, 1860). Это вторая эпоха въ развитіи женской личности, которая вполнѣ обладаетъ историческими данными.

Какъ знамя новѣйшей общественности и науки есть освобожденіе и возвышеніе личности, такъ, напротивъ, въ древней, патріархальной формѣ быта личность вполнѣ поглощается другою собирательною единицею, съ которой живетъ одною жизнію--*семьею.* Это начало проходитъ чрезъ всѣ правовыя отношенія древняго общества. Самое древнее право слагалось такимъ образомъ, что было приспособлено къ системѣ небольшихъ независимыхъ корпорацій. Положенія его были немногочисленны; такъ какъ они дополнялись деспотическими повелѣніями родоначальниковъ; оно отличалось обрядностью. Въ слѣдствіе тѣсной связи личности съ той патріархальною группою, изъ которой она произошла, самое опредѣленіе нравственныхъ началъ было иное: нравственная оцѣнка поступковъ распространялась не только и часто не столько на отдѣльное лицо, сколько на всю группу лицъ, тѣсно связанныхъ съ послѣднимъ родствомъ и происхожденіемъ. Вина отдѣльнаго лица падала на его дѣтей, а иногда и на все колѣно, къ которому принадлежалъ виновный. Таковы были основы древне-классическаго, германскаго, и старо-славянскаго быта. Русская Правда образовалась еще подъ вліяніемъ этихъ идей. Элементарной группой этого порядка является семья; соединеніе семей образуетъ родъ, соединеніе родовъ — трибу: таковъ основной составъ римскаго государственнаго организма. Съ постепеннымъ развитіемъ его и соприкосновеніемъ съ чуждыми элементами явилась необходимость принятія въ его составъ и послѣднихъ. Но для этого необходимо было сроднить постороннія, чуждыя единицы съ своею корпораціей, для чего требовалось исполненіе извѣстныхъ формулъ и обрядовъ *(Мэнъ, Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ. Спб.* 1873, 99—104). Это было неизбѣжно, потому что со вступленіемъ новаго лица въ чуждую корпорацію соединялось почитаніе очага и признаніе того религіознаго культа, который былъ посвященъ ему. «Со времени брака, по словамъ одного древняго писателя, жена не имѣла уже ничего общаго съ домашней религіей своихъ отцовъ; она приноситъ жертвы очагу мужа» (слово *πάτρα* у Стефана Византійца, см. *Фюстель-де-Куланжъ, Гражданская община древняго міра. Москва,* 1867, 50). И напротивъ, чтобы выйти изъ новой семьи, т. е. получить разводъ,

жена опять должна была, съ сопровожденіемъ новыхъ церемоній, проклясть боговъ своего мужа (*ib.*, *56*). Этимъ опредѣляется вся цѣпкость и прочность патріархальныхъ началъ.

Семья есть типъ архаическаго общества во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, но это понятіе слѣдуетъ принимать нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ оно употребляется въ наше время. Семья представляется здѣсь прочно-скрѣпленнымъ союзомъ, управляемымъ неограниченною властью главы и установившимся обычаемъ. Черты этого быта отразились на всемъ гражданскомъ правѣ, и послѣднее до того измѣнялось медленно, подъ вліяніемъ господствующихъ идей, что даже въ такой развитой законодательной системѣ, какъ римское право, эту перемѣну можно прослѣдить шагъ за шагомъ. Смѣсь позднѣйшаго римскаго права съ первобытными варварскими обычаями эпохи переселенія народовъ имѣла опять слѣдствіемъ то, что она оживила многія черты архаическаго порядка, уже вымершаго въ римскомъ мірѣ. Отличительною чертою этого порядка была широко развившаяся отеческая власть (patria potestas), принадлежавшая отцу или другому предку и распространявшаяся на личность и имущество его потомковъ. Только медленно и постепенно терялись черты этого быта, подъ напоромъ все преобразующей цивилизаціи. Такъ, въ римскомъ обществѣ, неограниченное право тѣлеснаго наказанія было замѣнено правомъ перенесенія домашнихъ проступковъ на разсмотрѣніе гражданскаго магистрата; привилегія распоряжаться супружествомъ дѣтей замѣнилась условнымъ запрещеніемъ; право продажи дѣтей было совсѣмъ уничтожено. Но только первымъ цезарямъ приписываются первые сильные удары, нанесенные институту родительской власти; такъ что даже нѣкоторыя распоряженія Траяна и Адріана можно считать лишь подготовкой для цѣлаго ряда узаконеній въ этомъ родѣ. Извѣстно, что римское право запрещало дѣтямъ, находившимся подъ отеческою властью, владѣть собственностью отдѣльно отъ родителя, и отецъ, въ противномъ случаѣ, всегда имѣлъ право присвоить себѣ все благопріобрѣтенное имущество сына. Замѣчательно однако, что до самаго періода имперіи не дѣлалось никакихъ попытокъ измѣнить такой порядокъ вещей. Имущество, пріобрѣтенное солдатами, находящимися на службѣ, было впервые изъято изъ подъ дѣйствія родительской власти, а это было сдѣлано вѣроятно въ видѣ награды войскамъ, уничтожившимъ свободу республики. Только три столѣтія спустя эта льгота была распростра-

нена и на лицъ, занимавшихъ гражданскія должности. Но въ обоихъ случаяхъ все таки пришлось прибѣгнуть къ ограниченіямъ; такъ что дальнѣйшія ослабленія ихъ пришлось дѣлать еще и Константину В., и Юстиніану. Замѣчательно также, что распространеніе правъ гражданства на остальныя части римской имперіи повело за собою и усиленіе родительской власти въ указанномъ смыслѣ, а дарованіе его Антониномъ Каракаллою всѣмъ подданнымъ произвело какъ расширеніе отеческой власти, такъ и скрѣпленіе семейныхъ отношеній, что не осталось безъ вліянія на самый нравственный переворотъ, подготовленный христіанствомъ (*Мэнъ, стр. 114)*).

Понятно, какъ этотъ строй долженъ былъ отражаться на положеніи женщины. Она вполнѣ исчезала въ родовой опекѣ. Съ ея именемъ обыкновенно завершалась самая вѣтвь рода; такъ что ни одинъ изъ ея потомковъ уже никогда не включался въ первобытное понятіе семейнаго родства (mulier est finis familiae). Законы племенъ, разрушившихъ римскую имперію, были также въ сильной степени проникнуты этимъ понятіемъ родства, но оно было разрушено потомъ вліяніемъ позднѣйшаго, болѣе развитаго римскаго права. Въ своей архаической формѣ, положеніе женщины въ древнемъ мірѣ опредѣлялось извѣстнымъ институтомъ о *вѣчной опекѣ*, которая, по смерти отца, переходила къ прочимъ родственникамъ мужескаго пола. То же явленіе встрѣчается въ обычаяхъ племенъ, покорившихъ римскую имперію, и ихъ идеи въ этомъ отношеніи могутъ быть отнесены къ самымъ консервативнымъ изъ всѣхъ идей, какія они внесли въ западный міръ; а законы скандинавскихъ народовъ въ томъ же смыслѣ остались вѣрны этой системѣ до позднѣйшаго времени (*Мэнъ, 105—121*).

Соотвѣтственно указаннымъ воззрѣніямъ, очевидно выросшимъ на почвѣ самаго быта, сложился въ древнемъ обществѣ и бытъ женщины. Мѣстомъ домашней жизни гречанки—былъ гинекей; римлянка, пока господствовала первобытная простота нравовъ, имѣла мѣсто въ атріумѣ, но, съ расширеніемъ дома, она перешла въ заднюю часть его, соотвѣтствовавшую гинекею. Средоточіемъ ихъ жизни была семья. *(Suet. Domit. 10. Древнія римлянки, Пропилеи, II, 219—220)*. Но жизнь гражданина требовала частыхъ отлучекъ изъ дому. Домашній очагъ не всегда могъ удовлетворить ищущаго развлеченія грека или римлянина. Грекъ любилъ проводить время въ обществѣ гетеръ, уже во время Перикла по-

лучшихъ такую же извѣстность, какъ въ XVIII вѣкѣ основательницы французскихъ салоновъ [1]).

Но для оцѣнки добродѣтелей обыкновенной гражданки продолжали существовать стародавнія опредѣленія. Лучшимъ украшеніемъ ея считалось молчаніе. На могильныхъ камняхъ добродѣтельныхъ женъ любили изображать намордникъ, узду или черепаху, свидѣтельствовавшія о полной покорности и домосѣдничествѣ умершихъ. Даже воззрѣнія лучшихъ людей древности оставались вполнѣ вѣрны современной общественной морали. Сократъ отзывался о женщинѣ, какъ о принадлежащей исключительно дому, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ слова; по его мнѣнію гражданинъ менѣе всего могъ говорить съ своею женою. Въ сочиненіяхъ Платона о женщинѣ высказываются не менѣе рѣзкія понятія, хотя онъ съ своей коммунистической точки зрѣнія на государство и допускаетъ равенство занятій и воспитанія для обоихъ половъ (Республика). По мнѣнію Аристотеля самая добродѣтель женщины совсѣмъ иная, чѣмъ добродѣтель гражданина; она мало чѣмъ отличается отъ той, къ которой способенъ рабъ. Идеалъ жены, нарисованный Ксенофонтомъ,—нашъ домостроевскій идеалъ. При чисто-государственной оцѣнкѣ дѣятельности, какая обыкновенно высказывалась римскимъ гражданиномъ, и женщина имѣла тамъ болѣе почетное мѣсто, но только въ силу того, что она приноситъ извѣстную пользу государству. Въ отношеніи же нравственной оцѣнки ея и римляне не пошли далѣе греческихъ воззрѣній. »Всѣ женщины, говоритъ Катонъ старшій, несносны по своему кокетству; если бы мужчины были отъ нихъ свободны, то наша жизнь была бы менѣе безбожна«. И онъ никогда не обнималъ жены въ присутствіи дочерей своихъ, за исключеніемъ одного раза, когда она испугалась во время бури (*Mommsen, III, Kap. XIII*). Цензоръ Метеллъ сказалъ однажды народу: »Если бы природа позволила намъ обойтись безъ женщинъ, то мы избавились бы отъ весьма докучливыхъ товарищей«. Римская матрона пользовалась уваженіемъ, смотря потому, на сколько были полезны государству ея дѣти. Извѣстная своимъ образованіемъ и семейными добродѣтелями дочь Сципіона старшаго Корнелія удостоилась почета какъ »мать Гракховъ«.

---

[1]) Демосѳенъ такъ формулировалъ различіе этихъ ролей женщины: прелестницы служатъ для грубыхъ удовольствій, жены—для поддержанія рода и охраны жилищъ, а гетеры—для духовныхъ наслажденій.

Очевидно, что древнія добродѣтели, державшіяся патріархальными основами жизни, когда послѣднія постепенно потеряли свой смыслъ, не могли держаться на прежней высотѣ. Развитіе общественной жизни, масса новыхъ потребностей и появленіе новыхъ предметовъ удовлетворенія—должны были повліять и на устройство прежняго быта.

Распаденіе римской семьи мы можемъ прослѣдить по пятамъ въ слѣдъ за развитіемъ самаго государства. Еще въ тотъ періодъ, когда римляне не перенесли своихъ завоеваній за предѣлы Италіи, уже пришлось прибѣгнуть имъ къ введенію рядомъ съ религіознымъ бракомъ гражданскаго брака—и въ этомъ лежало первое начало къ дальнѣйшему ослабленію полновластія мужа, какъ господина. Между тѣмъ еще въ тотъ же періодъ бывшій консулъ Публій Корн. Руфинъ (464—67 осн. гор.) былъ исключенъ изъ списка сенаторовъ цензорами за то, что имѣлъ серебряный сервизъ цѣною въ 225 р. *(Mommsen, II Buch. Kap. VIII)*. Безбрачіе, противъ котораго вздумали тогда употребить подать на холостыхъ, ко времени Катона старшаго умножилось вмѣстѣ съ разводами. Въ средѣ знатнѣйшихъ фамилій совершались ужасныя преступленія: консулъ Гай Кальпурній Пизонъ отравленъ былъ своею женою и пасынкомъ, для того, чтобы ускорить новые выборы и доставить консульство послѣднему [1]). Чтобы удержать за собою собственность, женщины стали прибѣгать къ мнимымъ бракамъ. Такимъ образомъ все болѣе въ ихъ рукахъ стали сосредоточиваться богатства, и въ это время они уже были такъ велики, что правительство прибѣгло къ запрещенію закономъ дѣлать женщинъ наслѣдницами по завѣщанію и стало отнимать у нихъ достающіяся имъ безъ завѣщанія боковыя наслѣдства [2]). Такое меркантильное направленіе въ средѣ женщинъ

---

[1]) Въ 326 г. до Р. Х. въ Римѣ распространился слухъ о заговорѣ женщинъ съ цѣлію отравленія мужей, изъ которыхъ уже многіе стали его жертвою. Число заговорщицъ насчитывали 170 до 360. Виновныхъ судьи приговорили выпить ядъ.

[2]) Нарушеніе древне-спартанскаго воспитанія и устройства было въ значительной степени также обязано женщинамъ. Не смотря на запрещеніе давать за дочерьми большія приданыя, спартанки успѣли обойти законъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ большія богатства, получивъ такимъ образомъ вліяніе на дѣла; поэтому Аристотель и самое правительство называетъ гинейкократіей. Современно тому, какъ Аѳины достигли полнаго могущества, а Платонъ задумывалъ переустройство государства на указанныхъ выше началахъ,

совпало съ развитіемъ сильной роскоши въ Римѣ. Серебряная посуда, изукрашенная великолѣпными фигурами, стала обыкновеннымъ явленіемъ; появились Атталовы столы и одежды съ толстымъ золотымъ шитьемъ. Настойчивость женщинъ заставила послѣ мира съ Кароагеномъ уничтожить запрещеніе имъ носить золотыя украшенія и пестрыя одежды. Въ дѣлахъ республики вліяніе женщинъ стало уже замѣтнымъ; въ провинціяхъ воздвигались имъ статуи, и тотъ же Катонъ могъ сказать, что онѣ повелѣваютъ даже повелителями міра (*Mommsen II, Кар. XIII*). Самъ *Катонъ*, когда замѣтилъ, что его жена очень нравится его другу Гортензію, то уступилъ ее ему, а потомъ снова взялъ ее назадъ—тотъ Катонъ, который всю жизнь гремѣлъ противъ роскоши и вліянія женщинъ и который ежедневно присутствовалъ, когда купали его дѣтей. Время Юлія Цезаря было временемъ полнѣйшаго распаденія старыхъ семейныхъ нравовъ [1]). Во время же Сенеки, воспитателя Нерона, жены считали годы не по консуламъ, а по своимъ мужьямъ. Еще позже блаженный Іеронимъ разсказываетъ, что ему пришлось быть на похоронахъ одной римской дамы, которая въ своей жизни перемѣнила 17 мужей *(Ешевскій, Женщина въ средніе вѣка, въ Собр. сочин. III, 351)*. Въ политической жизни типъ римской матроны развился въ типы Агриппинъ и Мессалинъ (см. *Римскія женщины Кудрявцева*). Быть можетъ подъ вліяніемъ такого общественнаго настроенія, у Сенеки, столь близко стоявшаго по своимъ воззрѣніямъ къ христіанству и обладавшаго вполнѣ достойною женою, которая не задумалась даже раздѣлить съ нимъ смерть, вырвался слѣдующій жестокій приговоръ женщинѣ. »Женщина, говоритъ онъ, есть безстыдное животное, и, если не заняться много ея воспитаніемъ, не дать ей много знанія, я вижу въ ней только дикую тварь, не способную сдерживать свои страсти«. Замѣчательно однако, что хорошее воспитаніе и серьез-

---

женщины предъявляли права на гражданское равенство и реформу семейства въ духѣ Платона. (См. *Женщины въ народномъ собраніи, ком. Аристофана*). Въ это время многія греческія женщины, и особенно гетеры, были извѣстны, какъ серьезно знакомыя съ грамматикой, математикой, физикой и философіей; нѣкоторыя изъ нихъ учили этимъ предметамъ или писали о нихъ (Филенида, Лаиса, Арета, Никарета и др.).

[1]) *Suet. Caes. 50—52.* Говорятъ, что по приказанію Юлія Цезаря былъ изготовленъ проэктъ закона, дозволявшій имѣть нѣсколькихъ женъ.

ное знаніе онъ считалъ лучшими средствами противъ того печальнаго положенія женщины, о которомъ самъ говоритъ. Мы видѣли, что уже въ эпоху Гракховъ греческая наука становилась достояніемъ женщины и въ Римѣ. Подъ конецъ древняго міра исторія знаетъ женщину, которая вполнѣ предалась изученію современной науки, математики и философіи, и которая съ успѣхомъ преподавала ихъ въ самомъ центрѣ тогдашней образованности—Александріи. То была *Ипатія*, язычница, дочь математика Теона, убитая среди бѣлаго дня въ христіанскомъ храмѣ, благодаря вспышкѣ религіознаго фанатизма *(Дрэперъ, Ист. умств. разв. Евр. I, 263—265).*

Подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ, положеніе женщины въ юридическомъ отношеніи замѣтно измѣняется. Понятіе о вѣчной опекѣ надъ женщиной совершенно исчезло въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ; такъ что быть можетъ мы и не знали бы вполнѣ характера этого института, если бы не были открыты рукописи извѣстнаго юрисконсульта Гая, описавшаго его въ самый интересный моментъ его существованія, т. е. когда онъ близокъ былъ къ совершенному исчезновенію. Гай уже съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ ходячихъ апологіяхъ, которыя основывали необходимость опеки на умственной несостоятельности женскаго пола и большую половину своей книги посвящаетъ описанію самыхъ разнообразныхъ и часто курьезныхъ способовъ, какими старались римскіе юристы дать возможность женщинѣ обходить древнія постановленія. Изъ нихъ видно, что въ основаніе своихъ доводовъ тогдашніе юристы полагали идею о равенствѣ обоихъ половъ. Со времени введенія новой формы брака о личной независимости уже не было слова, а всѣ возраженія касались главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній *(Мэнъ, 121—123).*

Внесеніе въ древній міръ новой стихіи— христіанской, естественно должно было повліять какъ на самые нравы, такъ и на убѣжденія общества. Составляя оппозицію нравственному упадку древняго общества и предлагая въ замѣнъ доведенной до несостоятельности философской мысли и подкапывавшаго древній міръ рабства—равенство народовъ и половъ и религію сердца, эта новая стихія должна была значительно измѣнить и строй общества, и положеніе женщины, которая въ религіи сердца естественно должна была занять видное мѣсто. Но идеалы человѣчества не легко осуществляются, встрѣчаясь съ историческою дѣйствительностью. Представителямъ новой религіи пришлось вступить въ

жестокую борьбу съ старымъ міромъ, нравственное состояніе котораго заставляло ихъ прежде всего обратить вниманіе на упадокъ семейнаго быта. Это явленіе было общимъ во всѣхъ областяхъ старой Римской имперіи; на эту сторону языческой жизни и направлены были современныя обличенія проповѣдниковъ новой религіи. Съ перенесеніемъ столицы міра—въ Византію, и тамъ повторились тѣже явленія распадавшагося политически древняго общества. Но здѣсь они еще болѣе усложнились, въ слѣдствіе политическихъ условій византійскаго быта и восточнаго склада жизни. Типы Мессалинъ и Агриппинъ нашли здѣсь достойное подражаніе въ образахъ Пульхеріи, Өеодоръ, Антонинъ, Өеофанъ и Зой. Общественная жизнь Византіи, слагавшаяся среди борьбы придворныхъ, церковныхъ и театральныхъ партій, подпала не менѣе сильному вліянію женскаго терема *(Finlay, History of the Bysantine and Greek Empires и Византійскія женщины, Орбинскаго, Рус. Слово 1859, XII, и 1860, VII).* Съ такимъ порядкомъ вещей не могла мириться аскетическая мысль востока и вотъ рядомъ съ указанными явленіями тамъ возникаетъ обширная литература противъ женщины вообще. Въ сборникахъ, преимущественно составленныхъ въ монастыряхъ, въ родѣ »Златоуста« и »Пчелы«, борьба противъ вліянія и значенія женщины получила систематическій характеръ. Въ нихъ тщательно собирались всѣ изреченія древнихъ мудрецовъ и библейскихъ писателей, подкрѣпленныя уже извѣстными намъ мнѣніями классическихъ писателей, которыми продолжали пользоваться въ Византіи для своихъ цѣлей [1]). На этой почвѣ выросли русскія литературныя воззрѣнія на женщину, когда вліянія Византіи стало обезпеченнымъ. Вмѣстѣ съ аскетическою литературою, эти воззрѣнія распространились и на западѣ, гдѣ они нашли себѣ фактическую поддержку въ остаткахъ языческой древности, продолжавшихъ еще держаться въ римскихъ провинціяхъ. Эти нравы сильно возмущали представителей новой религіи, которые не щадили красокъ на изображеніе современной имъ женщины (напр. въ соч. Сальвіана, Марія Виктора, Павлина и др.). Замѣчательно какъ происходила трансформація древней жизни подъ вліяніемъ новыхъ

---

[1]) Иногда виз. писатели давали совсѣмъ иной, противоположный характеръ изреченіямъ, болѣе благосклоннымъ относительно женщины. См. подробнѣе въ нашемъ изслѣдованіи: *О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 251—254.*

идей. Въ V вѣкѣ, въ Галліи, въ то время какъ языческая женщина жила еще вполнѣ жизнію римской матроны эпохи упадка,—женщина христіанка замкнулась въ гинекей, и хотя мужъ ея еще сохранялъ, какъ воспоминаніе прежней жизни, произведенія древней литературы,—она могла пользоваться лишь книгами религіознаго содержанія *(Ешевскій, Апол. Сидоній, ib. III, 73—81)*. Этотъ взглядъ послѣдовательно проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка и сохраняется за тѣмъ въ той средѣ, которая наиболѣе усвоила черты средневѣковыхъ воззрѣній. Извѣстно, что на одномъ изъ средневѣковыхъ соборовъ былъ поднятъ категорическій вопросъ—»человѣкъ ли женщина«? который раздѣлилъ отцовъ собора на партіи, пока одинъ изъ ученыхъ богослововъ не привелъ слѣдующаго аргумента: Іисусъ Христосъ называется въ Евангеліи сыномъ человѣческимъ, а на землѣ онъ былъ только сынъ Дѣвы Маріи, женщины, слѣд. женщина человѣкъ, иначе сына ея нельзя было бы назвать сыномъ человѣческимъ. Тогда соборъ торжественно призналъ женщину человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ воззрѣніяхъ младенчествующей мысли народа, и даже въ литературѣ продолжали высказываться взгляды совершенно противоположнаго характера. Такъ въ 1690 г. было издано сочиненіе на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: »Женщина не человѣкъ«, а въ 1753 г. появилось другое сочиненіе уже на нѣмецкомъ языкѣ, подъ болѣе завлекающимъ заглавіемъ: »Любопытное доказательство, что женщины не принадлежатъ къ человѣческому роду«. Эти сочиненія напечатаны—одно во Франкфуртѣ, другое въ Лейпцигѣ *(Ешевскій, Сочиненія, III, 343—344)*.

Такое воззрѣніе на положеніе женщины нашло себѣ поддержку, съ другой стороны, въ строѣ самаго общества. Разрушивъ остатки древней образованности, новые народы внесли и въ религію, и въ воззрѣнія общества множество грубыхъ суевѣрій, свойственныхъ вполнѣ варварскому быту. Духовенство въ свою очередь враждебно смотрѣло на языческую науку и общественность. Паденіе древней образованности было очевиднымъ уже въ VI столѣтіи и до такой степени понизило средній уровень знанія, что историки не находятъ особенной разницы между VII и XI вѣками. Съ половины IX вѣка и до конца XI трудно было найти во Франціи даже одного юриста, который умѣлъ бы читать и писать; не лучше было и въ другихъ странахъ Европы, кромѣ Италіи [1]).

---

[1]) Въ Санъ-Галенѣ даже въ XIII в. случилось, что ни аббатъ, ни весь капитулъ не умѣли писать. *Шерръ, Ист. цивилиз. въ Германіи, 178.*

Вотъ почему даже участіе въ простыхъ сдѣлкахъ, требовавшихъ знанія письма, уже влекло за собою участіе духовнаго лица, и потому слово клеркъ, — духовный, стало синонимомъ умѣющаго писать. Съ XII вѣка это состояніе начинаетъ измѣняться; но Филиппъ Смѣлый, вступившій на французскій престолъ въ 1270 г., не умѣлъ вовсе писать. Умѣнье читать уже было распространено, но, по свидѣтельству ученыхъ бенедиктинцевъ, умѣнье писать между свѣтскими лицами во Франціи сдѣлалось въ обычаѣ лишь передъ концомъ XIII вѣка. Подписи въ дѣлахъ частныхъ вводятся въ XIV вѣкѣ и къ концу только этого вѣка относятся первыя проявленія женскаго письма въ Англіи. При такомъ ходѣ образованія понятно, что даже въ XIII вѣкѣ, когда извѣстною частью общества овладѣлъ литературный энтузіазмъ, знакомство съ образованными языками и даже грамматикою представляется въ самомъ плохомъ видѣ. *(Галламъ, Ист. Европ. литер., 3, 38—40, 60)*. Впрочемъ и самыя условія общественной жизни были такого рода, что долгое время послѣ паденія Римской имперіи, тѣ усовершенствованныя формы быта, которыя были извѣстны древнему міру, стали считаться излишнею роскошью. Съ другой стороны, среди неумолкаемыхъ битвъ и варварскихъ набѣговъ трудно было думать даже о самыхъ обыкновенныхъ удобствахъ; подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ опасностей жизнь замкнулась въ неприступные замки и сложилась по теремному образцу. Однообразная и скучная доля выпала тогда для женщины [1]). Домашняя обстановка французскаго короля Филиппа Августа (нач. XIII в.) вполнѣ свидѣтельствуетъ о простотѣ домашняго быта. Семейство короля мѣняло свое платье всего три раза въ годъ. Ковры на стѣнахъ комнатъ составляли рѣдкость; въ торжественной залѣ стояли деревянные столы и скамьи; полы были каменные и зимою устилались соломою; окна освѣщались промасленною бумагою или роговыми пластинками; вмѣсто дивановъ стояли сундуки, въ которыхъ хранились и драгоцѣнныя вещи. Въ нѣкоторыхъ домахъ встрѣчались библіотеки, но онѣ не превышали 12 томовъ, въ число которыхъ входили библія, житія святыхъ, какая нибудь юридическая книга и нѣсколько тогдашнихъ романовъ *(Ешевскій, III, 380—381)*. Даже въ Италіи, странѣ болѣе ранней граждан-

---

[1]) »Феодальное семейство живетъ совершенно особнякомъ отъ остальнаго народонаселенія. Внутренняя жизнь, домашнее общество должны были взять перевѣсъ«, говоритъ Гизо.

ственности, до XIII вѣка во всей обстановкѣ господствовали умѣренность и простота; издѣлія изъ золота, серебра, дорогихъ каменьевъ и мѣховъ встрѣчались весьма рѣдко; но во второй половинѣ XIII в. все это сильно распространяется и городскія власти начинаютъ прибѣгать къ штрафамъ за роскошь. *(Гюльманнъ, Общест. и частн. жизнь въ европейскихъ городахъ сред. вѣковъ, глава VI)*.

Понятно, какъ историческія условія быта среднихъ вѣковъ должны были повліять на домашнія отношенія и на сколько замкнутость женщины и патріархальныя воззрѣнія на нее были естественны, не смотря на идеалъ, выставленный христіанствомъ, о равенствѣ племенъ и половъ. Подъ вліяніемъ этихъ условій сложились средневѣковые *»домострои«*, не уступавшіе по своему характеру извѣстному русскому домострою, приписываемому попу Сильвестру. Таковы въ итальянской литературѣ сочиненія—заточника въ Бари (Dottrina o proverbi), XIII в., Егидія Колонны, архіепископа буржскаго (Il trattato de regimine principium, написанное для Филиппа Прекраснаго), Франческа да Барберино (Reggimento delle donne), XIII—XIV в.; Пандольфини »Разсужденіе объ управленіи семьей« (XV в.); въ литературѣ французской—»Совѣтъ отца сыну«, XIII в. (Le castoiement d'un père à son fils), сочиненіе Жоффруа де Латуръ-Ландри, XIV в., Парижескій хозяинъ XV в. (Menagier de Paris); въ нѣмецкой и славянской литературахъ также существуютъ свои національные домострои (см. *Введеніе въ Опытъ истор. литер. изслѣд. Домостроя, Некрасова, Москва 1873 г.*). Изъ сочиненія Барберино видно, что чѣмъ выше было положеніе женщины, тѣмъ болѣе она была стѣснена. Дѣвушкѣ царскаго рода онъ предоставляетъ учиться читать и писать; но высшему сословію онъ опасался позволить и это занятіе, боясь соблазна; въ семействахъ же купцовъ и низшаго класса подобное занятіе женщинъ заслуживаетъ со стороны автора полнаго порицанія. Дѣвицамъ высшаго класса рекомендовалось постоянно находиться въ домашнемъ кругу; не смотрѣть на людей; больше слушать чѣмъ говорить, а въ послѣднемъ случаѣ отвѣчать всегда тихо и безъ излишнихъ тѣлодвиженій. Для женщины рыцарскаго сословія главными занятіями авторъ считаетъ вышиванье и кухню. До замужества дѣвушка не должна показываться ни у окна, ни на балконѣ, ни въ какомъ бы то ни было общественномъ собраніи. *(Изъ исторіи развитія личности, статья г. Веселовскаго въ Бесѣдѣ, 1873 г., № 3)*. Въ иностранныхъ домостроях, какъ и въ русскомъ, рукодѣлье и хозяй-

ство составляютъ суть домашней жизни женщины. Въ нихъ совѣтуется мужьямъ не особенно довѣряться женщинамъ и не ввѣрять женамъ важныхъ дѣлъ, требующихъ тайны. Общественныя дѣла считались принадлежностью мужчины; дѣла домашнія—обязанностью женщины. Молчаніе считалось лучшимъ украшеніемъ женщины; болтливость—глупостью и порокомъ. И западные домострои заботились обставить женщину практическими совѣтами о порядкѣ и скромности, чтобы она не причинила безчестья мужу и всему дому. Въ Германіи, позже другихъ западныхъ странъ усвоившей плоды новой культуры, правила домашняго очага соблюдались болѣе строго. Въ домахъ феодаловъ женская часть семейства обыкновенно помѣщалась въ особомъ отдѣленіи, въ которыхъ возлѣ оконъ продѣлывались особыя ниши, для того, чтобы онѣ могли любоваться окрестностями. Для честнаго рыцаря тамъ не считалось даже необходимымъ знакомство съ чтеніемъ и письмомъ, извѣстными подъ именемъ »поповскихъ хитростей«; дѣти учились необходимымъ молитвамъ, а дѣвочки отдавались въ руки мастерицъ или въ монастыри, въ которыхъ обучались рукодѣлью и библіи Для мужчинъ существуетъ пять высшихъ и лучшихъ благъ, говорили тогда въ Германіи: »прекрасныя женщины, хорошая пища, хорошія лошади, хорошее платье и хорошее вооруженіе« [1]). Современные обличители со всею страстью религіознаго увлеченія боролись противъ танцевъ и другихъ увеселеній, и замѣчательно, что ихъ выраженія въ этомъ случаѣ нисколько не уступали въ силѣ обличеніямъ русскихъ писателей, въ родѣ посланія игумена Елеазарова монастыря Панфила къ псковскому намѣстнику о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день рождества Іоанна Предтечи. И въ то время, какъ придворное общество и рыцарство уже успѣли освоиться съ новыми отношеніями и удобствами жизни, въ обществѣ горожанъ, особенно на сѣверѣ Германіи, продолжала сохраняться полная замкнутость. Женщина не могла выйти изъ дому безъ провожатаго; хозяйство считалось ея единственнымъ занятіемъ; романы строго преслѣдовались и строго соблюдалась покорность женскихъ членовъ семьи не только отцу или хозяину, но даже сестеръ

---

[1]) Миннезингеръ Реймаръ фонъ Цветеръ даетъ такой совѣтъ: »Возьми дубинку и вытягивай жену по спинѣ, да получше, изо всей силы, чтобы она знала въ тебѣ господина и забыла бы свою злобу«. Въ средніе вѣка въ Германіи, двѣ женщины съ *будущимъ* семействомъ могли быть проданы за 1 флор. и 45 крейц; *Шерръ*, 615.

братьямъ. На сѣверѣ Германіи дома строились фронтонами на улицу; но обводились высокими стѣнами, и этотъ характеръ жизни пережилъ тамъ эпоху реформаціи. *(Шерръ, Ист. цивилизаціи въ Германіи, 108, 113, 120, 128, 441—42).*

Упадокъ древней образованности и наплывъ варварскаго элемента, повліявшаго всею своею массою на духъ и формы средневѣковаго христіанства, оставили глубокіе слѣды на современномъ европейскомъ обществѣ. Въ теченіе VI—XII стол. вполнѣ сложилась та масса суевѣрій, которая опутала всю жизнь средневѣковаго человѣка *(Лекки, Ист. раціон. въ Европѣ, I, стр. 40)*, а къ концу этого періода образовалось уже вѣрованіе о вѣдьмѣ, какъ дѣйствительной женщинѣ, заключившей союзъ съ сатаною. *(ib. 47)*. Полное господство грубой силы и то рабство, въ какомъ находился крѣпостной классъ, дали полную возможность развиться суевѣрной мысли, искавшей для себя утѣшенія въ колдовствѣ и магіи, когда и религія такъ мало давала народу, или давала много такого, что вполнѣ соотвѣтствовало тому же направленію мысли. Такимъ образомъ женщина, лишенная общественнаго значенія, является главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ родахъ колдовства; такъ что тогдашніе спеціалисты въ процессахъ этого рода насчитывали по 1 колдуну на 10,000 колдуній, а извѣстный медикъ XVI вѣка, Парацельсъ, сожигая всѣ свои медицинскія книги, объявилъ, что все, что онъ зналъ, онъ узналъ отъ колдуній [1]). Такою жестокою насмѣшкою заплатило средневѣковое человѣчество за пренебреженіе знанія и общественный гнетъ, не считая того, что сотни тысячъ пали жертвами этого уродливаго направленія мысли и не менѣе уродливаго отношенія къ ней, какъ тогдашнихъ ученыхъ и юристовъ, такъ и представителей средневѣковой церкви *(Ешевскій, Сочин. III, 398—401)*. Шерръ насчитываетъ до 100,000 сожженныхъ за колдовство въ одной Германіи, изъ которыхъ на долю мужчинъ приходится сравнительно незначительный процентъ.

Въ силу указанныхъ условій, римское право, сдѣлавшее въ послѣдній періодъ своего развитія много въ пользу личныхъ правъ женщины, должно было подпасть новымъ вліяніямъ. Обличители, руководимые

---

[1]) Въ средніе вѣка медицина въ связи съ знахарствомъ считалась вообще спеціальностью женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ бывали придворными лекарями.

весьма понятнымъ отвращеніемъ къ распущенности языческаго міра, а потомъ подъ вліяніемъ аскетизма, смотрѣли неодобрительно на тѣ послабленія въ семейномъ правѣ женщины, какія были признаны уже въ римскомъ кодексѣ. Вотъ почему въ этомъ отношеніи римское право, въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ на него повліяли постановленія позднѣйшихъ императоровъ, носитъ на себѣ уже слѣды реакціи противъ либеральныхъ доктринъ извѣстныхъ юрисконсультовъ эпохи Антониновъ. Съ принятіемъ же въ составъ Римской имперіи варварскихъ народовъ, въ римскомъ кодексѣ появилось новое наслоеніе—патріархальная власть мужа надъ женою, свойственная неразвитымъ цивилизаціямъ; между тѣмъ какъ женщинѣ незамужней и вдовамъ все таки предоставлялась относительная свобода [1]. Кодексъ Юстиніана, вѣрный преданіямъ свѣтской власти Рима, пытался ослабить эти отношенія своими толкованіями; но права замужней женщины въ средніе вѣка все таки утвердились не на свѣтскомъ началѣ, а на каноническомъ правѣ. Сохранилось не мало слѣдовъ борьбы этихъ принциповъ; но каноническое право почти вездѣ взяло верхъ. Въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ имущественныя права женщинъ низшаго класса утвердились на основаніи позднѣйшаго римскаго права—и этотъ мѣстный законъ получилъ широкое развитіе въ кодексѣ Наполеона [2]. Наиме-

---

[1]) Какъ происходила въ средніе вѣка смѣсь противоположныхъ другъ другу воззрѣній можно видѣть на постановленіи о прелюбодѣяніи. По каноническому праву это преступленіе подлежало только церковному наказанію; но швабское и саксонское зерцало назначаютъ за него отсѣченіе головы—и принципъ смертной казни вошелъ въ силу. Съ другой стороны, двойная вира за женщину, положенная варварскими законами, замѣняется въ средніе вѣка половинною противъ мужчины.

[2]) Мэнъ замѣчаетъ: »Всѣ германскіе переселенцы въ имперіи признавали корпоративное соединеніе семьи подъ властью патріархальнаго главы (mund); но его власть была очевидно остаткомъ только patria potestas, далеко уступавшимъ той, какою пользовался отецъ въ Римѣ. Франки въ особенности изображаются народомъ, отвращающимся отъ упомянутаго римскаго института, и согласно съ этимъ старые французскіе юристы, хотя и усердно заботились о восполненіи пробѣловъ въ варварскихъ обычаяхъ положеніями римскаго права, но относительно отеческой власти принуждены были оградить французскіе законы отъ вторженія potestas положительнымъ правиломъ: Puyssance de père en France n'a lieu«. *(Древнее право 113)*. Здѣсь дѣйство-

нѣе снисходительными къ замужней женщинѣ оказываются обыкновенно тѣ системы права, которыя исключительно слѣдовали каноническому праву. Кодексы датскіе и шведскіе и до сихъ поръ менѣе благосклонны въ этомъ отношеніи, чѣмъ кодексы остальной Европы. Но еще строже обрекаетъ женщину на имущественную неправоспособность англійское обычное право, которое чуть ли не большую часть своихъ основныхъ принциповъ заимствовало изъ каноническаго права. Въ этомъ вопросѣ оно даетъ даже лучшій матеріалъ для полнаго представленія самой patria potestas. *(Мэнъ, 123—126).*

Постепенно, однако, средневѣковое общество выступаетъ на путь освобожденія. Вмѣстѣ съ паденіемъ западной Римской имперіи, тамошніе города потеряли свое муниципальное устройство и постепенно подпали всѣмъ бѣдствіямъ феодальнаго произвола; но съ XI вѣка на западѣ начинаютъ возникать прежнія права городовъ. Пользуясь борьбою королей съ феодальною аристократіей и папъ съ императорами, а съ другой стороны, благодаря развитію торговли и промышленности со времени крестовыхъ походовъ, города постепенно устраиваются и сами

вала другая сила. Съ распространеніемъ феодальной системы и исчезновеніемъ мелкой собственности жилища женъ и дочерей утратили всякую безопасность и право jambage и cuissage сдѣлалось столь повсемѣстнымъ, что старшій сынъ арендатора предпочитался своимъ братьямъ. Столицы и города разорялись, а жены должны были подвергаться всѣмъ невзгодамъ опустошительной войны и притѣсненія. Только съ постепеннымъ консолидированьемъ земли это положеніе вещей измѣняется и женская личность начинаетъ играть важную роль въ исторіи Франціи, какой не встрѣчаемъ въ другой странѣ *(Кэри, Руковод. къ соціальн. наукѣ, 618—619).* Этотъ фактъ отмѣчаетъ и *Шлоссеръ (Женщины франц. революціи, 3—9).* Въ Англіи, обратное явленіе привело къ противоположному результату. Еще при Карлѣ I женщина располагала всѣмъ своимъ достояніемъ и получала по смерти мужа третью часть изъ его имущества. Теперь законъ передаетъ ему право на всю ея собственность и ни въ одной странѣ женщина не пользуется меньшею независимостью, какъ въ Англіи *(Кэри, 620).* Право продажи жены мужемъ, какъ извѣстно, удержалось въ англійскомъ законодательствѣ до позднѣйшаго времени. Въ средніе вѣка въ Англіи семейная жизнь представляется въ самомъ плачевномъ состояніи, которое заставляло женщинъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, напоминающимъ римскую эпоху. Иногда онѣ составляли даже родъ заговоровъ противъ своихъ мужей. *(Wright, Hystory of domestic manners and sentiments in England during the middle age, 1862).*

вступаютъ въ борьбу съ своими притѣснителями—феодалами. Въ борьбѣ съ послѣдними свѣтская власть постоянно опирается на города, которые успѣваютъ такимъ образомъ пріобрѣтать широкія политическія права. Сначала города освобождаются въ Италіи, за тѣмъ во Франціи и Германіи; они образуютъ между собою союзы и, въ слѣдствіе накопленія богатства, начинаютъ обращать вниманіе на свое благоустройство. Во Франціи городское сословіе вскорѣ заняло мѣсто въ собраніи государственныхъ чиновъ. Изъ городскаго сословія короли избираютъ самыхъ вѣрныхъ исполнителей своей воли и уже въ концѣ XIII вѣка богатство горожанъ дѣлается на столько очевиднымъ, что феодальная аристократія старается посредствомъ запрещеній лишать горожанъ права пользоваться извѣстными удобствами: почетною одеждою, богатыми экипажами и т. п., но это все таки не удается ей. Въ XIV столѣтіи на богатыхъ пирахъ одного французскаго купца, на которыхъ присутствовали короли, герцоги и графы, должность дворецкаго исполнялъ одинъ изъ епископовъ. Богатые граждане Брюгге и Гента въ своей обстановкѣ могли спорить съ роскошью французскаго двора. Знаменитые архитектурные и церковные постройки того времени обязаны своимъ возникновеніемъ тѣмъ же горожанамъ. *(Ешевскій, III, 384—393)*. Въ теченіе XIV вѣка флорентійская дума пять разъ прибѣгала къ запрещеніямъ съ наложеніемъ штрафовъ за слишкомъ дорогія одежды и ношеніе множества дорогихъ камней и золотыхъ издѣлій тамошними дамами, но также напрасно. Изъ множества запрещеній, сохранившихся отъ того времени, относительно Италіи, Франціи и Германіи, можно видѣть, что роскошь стала уже повсемѣстною; даже служанки въ Италіи носили шелковыя и бархатныя матеріи. За тѣмъ запрещенія были распространены на пищу, свадебные расходы, крестины, поминки и т. п. Появился цѣлый рядъ городскихъ праздниковъ, которые также вызвали регламентацію въ расходахъ и обстановкѣ *(Гюльманнъ, 108—145)*. Все это показываетъ, что зажиточность гражданъ сдѣлалась болѣе или менѣе общею; а это не могло не повліять и на семейную обстановку. Присутствіе женщины становится необходимымъ на всѣхъ этихъ торжествахъ; въ честь ея пьютъ особые тосты. Впрочемъ присутствіе женщинъ на домашнихъ и общественныхъ увеселеніяхъ въ Италіи, удержавшей отчасти остатки римскихъ нравовъ послѣдняго періода, не могло вполнѣ исчезнуть; тѣ же черты встрѣчаются и въ Галліи V вѣка, гдѣ римская образованность нашла себѣ

надежный притонъ *(Ешевскій, Аполлинарій Сидоній, гл. I)*. Изъ этой традиціи на югѣ Франціи уже въ X вѣкѣ возникаетъ то поклоненіе женщинѣ, которое все болѣе распространяется въ рыцарскій періодъ и въ остальной Европѣ. *(Галламъ, I, 106—107)*. Подъ вліяніемъ рыцарства феодальные нравы постепенно падаютъ, церковь беретъ рыцарство подъ свою защиту, и девизомъ его становится кличъ—»*Богъ* и *дамы*«; такъ какъ защита церкви и слабыхъ было главнымъ его назначеніемъ. Въ самой исторіи рыцарства слѣдуетъ отличать два періода— періодъ безкорыстнаго увлеченія идеей и періодъ упадка, въ который испорченность и самая уродливая чувственность заняли мѣсто прежняго служенія идеѣ. Тѣмъ не менѣе развитіе рыцарства дало положенію женщинѣ совершенно иное значеніе, чѣмъ какое было создано предъидущими условіями. Въ такъ называемыхъ »судахъ любви« она получила вліятельную роль. Въ тогдашнихъ рыцарскихъ сочиненіяхъ объ ученіи любви, служеніи дамамъ и т. п. вопросахъ вполнѣ выработались правила той услужливой вѣжливости, которая стала необходимою въ отношеніи къ женщинѣ на западѣ *(Ешевскій, Соч. III, 370—76)*. Эти нравы распространялись одновременно съ тѣмъ, какъ въ самомъ законодательствѣ давалось мужу право бить свою жену, о чемъ говоритъ одинъ изъ королевскихъ указовъ во Франціи [1]. Въ поэзіи трубадуровъ женщина очень рано заняла видное мѣсто. Въ Германіи, на общественныхъ пирахъ долѣе удержался обычай отдѣльнаго помѣщенія мужчинъ и женщинъ; но во Франціи это велось иначе. *(Шерръ, 117—118, 127)*. Здѣсь даже вуаль давно перестала быть необходимою при выходѣ женщинъ изъ дому—обычай, который сохраняла въ Испаніи, вопреки мѣстнымъ нравамъ,—Изабелла, дочь Екатерины Медичи и жена Филиппа II. *(Прескоттъ, Ист. Филиппа II, т. II, 171)*.

Паденіе феодальныхъ порядковъ не замедлило отразиться на положеніи женщины въ средніе вѣка. Съ XII вѣка женщины начинаютъ

---

[1]) Въ рыцарской поэзіи прямо заявляется, что женщинѣ нельзя отказывать въ помощи и что за ея права слѣдуетъ бороться всѣми силами. Рыцарь считалъ своимъ долгомъ помогать дѣвушкѣ, если отецъ вздумалъ бы выдать дочь замужъ противъ ея воли. *(Fauriel, Hist. de la poésie provençale)*. Когда женщины пожаловались Карлу VI на притѣсненія бароновъ, и что павшее въ то время уже рыцарство не помогаетъ имъ, то на ихъ жалобу немедленно явились защитники изъ рыцарей же.

пользоваться правами феодальнаго наслѣдства и это право постепенно распространяется почти во всѣхъ западныхъ государствахъ. Правленіе женщинъ много содѣйствовало расширенію этихъ правъ. Женщины, получившія перство, пользуются правомъ засѣдать въ судахъ и парламентахъ и участвовать въ торжественныхъ церемоніяхъ; а во время войнъ и народныхъ движеній—онѣ нерѣдко являются во главѣ вооруженной силы. Понятно, что при такихъ условіяхъ, и общественная жизнь должна была значительно измѣниться.

Въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ домострояхъ встрѣчаются двѣ отличительныя черты—это совѣтъ обходиться съ женою возможно мягче, въ интересахъ домашняго мира, и признаніе за женщиною права заниматься чтеніемъ и даже наукою (Домострой Егидія Колонны). Послѣднее конечно зависѣло отъ самаго состоянія образованности. Мы видѣли насколько было неудовлетворительно до X вѣка даже элементарное образованіе женщины. Милль замѣчаеть, что современъ Ипатіи до времени реформаціи знаменитая Элоиза была единственною женщиною, которая занималась отвлеченнымъ мышленіемъ *(Подчиненность женщины 175)* [1]. Уже существованіе научнаго матеріала и болѣе или менѣе благопріятныхъ условій допускало возможность подобныхъ явленій. Многіе тогдашніе поэты положительно указываютъ, что они разсчитываютъ на кругъ читательницъ. Еще въ X вѣкѣ въ Гандерсгеймскомъ монастырѣ (въ Брауншвейгѣ) молодая монахиня Гротсвита могла пріобрѣсть свѣдѣнія въ классической литературѣ и стала извѣстна своими латинскими комедіями, въ которыхъ положительно слѣдовала Теренцію, сохранивъ въ своихъ произведеніяхъ даже его обыкновенные типы кутилъ и развратницъ, правда постоянно исправляемыхъ. Въ Болоньи былъ еще болѣе интересный случай: тамъ въ 1236 г. получила степень доктора и читала предъ многочисленными слушателями юридическія лекціи прекрасная Батизія Гоццадини. Она ходила обыкновенно въ мужескомъ платьи (*Шерръ, 93—94, 114, 180*) [2]. И въ Византіи примѣръ литера-

[1]) Обыкновенно говорятъ, что она была обязана своимъ образованіемъ Абеляру; но онъ могъ учить ее только діалектикѣ. Она знала уже отлично латинскій языкъ и отчасти греческій и еврейскій *См. Исторію философіи Льюиса, 356—357*, гдѣ, на основаніи изд. Кузеномъ Oeuvres inédites (p. 43) и Dialectica (p. 200), приведено сознаніе Абеляра, что онъ потому незнакомъ съ физикой и метафизикой Аристотеля, что ихъ не было въ латинскомъ переводѣ.

[2]) Въ XIII вѣкѣ во Франціи появляются спеціальныя школы для жен-

турно образованной женщины представляетъ извѣстная Анна Комненъ, дочь императора Алексѣя Комнена, описавшая его царствованіе превосходнымъ языкомъ и весьма почитанная въ исторической литературѣ (см. прологъ къ ея Алексіадѣ). Правда, это болѣе исключительный случай; но мы упоминаемъ его для счету. Гораздо болѣе имѣетъ значенія въ этомъ отношеніи Италія, гдѣ, во время такъ называемаго возрожденія наукъ, женщины принимали весьма дѣятельное участіе въ изученіи древней литературы своими собственными трудами; таковы были: мать Лоренца Медичи—Лукреція Торнабуани, Изабелла Аррагонская, Ипполита Сфорца, Серафина Колонна, Анна Спина, Александра Скала, двѣ Изотты (изъ Римини и Вероны), принцесса Біанка д'Эсте, Домитилла Тривульція и Кассандра Феделе. (*Шлоссеръ*, *X*, *377—79*). Это обаяніе древней литературой и наукой такъ охватило уже новое общество, что въ половинѣ XVI вѣка даже въ Англіи шестнадцатилѣтняя Іоанна Грей на столько основательно знала древніе языки и особенно Платона, какъ мало знали и многіе изъ ученыхъ ея времени. Она вела латинскую переписку съ швейцарскими реформаторами и письма ея сохраняются въ Цюрихѣ, какъ рѣдкость. (*ib.*, *XIII*, *123*). Мать извѣстнаго Бэкона, дочь Антона Кука, была знаменита и какъ лингвистъ, и какъ теологъ. Она переписывалась на греческомъ языкѣ съ епископомъ Джевелемъ и съ такою правильностью перевела съ латинскаго его Апологію, что ни онъ, ни епископъ Паркеръ не нашли нужнымъ сдѣлать ни малѣйшей поправки. Въ началѣ XVII в. въ Голландіи, дочь амстердамскаго врача Ванъ-денъ-Енда, занималась преподаваніемъ латинскаго языка и у нея между прочимъ учился Спиноза (*Льюисъ*, *Ист. философіи*, *405*, *472*).

На зарѣ новаго общества мы видимъ двѣ, идущія въ разныхъ направленіяхъ, стихіи. Одна часть общества, вооруженная матерьяломъ древней науки, старается пересоздать строй на началахъ послѣдней—это міръ отвлеченныхъ желаній и увлеченій (Кампанелла въ Civitas Solis и Томасъ Моръ въ Утопіи думали перестроить общество на основаніяхъ Республики Платона); другая—не идетъ далѣе реформы существующихъ отношеній; она ограничивается отношеніями церкви и государства. По-

---

щинъ (въ Арлѣ, Пуатье и др.). Въ XIV вѣкѣ изученіе философіи и математики между женщинами въ Италіи и преподаваніе ими этихъ предметовъ было обыкновеннымъ явленіемъ.

слѣдняя на долго возобладала и получила значительный перевѣсъ, подчинивъ себѣ и многихъ представителей мысли. Какъ реакція извѣстному нравственному состоянію западной церкви, реформація впала въ свою очередь въ нетерпимость и умственный ригоризмъ, которые не могли способствовать смягченію общественныхъ условій. Ученые сравниваютъ Германію того времени съ Византіей (*Менцель, Новѣйш. нѣмец. исторія, IV, предисл.*), гдѣ вся мысль ушла на религіозную доктрину. Самъ Лютеръ въ возрождавшейся древней наукѣ видѣлъ одно ребячество, а штутгардтская консисторія выступила даже противъ Кеплера. При такомъ настроеніи мысли вся жизнь нѣмецкаго общества ушла въ церковные идеалы (*Геттнеръ, Ист. нѣмец. литер. XVIII в. Введеніе*). Распространеніе реформаціи вездѣ сопровождалось усиленіемъ патріархальнаго авторитета и замѣною научнаго направленія схоластическимъ. Охвативъ западно-европейское общество религіознымъ энтузіазмомъ, реформація во всѣхъ своихъ формахъ и видоизмѣненіяхъ нашла сильную поддержку въ женщинахъ, а идеалъ жены усвоенной европейскою буржуазіей, вылился, подъ ея вліяніемъ, въ нѣсколько смягченныя формы жены-хозяйки нашего Домостроя. Представители ученія о естественномъ правѣ, въ свою очередь, возобновили прежнія патріархальныя теоріи. Даже Боденъ и Гоббсъ являются крайними истолкователями отческой власти. (Гоббсъ предоставляетъ отцу право продажи дѣтей) [1]). Здѣсь видно болѣе вліяніе библейскихъ, нежели евангельскихъ началъ. Въ Германіи до конца XVIII вѣка не только отецъ, но и братья сохраняли отеческую власть въ семьѣ, которая, при грубости нравовъ въ среднемъ и низшемъ классахъ, сопровождалась домостроевскими аттрибутами; въ высшемъ же классѣ, не смотря на господствовавшую распущенность, предразсудки не позволяли женщинѣ выйти одной изъ дому. Обученіе женщины не шло далѣе катихизиса и нѣкоторыхъ частей библіи (*Дж. Г. Льюисъ, Жизнь Гете, кн. IV*). Въ Англіи литературныя свѣдѣнія женъ и дочерей помѣщиковъ въ XVII в. огра-

---

[1]) Впрочемъ въ тогдашней политико-философской литературѣ встрѣчаются и болѣе гуманныя воззрѣнія на этотъ вопросъ. Такъ въ сочиненіяхъ извѣстнаго Пуффендорфа проводится мысль, что бракъ основанъ не на власти, а на любви и договорѣ и что супруги равны между собою, а сочиненія Пуффендорфа, переведенныя при Петрѣ В. на русскій языкъ, служили у насъ учебниками по политическимъ наукамъ въ XVIII вѣкѣ.

ппчивались молитвенникомъ и рецептурными книгами. »Прежде, говоритъ Маколей, онѣ изучали образцовыя произведенія античнаго генія; но въ теченіе послѣдней половины XVII столѣтія образованіе женскаго ума было почти въ совершенномъ пренебреженіи. Если дѣвица имѣла малѣйшія литературныя свѣдѣнія, на нее смотрѣли какъ на чудо. Благовоспитанныя дамы не могли написать строчки на своемъ отечественномъ языкѣ безъ такихъ ошибокъ, какихъ теперь постыдилась бы даже ученица школы для бѣдныхъ«. Слѣдствіемъ пуританской суровости является распутство, »которое произвело нравственное и умственное униженіе женщины«. Любимымъ чтеніемъ этой половины сдѣлались пасквили и переводы Клеліи, Великаго Кира, и т. п. книгъ. (*Собр. сочин. Маколея VI, 589—391*) [1]). Нѣсколько лучше было въ Италіи и Франціи [2]). Къ началу XVIII вѣка положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи представляло борьбу противоположностей: женщины то увлекаются философіей Декарта, то впадають въ мистицизмъ; въ то время, какъ законодательство старается стѣснить браки согласіемъ родителей (въ Германіи) и ограничить имущественныя права женщинъ (въ Англіи при Карлѣ I; во Франціи при Людовикѣ XIV); а въ литературѣ появляются категорическія заявленія въ пользу безусловной власти мужа и строгой домашней дисциплины (и во французской, и въ нѣмецкой литературѣ, см. у *Шерра въ Ист. цив. Герм.*), въ обществѣ обнаруживаются противоположныя явленія: въ XVII вѣкѣ въ Англіи стали заключаться тайные браки, число которыхъ въ непродолжительномъ времени достигло сотни тысячъ, а въ 1671 г. въ Лондонѣ появилась даже книга въ пользу многоженства (Джона Лейзера). Увлеченіе общественными вопросами и то легкомысліе, съ какимъ иногда предавались имъ въ XVIII вѣкѣ произвели новыя явленія и новые фазы въ развитіи разсматриваемаго нами вопроса, но дальнѣйшій обзоръ его не входитъ въ пре-

---

[1]) О томъ какъ совершился въ Англіи поворотъ отъ эпохи возрожденія, проявившей свое вліяніе въ литературѣ и жизни націи, къ пуританскому направленію, со всѣми его послѣдствіями, см. въ *Исторіи англійской литературы Тэна*, т. I, 175—177, 188—194, 262—272, 445—475, 487—516; II, 2—8, 41—46. Преслѣдованія и наказанія за религіозное разномысліе ничѣмъ не отличались отъ самаго крайняго фанатизма среднихъ вѣковъ.

[2]) Въ послѣдней философія Декарта получила доступъ въ салонахъ, и Мальбраншъ указывалъ на женщинъ, какъ на болѣе усердныхъ своихъ послѣдователей.

дѣлы настоящаго очерка, предшествовавшее изложеніе котораго должно служить лишь необходимымъ разъясненіемъ главной темы, къ которой мы теперь обращаемся.

ГЛАВА II.

Основы древняго русскаго быта. Сила патріархальнаго начала и его вліяніе на домашній, общественный и политическій строй жизни. Родовая и государственная опека. Утвержденіе патріархальныхъ началъ чрезъ вліяніе византійской литературы. Вліяніе этихъ условій на положеніе женщины. Языческій періодъ и дальнѣйшее развитіе женскаго типа. Литературные идеалы и общественныя условія. Нравы и обычаи. Вліяніе терема. Идеальныя стремленія. Царскій теремъ. Царскіе браки. Новыя явленія въ XVII вѣкѣ и литературныя воззрѣнія въ періодъ упадка стараго быта.

Въ основѣ древняго быта Россіи лежали тѣ же патріархальныя формы, которыя оказали такое могущественное вліяніе на семейный бытъ и древняго, и средневѣковаго общества [1]). Но въ жизни русскаго народа, вслѣдствіе продолжительной обособленности его и удаленія отъ образованнаго міра, эта стихія получила болѣе широкое развитіе. Идеалъ родительской опеки былъ основаніемъ русскаго общественнаго быта; на немъ создалось и государство. Самое общество представлялось лишь соединеніемъ семьи и рода, отчего и общественные разряды стали обозначаться извѣстными степенями родства, какъ напр. *отроки*, *пасынки*, *дѣтскіе*, *молодь*; люди тѣхъ классовъ, которые считали себя почему нибудь обдѣленными въ обществѣ, назывались *сиротами*, т. е. опять несчастными въ смыслѣ родства. Въ подобномъ строѣ общественныхъ отношеній не только женская, но и вообще личность не могла претендовать на независимое значеніе. Членъ семьи, покинувшій ея среду и искавшій удовлетворенія своей воли внѣ общественныхъ связей, становился *гулящимъ* [2]). При такомъ порядкѣ отношеній

---

[1]) Мэнъ говоритъ: »Первые новѣйшіе писатели по юриспруденціи замѣчаютъ, что только у самыхъ суровыхъ изъ всѣхъ воинственныхъ народовъ, захватившихъ земли Римской имперіи, и преимущественно у народовъ славянскаго происхожденія, существовала patria potestas, схожая съ тою, какая встрѣчается въ Пандектахъ и Кодексѣ«. *Древнее право, стр. 113.*

[2]) Древній лѣтописецъ ясно отличаетъ переходную эпоху въ жизни славянскихъ племенъ. Въ то время, какъ у полянъ установился уже извѣст-

древнерусское общество было скорѣе *родствомъ*, нежели *обществомъ*. Споръ о томъ, на какой степени развитія стоялъ древній бытъ Россіи, преобладало ли въ немъ не семейное начало, а родовое, свидѣтельствующее о болѣе строгой патріархальности, или то была уже болѣе совершенная форма—общинная, утратившая свои первобытныя черты, въ сущности безразличный; такъ какъ всѣ формы нашего древняго быта говорятъ именно о сильно развитой патріархальности и преобладаніи типа дома и власти домовладыки. Средою родоваго быта и родоваго устройства жизни, экономическимъ и хозяйственнымъ типомъ рода былъ именно дворъ, въ которомъ сосредоточивалась не одна семья, а нѣсколько семей, соединенныхъ родствомъ (*Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русской исторіи, Вѣст. Евр. 1866, II; Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царицъ, 11—19)*. Въ Великой Россіи этого порядка часто держатся и теперь; въ такомъ же смыслѣ говоритъ и лѣтописецъ: »живяху кождо съ родомъ своимъ«. Сборъ дани шелъ съ дыма, двора или плуга. Исторія княжескаго рода наглядно объясняетъ теорію

ный взглядъ на бракъ и умыканье замѣнилось приведеніемъ невѣсты въ домъ жениха (которому предшествовало еще »хожденіе« зятя за невѣстою)—фактъ, означающій полное подчиненіе жены мужу; у радимичей, вятичей, кривичей и сѣверянъ еще господствовала свобода брачныхъ отношеній, не стѣсняемая родствомъ *(Полн. собр, лѣт. I, 6)*. У нихъ существовало еще многоженство и сожженіе труповъ *(ib.)*, при чемъ жена слѣдовала за мужемъ на костеръ, а при погребеніи холостыхъ эту роль брала на себя одна изъ дѣвушекъ, такъ что въ этомъ случаѣ происходило сочетаніе двухъ не далекихъ другъ отъ друга обычаевъ—погребальнаго и свадебнаго (См. *Объясн. сказаній мусульм. писат. о славянахъ и русскихъ, Гаркави, 96—116; О погреб. обряд. языч. славянъ, Котляревскаго, 73*). Русскія былины помнятъ эту эпоху (какъ видно изъ отвѣта Соловья разбойника Ильѣ Муромцу о бракахъ между его сыновьями и дочерьми). Въ народѣ существовалъ потомъ неодобрительный взглядъ на вдовъ, выходившихъ вторично за мужъ (а попадьямъ за это грозили даже муки ада, *Буслаевъ, Очерки народн. словесн. I, 495*), въ-слѣдствіе котораго образовалось воззрѣніе о необходимости для вдовы вступить въ монастырь. Правленіе женщины-христіанки ознаменовалось отмѣною еще одного тяжелаго условія брака. Такъ, Эверсъ признаетъ толкованіе Татищева, основанное на раскольничьей рукописи, о замѣнѣ Ольгою »княжаго«, платимаго женихомъ князю и подданнымъ своему боярину, и сравниваетъ его съ jus primae noctis *(Древ. рус. право, 74)*; другіе впрочемъ отрицаютъ такое толкованіе (см. объясненіе у *Хлѣбникова, Общест. и госуд. въ до-монг. періодъ 29)*.

этихъ отношеній. Это начало было до того жизненнымъ въ теченіе всего древняго періода русской исторіи, что мы можемъ прослѣдить его съ древнѣйшей эпохи, въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни. Изъ него развилось вотчинное право въ московскій періодъ и на немъ же утвердилось царская власть, представитель которой, не смотря на систематическую борьбу противъ стараго порядка, въ сущности былъ владѣтель большой вотчины—государства. Вотъ почему, когда этому богатому вотчиннику пришлось столкнуться съ другими вотчинниками, то борьба между ними должна была стать кровавою. Зачиналася Москва—зачинался и грозный царь; отеческая воля котораго не знала предѣловъ. До Петра В. въ русскомъ обществѣ почти не было сознанія общественнаго служенія; царь былъ отцомъ большой семьи; онъ кормилъ служилое сословіе, защищалъ обиженныхъ, сиротъ. На западѣ въ борьбѣ завоевателей и завоеванныхъ, въ племенныхъ и личныхъ столкновеніяхъ вырабатывалось сознаніе личныхъ правъ; у насъ личность исчезала въ общей родовой идеѣ. Человѣкъ гордился родовыми правами; честь рода стояла для него на первомъ планѣ: самое слово *честь* образовалось, какъ полагаютъ, изъ *отчить* и подразумѣвало выраженіе лицу отеческаго почета (*Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 33*).

Уже въ былинахъ о Владимірѣ св. ясно высказывается это почитаніе »отчества«. Принимая на пиръ Алешу Поповича, кн. Владиміръ говоритъ ему: »По отчеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ«. Алеша былъ родомъ поповичъ и богатырь; но когда явился на тотъ же пиръ другой богатырь, Илья Муромецъ, сынъ крестьянскій, то его посадили »по край стола, да по край скамьи«. И въ позднѣйшемъ стихѣ о »Горѣ Злосчастіи« молодца сажаютъ »не въ большое мѣсто и не въ меньшое, а садятъ его въ мѣсто среднее, гдѣ сидятъ дѣти гостиныя«. Молодецъ опечалился—и вотъ пирующимъ приходитъ на мысль, что быть можетъ ему мѣсто дано »не по отчинѣ«. Въ жизни политической самымъ яснымъ выраженіемъ этого порядка общественнаго строя было мѣстничество, которое обнаружилось со всею силою именно въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ сошлись представители родовой знати изъ всѣхъ княжествъ, когда ему пришлось столкнуться съ государственною идеею. Извѣстно какъ сильны были въ этомъ отношеніи родовые счеты. Отъ нихъ часто терпѣли самыя важныя государственныя дѣла и, чтобы устранить хоть сколько нибудь

это зло, власти приходилось каждый разъ объявлять, что то или другое порученіе должно быть исполнено »безъ мѣстъ«; но это не всегда помогало, и въ такихъ случаяхъ обиженные не стѣснялись даже присутствіемъ грознаго царя, хотя и платились нерѣдко немедленнымъ отправленіемъ въ тюрьму или подъ батоги. Такъ, даже въ такомъ случаѣ, какъ возведеніе Пожарскаго изъ стольниковъ въ бояре, о чемъ долженъ былъ сообщить ему Гаврила Пушкинъ, послѣдній отказался отъ этого и еще подалъ жалобу за безчестье, такъ какъ Пушкины никогда ниже Пожарскихъ не бывали. О силѣ мѣстническаго института и борьбы съ нимъ государственной власти можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ періодъ 1645—75 гг. было подано 127 челобитень, по которымъ 12 чел. было выдано головою, 46 заточено въ тюрьму, 14 подвергнуты наказанію батогами и кнутомъ, 3 денежному штрафу, 20 получили отказъ съ разными угрозами, только 8 получили удовлетвореніе, а въ остальныхъ случаяхъ совсѣмъ не послѣдовало отвѣта (*Судьба мѣстничества, съ прилож. о немъ дѣлъ, въ Арх. ист. юр. свѣд. о Рос. Калачова, кн. III, 1—138*). Мѣстами считались на войнѣ, въ походахъ, на воеводствахъ, во дворцѣ, за царскимъ столомъ, въ торжественныхъ церемоніяхъ и самыхъ обыденныхъ отношеніяхъ. Здѣсь считалось дозволительнымъ прибѣгать къ самымъ страннымъ и смѣшнымъ уловкамъ, лишь бы не сдѣлать »порухи« своему роду. Считая себя обиженными, бояре отказывались отъ порученій подъ предлогомъ »черной« и другихъ болѣзней и немедленно выздоравливали, если назначали въ сотоварищи другаго, менѣе обиднаго человѣка; за столомъ это доходило иногда до комизма: царь приказывалъ садиться, а недовольный упорствовалъ, спускался подъ столъ, и скорѣе соглашался прямо попасть отъ стола въ тюрьму, нежели сѣсть ниже младшаго. Тотъ же Пожарскій, который высказывалъ о себѣ до пожалованія въ бояре самое скромное мнѣніе, потомъ своими спорами наполнилъ счетныя книги (*ib 24*). Чтобы избѣжать этихъ вѣчныхъ безпокойствъ (»для докуки и челобитья«), царь Михаилъ Ѳедоровичъ рѣшилъ было выбирать для великихъ дѣлъ людей меньшихъ статей, но это не привело ни къ чему, потому что и они стали бить челомъ о мѣстахъ (*ib 21*) [1]). Объ этой

[1]) Мѣстничество мужей распространялось и на женъ и было въ ходу даже въ низшемъ классѣ, какъ видно напр. изъ одного донесенія дворецкаго помѣщику въ 1681. г., который не могъ справиться съ бабами, не хотѣвшими

родовой чести есть весьма характерное мѣсто въ Дневникѣ Патрика Гордона, хорошо знавшаго и западные, и русскіе обычаи: »Въ Россіи, говоритъ онъ, не такъ какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ наказаніе виновнаго не влечетъ за собою позора для всѣхъ прочихъ членовъ фамиліи, не причастныхъ преступленію своего родственника; здѣсь, напротивъ, считается вѣчнымъ пятномъ для всего рода, хотя бы одинъ только оказался государственнымъ измѣнникомъ« *(Tagebuch des Gen. P. Gordon, II, 281)*.

»Старѣйшинство« играло важную роль—и въ политическихъ, и въ домашнихъ отношеніяхъ. Этимъ началомъ руководствовались и вѣчевыя собранія, и дума, и земскій соборъ. Въ домашнемъ быту оно кристаллизовалось въ полный типъ домовладыки. Нашъ *Домострой* вездѣ говоритъ постоянно о государѣ дома, къ которому и обращаетъ всѣ свои совѣты (»ты«, »самъ«). Остальные члены дома суть не болѣе, какъ исполнители его воли: жена—хозяйка; всѣ родственники, живущіе въ домѣ—чада; слуги—домочадцы. Жена не имѣетъ другаго значенія, кромѣ распорядительницы въ хозяйствѣ и занятіяхъ прислуги, или хранительницы самаго порядка; она должна была имѣть въ виду дать отвѣтъ во всемъ мужу, который, увидя у жены что не въ порядкѣ, долженъ »умѣть ее наказать съ разсужденіемъ«; а равно дѣтей и слугъ. Если жена, дѣти и слуги слова не слушаютъ—постегать плетью, но опять въ чисто родительскомъ духѣ—тайкомъ, дома, вѣжливенько, остерегаясь пинковъ и кулаковъ, отъ которыхъ бываютъ раны и увѣчья. Дѣлать это слѣдуетъ, не сердясь, и, уже сдѣлавъ, пожаловать, чтобы жена и дѣти не сердились на *отца*: это и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Жена, въ свою очередь, должна учить чадь и домочадцевъ, смотря по ихъ усердію,—словомъ или руками [1]). Въ нашемъ Домостроѣ

отдать перваго мѣста Марьи Чеглоковой. Однажды бояринъ Судимонтъ свелъ въ церкви съ *мѣста* жену Якова Захарьича, взявъ ее за накапку (головное покрывало) и поставилъ на ея мѣсто свою жену. *Ак. Ист. 164.*

[1]) Во время сговора, отецъ, ударивъ слегка дочь *новою* плетью, передавалъ послѣднюю жениху, заявляя при этомъ, что онъ передаетъ ему и свою власть. Женихъ, выразивъ сначала что она ему вѣроятно не пригодится, затыкалъ ее за поясъ. *Корбъ, 290.* Но по другимъ онъ самъ билъ. Въ старину родительская плеть называлась *дуракомъ*. Плеть, вручаемая жениху въ свадебныхъ обрядахъ, называется *державою*, женихъ—*княземъ*, невѣста *княгинею*. *Разуваніе* жениха, когда онъ сталъ мужемъ, говоритъ уже о пол-

вовсе не говорится о необходимости мягкихъ отношеній къ женѣ и дѣтямъ, какъ лучшемъ средствѣ поддержать домашнія отношенія; въ немъ, напротивъ, постоянно говорится о грозѣ мужа, о необходимости погрозить и пожаловать; съ дѣтьми отецъ не долженъ былъ ни смѣяться, ни забавляться (»не играй съ нимъ и не смѣйся къ нему«)—таковъ результатъ чисто-родоваго развитія и склада общества. Обширное повѣствованіе о »Горѣ-Злосчастіи«—есть категорическое поученіе на тему о непослушаніи родительской власти. Захотѣлось молодцу пожить, какъ ему любо, но молодецъ, покинувшій свой домъ,—и малъ, и глупъ. Ослушавшись родителей, онъ ясно видитъ, что и »отчество его потерялось«. За все это судьба такъ преслѣдуетъ его, что ему оставалось одно—идти въ разбойники, да онъ вспомнилъ къ счастью, что есть еще убѣжище—монастырь. Это поглощеніе личности въ родѣ, сложилось въ народную пословицу: »мое дѣтище, хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю« [1]) На этомъ поглощеніи всего частнаго и признаніи одной воли сложилось и самое государственное начало: »Развѣ не воленъ я въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому дамъ княжество«—отвѣчалъ Иванъ III псковичамъ. Домострой не былъ исключительно произведеніемъ XVI вѣка—онъ слагался вѣками и только получилъ окончательную форму въ XVI вѣкѣ, когда въ лицѣ Ивана Грознаго окончательно сформировалась государственная власть: не даромъ Сильвестръ былъ его наставникомъ. Уже новгородцамъ передъ Симеономъ Гордымъ пришлось стоять на колѣняхъ; челобитье—эта родительская форма почтенія, становится выраженіемъ полнаго почтенія крестьянъ къ помѣщикамъ, подданныхъ къ царю. На царскомъ отпускѣ воеводъ въ польскій походъ 1654 года, двадцатипятилѣтній Алексѣй Михайловичъ всѣхъ воеводъ и бояръ жаловалъ къ рукѣ, а главнаго воеводу, кн. А. Н. Трубецкаго, украшеннаго сѣдинами, »для его старѣйшинства«, прижалъ къ груди. И князь Трубецкой, »идя

номъ подчиненіи ему; такъ уже Рогнѣда отвѣчала отцу на предложеніе о Владимірѣ: »Не хочу *разуть сына рабыни*, но за Ярополка хочу«—здѣсь понятіе рабства очевидно.

[1]) Иностранныя извѣстія говорятъ, что отецъ имѣлъ право продать сына до четырехъ разъ; въ Римѣ онъ могъ продать его три раза. Закладываніе женъ и дѣтей, особенно въ печальныя эпохи народныхъ бѣдствій, было довольно обыкновеннымъ явленіемъ (См. Сказ. иностр. писат. о смутн. времени и грамоты патр. Филарета).

такую отеческую милость къ себѣ» ударилъ челомъ въ землю до тридцати разъ. Замѣчательно, что въ подлинникѣ мѣсто о челобитьи замѣнено рукою самого царя выраженіемъ: «поклоняется до земли». (*Забѣлинъ, Бытъ царицъ 73*). Вся внутренняя исторія Московскаго государства ушла на борьбу частныхъ стремленій съ одною волею, о чемъ такъ ясно заявилъ Иванъ Грозный въ своей полемикѣ съ Курбскимъ: «Я народился на царствѣ божьимъ изволеніемъ, я взросъ на государствѣ—за себя я и сталъ! Вы начали противъ меня стоять и измѣнять и потому я еще жесточе противъ васъ сталъ, желая васъ покорить въ свою волю». Курбскій съ своими сторонниками готовили Россія польскую форму правленія и потому они охотно выѣзжали въ Польшу (*Кавелинъ, Мысли о рус. исторіи, 375*). Но люди, сроднившіеся съ идеею московской власти, отвѣчали на подобныя притязанія: «Здѣсь не Польша, есть и большій»! Этотъ большій и былъ сутью самой жизни; онъ выросъ изъ массы другихъ большихъ, которые были образователь-ною идеею отъ низшей ступени развитія до стоявшаго на верху власти. Какъ всѣ домочадцы были не товарищи въ жизни домовладыки, а лишь его холопы; такъ и всѣ служилые люди передъ властью становились такими же холопами: передъ нею они были не болѣе какъ Васьки, Ваньки и т. п.; а обычное въ родовыхъ прозвищахъ *вичъ* становилось уже принадлежностью немногихъ избранныхъ. Складъ жизни имѣлъ всесильное значеніе: царь Алексѣй Михайловичъ, о которомъ и русскія, и иностранныя извѣстія говорятъ, какъ о мягкомъ и благодушномъ правителѣ («тишайшій»), собственноручно бивалъ и дралъ бороды своихъ приближенныхъ и однажды прибилъ своего родственника Стрѣшнева за то, что послѣдній не хотѣлъ пустить кровь, когда это сдѣлалъ самъ царь и приказалъ для компаніи сдѣлать тоже своимъ придворнымъ. «Развѣ твоя кровь дороже моей?» закричалъ при этомъ разгнѣванный царь (Mayerberg, Voyage en Moscovie 1858, I, 90—91)—примѣръ весьма важный для характеристики взглядовъ эпохи.

Родовая опека, сложившаяся въ такую опредѣленную форму условіями исторической жизни [1]), нашла прочную поддержку въ идеяхъ, за-

[1]) Распространяясь на востокъ, русскій народъ приходилъ въ соприкосновеніе съ инородческими, татарскими и финскими племенами, смѣшивался съ ними и нерѣдко усвоивалъ ихъ нравы и обычаи, а эти племена жили въ строго-патріархальномъ или родовомъ быту (см. *Положеніе инородцевъ въ Моск. госуд. Ѳирсова*).

имствованныхъ изъ Византіи. Благодаря ея вліянію, родовая опека и атрибуты отеческой власти получили высшую санкцію. Теперь уже положительно доказано, что русскій Домострой XVI во многомъ сложился на основаніи памятниковъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ сборниковъ, въ родѣ Златоуста, Златоструя, Измарагда и т. п., но первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ »Златоусту« (откуда взяты: »Како дѣти учити и страхомъ спасати« гл. XVII, и »Слово, како подобаетъ родителямъ казнить чада своя«; см. статью *Забѣлина о Златоустѣ, въ Опытахъ изуч. рус. ист. и древн. I, 179—188*) [1]. Многія изъ идей, составляющихъ основу Домостроя XVI в., были извѣстны у насъ еще съ XI и XII вв. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ этого рода говорится о почитаніи отца какъ Бога, при чемъ дается такое толкованіе: »тогда только сынъ свободенъ, когда спрячетъ кости родителя своего« — здѣсь идея пожизненной опеки очевидна. Относительно характера власти въ древнихъ поученіяхъ проводилось сравненіе между владыкою дома и игуменомъ монастыря *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ 42—43)*. Въ иныхъ изъ нихъ домовладыка ставится еще выше; онъ называется »апостоломъ дома«, а въ отношеніи слугъ дается точное распредѣленіе тѣлесному наказанію, ограничивая его 30 ударами, какъ высшею мѣрою. *(Москвитянинъ, 1851, VI, 128)*. На такихъ основаніяхъ построено въ Домостроѣ ученіе о мужѣ, какъ »стражѣ всего дома«. Самая жизнь дома распредѣлена въ немъ по монастырскому образцу, со всѣми его принадлежностями, а высшими добродѣтелями поставлены молчаніе и смиреніе. Жена должна заботиться какъ спасти душу и угодить Богу и мужу. Его воля для нея законъ [2].

Въ дѣйствительности этотъ идеалъ проводился гораздо шире. Утвердивъ патріархальные основы быта, имѣвшія такіе глубокіе корни

---

[1]) Вообще, сообразно съ состояніемъ тогдашняго русскаго общества, ему больше соотвѣтствовали библейскія воззрѣнія на семью и женщину. Вслѣдствіе этого самый выборъ мѣстъ изъ византійскихъ источниковъ часто зависѣлъ отъ подобныхъ соображеній. Болѣе гуманныя воззрѣнія византійскихъ писателей опускались или окрашивались другимъ колоритомъ, какъ это видно изъ пользованія сочиненіями Іоанна Златоуста. *(Памятники старин. рус. воспитанія, Чтен. Моск. Общ. ист. 1861. III, 1—20)*.

[2]) Для полной характеристики народнаго воззрѣнія на женщину и бракъ см. ***Русскія пословицы Даля,*** (слово жена, женщина и т. п.) и ***Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, Шейномъ и др.***

въ самыхъ формахъ жизни, онъ глубоко повліялъ на домашній бытъ и особенно положеніе женщины Мы видѣли, на сколько естественно было воззрѣніе восточныхъ писателей на женщину и семью въ періодъ распаденія послѣдней въ древнемъ мірѣ. Въ противоположность широкому участію женщины въ политической жизни Византіи, аскетическая идея выставила иное требованіе, которое, хотя не вполнѣ, но все таки нашло себѣ и поборниковъ, и подражателей. Въ періодъ наибольшаго вліянія этихъ идей, даже въ Константинополѣ уже существовало въ церкви раздѣленіе мужескаго и женскаго половъ: для послѣдняго предназначалась лѣвая сторона, притворъ или хоры; но и тамъ женщины скрывались за занавѣсами; такъ что народу не видно было ни ихъ лицъ, ни даже одежды. Въ одной рукописной Кормчей помѣщено объясненіе Козьмы Халкидонскаго на тему, чтобы не называть жены госпожею, а послѣдней предписывается почитать мужа какъ господина (*Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 89—90*) [1]. Выходя изъ мысли объ искушеніи Адама Евою и паденіи чрезъ нее человѣческаго рода и находя подтвержденіе всевозможныхъ бѣдствій отъ власти женщинъ въ византійской исторіи, въ тамошней литературѣ постепенно сталъ слагаться образъ *злой жены*, который получилъ и литературное гражданство, и своего рода теоретическое значеніе. Кромѣ разныхъ сборниковъ, въ родѣ Златоуста, Измарагда, Пчелы, гдѣ трактовалось въ числѣ другихъ вопросовъ о женской злобѣ, сохранился цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній »О мужескомъ и женскомъ полахъ«, »О злыхъ женахъ« и т. п., въ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался съ той же преимущественно отрицательной точки зрѣнія. Въ нихъ прежде всего предостерегались читатели отъ женской красоты, легко уловляющей неопытныхъ. Вотъ какъ строго-логически выводились послѣдствія этой страсти: »Взоръ на женщину рождаетъ уязвленіе, уязвленіе рождаетъ помышленіе, помышленіе родитъ разженіе, разженіе родитъ дерзновеніе, дерзновеніе родитъ дѣйствіе, дѣйствіе—исполненіе хотѣнія, исполненіе хотѣнія—родитъ грѣхъ, грѣхъ родитъ смерть, а смерть—осужденіе, за которымъ слѣдуетъ вѣчное мученіе«. Восточная мысль такъ недовѣрчиво относилась къ женскому обществу, что даже предостерегала никогда не бесѣдовать съ замужнею женщиною наединѣ; такъ какъ голосъ, движеніе, одежда, улыбка—все можетъ прельстить неопытнаго. Естественнымъ

[1]) Подобная мысль высказывалась и на западѣ.

послѣдствіемъ такихъ правоученій и должно было произойти безусловное раздѣленіе половъ и замкнутость женщины *(Забѣлинъ, Опыты, II, Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ)*.

Простота языческаго быта не допускала строго-замкнутаго терема; былины знаютъ не менѣе отважныхъ »поленицъ«, какъ и богатырей. Типъ вел. кн. Ольги едва ли былъ исключеніемъ. Притомъ, рядомъ съ аскетическою проповѣдью въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи, представители церкви вели ожесточенную борьбу съ народными играми и увеселеніями, очевидно составлявшими неотъемлемую принадлежность языческаго быта. Таковы ихъ нападки противъ »скаканія и плясанія«, т. е. танцевъ, противъ гудѣнія и козлогласованія«, т. е. музыки и пѣнія. Правда къ этому нерѣдко присоединялись игры болѣе чувственнаго свойства и нарушавшія обыкновенныя требованія нравственности, какъ можно видѣть изъ самаго характернаго обличенія этого рода — посланія игумена Панфила къ псковскимъ властямъ (1505 г.). Но Ѳеодосій печерскій возставалъ и противъ такихъ пѣсенъ и музыки, какія бывали на пирахъ вел. князя, слѣдовательно вовсе не имѣвшія предосудительнаго характера, а позднѣйшіе обличители разумѣли и то, и другое всегда въ широкомъ смыслѣ слова. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ обличеній очевидна византійская подкладка, какъ напр. въ запрещеніи »конскихъ ристаній«, каковыхъ на Руси и не бывало и которыя имѣли обширное значеніе въ Константинополѣ *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ. 405)*; такого же свойства и запрещеніе игры въ шахматы, которая зашла къ намъ изъ Византіи и въ самыхъ обличеніяхъ называется халдейскою игрою. Чѣмъ шире становилась общественная жизнь, тѣмъ болѣе пополнялся самый индексъ запрещенныхъ удовольствій и развлеченій. Конечно въ тогдашнихъ грубыхъ пирахъ было много возмутительнаго; съ понятіемъ народнаго пира и братчины всегда соединялась возможность убійства и разбоя *(см. Пиры и братчины, Арх. ист. юр. свѣд. о Рос. II, кн. I)*. Вотъ почему противъ нихъ такъ часто были направлены обличенія духовенства. Въ болѣе простомъ быту женщина являлась нерѣдко на подобныхъ пирахъ, но это возбуждало соблазнъ и вызывало грозныя обличенія. *(Забѣлинъ, Опыты, I, 87, 139)* [1]. На первыхъ порахъ даже монастыри подчинялись на-

[1]) Еще въ XV вѣкѣ въ высшей средѣ женщина позволяла себѣ иногда появляться при пріемѣ пословъ, на общихъ обѣдахъ и въ другихъ торжествен-

родному обычаю. Въ монастыряхъ нерѣдко давались пиры, на которыхъ присутствовали женщины и съ которыми пьяные монахи позволяли себѣ цѣловаться *(Правила митр. Іоанна)*. Проникая въ жизнь идея отрѣшенности, находила для себя такой же обильный матеріалъ въ грубыхъ явленіяхъ языческаго быта славянъ, какой давала ей въ Римѣ и Византіи утонченная безнравственность временъ упадка. По крайней мѣрѣ исходная точка зрѣнія въ этихъ случаяхъ была одна и таже. Эта требовательность весьма рано стала отражаться на положеніи женщины. Въ древней былинѣ объ Афросиньи королевичнѣ поется:

Сидитъ она за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,
Чтобъ и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не запекло,
Да и добры молодцы чтобъ не завидѣли.

(Кирѣевскій, Былины, III, 64, 71, Рыбниковъ, I, 187. Ср. былину о Добрынѣ Никитичѣ и свадьбѣ Алеши Поповича) [1]).

ныхъ случаяхъ, какъ видно не только въ Новгородѣ, но и въ Твери, Рязани, Суздалѣ и Москвѣ.

[1]) Впрочемъ развитіе патріархальнаго быта, независимо отъ другихъ условій, влечетъ за собою замкнутость женщины. Удѣльныя междоусобія и борьба съ тюрками и татарами, сопровождавшіяся такъ часто захватомъ женщинъ и насиліями, а въ послѣднемъ случаѣ и смѣшанными браками, не могли въ свою очередь не отразиться на положеніи женщины въ древнемъ періодѣ. По словамъ Казвини (XIII в.) славянскія женщины обыкновенно ходили съ непокрытою головою, но если мужчина набрасывалъ кому изъ нихъ покрывало, то она становилась его женою *(Charmoy, 343)*. Богатырши нашихъ былинъ сами иногда сватаются или отдаютъ свою руку тому, кто побѣдитъ ихъ на поединкѣ. Право участія женщины въ поединкѣ сохранилось на долго въ русскомъ законодательствѣ (Судеб. Ивана III). Вліяніе теоріи проявляется только постепенно. Еще въ XII вѣкѣ архіеп. Нифонтъ, на вопросъ Кирика—можно ли служить въ ризахъ, въ которыя будетъ вшитъ лоскутъ изъ женскаго платья?« отвѣчалъ: »Развѣ женщина погана?« Но теоріи книжниковъ взяли верхъ надъ этимъ болѣе христіанскимъ воззрѣніемъ, и потомъ все, зарѣзанное женщиною, считалось уже поганымъ. Уже въ Изборникѣ Святослава (1073 г.), переведенномъ съ греческаго, встрѣчается статья о женщинахъ, въ которой, начиная съ паденія Евы и основываясь на цѣломъ рядѣ библейскихъ примѣровъ, проводится самый отрицательный взглядъ на женщину, а эти разсужденія повторяются за тѣмъ у Даніила Заточника (почти буквально) и древняго лѣтописца (стр. 77). По уставу Ярослава иму-

Вмѣстѣ со всѣми слабыми и обдѣленными женщина отдавалась подъ покровительство церкви (уставъ Ярослава Великаго). Ни лѣтописи, ни другіе источники не говорятъ намъ объ участіи женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ. Примѣръ Мароы посадницы довольно исключительный; онъ обусловливался отчасти положеніемъ ея какъ вдовы и богатой вотчинницы, отчасти условіями новгородской жизни. Самое слово женщина—позднѣйшее; въ древнемъ обществѣ она понималась лишь какъ *жена* [1]); для тѣхъ изъ женщинъ, кто не могъ почему нибудь стать женою,—предоставлялся монастырь *(Котошихинъ)*. До XVI вѣка мы встрѣчаемъ еще обычай пріема пословъ вел. княгинями (см. въ *Твер. лѣт. 499*, *Карамз.* V, *пр. 583; Контарини*); но съ XVI вѣка этотъ обычай исчезаетъ, и потомъ царицы пользовались только правомъ наблюдать церемонію со стороны. *(Лизекъ)*. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ говоритъ: »Состояніе женщинъ самое плачевное: женщина считается честною тогда, когда живетъ дома взаперти; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ. Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже на дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ«. Даже братья и родственники не всегда пользовались легкимъ доступомъ *(Бухау)*. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей зажиточный бояринъ имѣлъ свою домовую церковь, а въ случаѣ

щественныя права мужа и жены не различаются; по смерти мужа, вдова пользуется полнымъ правомъ надъ дѣтьми; а въ 1270 г., при договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами, требованіе закабаленія жены вмѣстѣ съ мужемъ за долги послѣдняго было устранено, если жена не участвовала въ обязательствѣ. Въ Судебникѣ Ивана III, подъ вліяніемъ Кормчей, имущество умершаго, за неимѣніемъ сына, назначалось дочери, а за неимѣніемъ послѣдней—роду; но Иванъ IV наслѣдованіе въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничилъ мужскимъ потомствомъ и запретилъ писать мужа приказчикомъ въ духовной жены, потому что »жена въ мужней волѣ: что велитъ ей написать, то и напишетъ«. Въ это время жена отвѣчала уже за преступленіе мужа *(Соловьевъ, VII, 160—163)*, и этотъ принципъ распространяется на всю семью. Между тѣмъ въ народѣ, начиная съ обличеній митр. Іоанна вплоть до XVII вѣка, мы встрѣчаемъ болѣе языческій взглядъ на бракъ: многоженство, вѣнчаніе вокругъ куста (Стенька Разинъ) и т. п. Въ народѣ сначала существовала даже мысль, что церковный бракъ необходимъ только для князей и бояръ.

[1]) Жена, по санскритски—*джани*, значитъ раждающая.

надобности—его жена и дочери выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ съ слюдяными окнами; такъ что никто ихъ не видѣлъ. Въ домѣ отдѣленіе для женщинъ помѣщалось сзади и ключъ отъ него находился у хозяина. Съ этой стороны заборъ бывалъ очень высокъ, чтобы онѣ могли свободно прогуливаться *(Маскѣвичъ)*. По правиламъ Домостроя жена не могла ни войти, ни принять гостей безъ согласія мужа, причемъ для передачи угощенія изъ ея половины назначался одинъ изъ вѣрныхъ людей и никто другой туда не допускался [1]). Въ царскомъ быту этотъ этикетъ соблюдался еще строже: выѣзжая на богомолье, царицы и царевны совершали свои объѣзды по ночамъ, а если случались дневные выходы, то по сторонамъ ихъ несли суконныя полы, которыя заслоняли ихъ отъ глазъ зрителей *(Котошихинъ)*. Нарушеніе этого обычая влекло за собою иногда непріятныя послѣдствія. Во второй половинѣ XVII вѣка, въ слѣдствіе того, что одинъ изъ стольниковъ встрѣтилъ въ дворцовомъ переходѣ царицу Наталію Кирилловну, возникло серьезное дѣло и виновный былъ лишенъ званія, но потомъ прощенъ *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 296)*. О времени царя Алексѣя Михайловича *Мейербергъ* замѣчаетъ: »Изъ тысячи придворныхъ едва ли найдется одинъ, который можетъ похвалиться, что онъ видѣлъ царицу или кого либо изъ сестеръ и дочерей государя. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Когда однажды, по случаю болѣзни царицы, необходимо было призвать врача, то, прежде чѣмъ ввели его въ комнату къ больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобъ ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у нея пульсъ, то руку ея окутали тонкимъ покровомъ, чтобы медикъ не могъ прикоснуться къ ея тѣлу«. Выѣзжая въ первый разъ среди народа, царица Наталія Кирилловна рѣшилась было опустить немного окно, но это всѣхъ удивило, а ей немедленно было замѣчено, что она сдѣлала вопреки народному обычаю и она должна была уступить *(Рейтенфельсъ)*.

Само собою понятно, что, при такой обособленности женщины, раздвоеніе въ семьѣ было естественнымъ явленіемъ, и, отражаясь въ свою

---

[1]) При выѣздахъ боярынь—ихъ сопровождалъ конвой дворовыхъ, обязанный наблюдать, чтобы не произошло на пути чего нибудь непозволительнаго; а въ гостяхъ эту обязанность исполняли нарочные мальчики, прислуживавшіе своимъ госпожамъ, отчего у нихъ иногда завелись... *Петръ Петрей, Ист. Моск. княж. 387.*

очередь на цѣломъ обществѣ, значительно способствовало огрубѣнію нравовъ. Чѣмъ выше было положеніе лица, тѣмъ большему стѣсненію подвергалась жизнь его семьи. Въ царскомъ быту даже царевичи не показывались народу до 15 лѣтъ, а послѣ *объявленія* на нихъ уже съѣзжались смотрѣть какъ на диво («дивовище»); царевны не присутствовали даже на погребеніи своихъ братьевъ и сестеръ. Во дворцѣ онѣ должны были жить какъ пустынницы, пребывая въ постѣ и молитвѣ. Бракъ съ подданными считался безчестнымъ, съ иностранными принцами мѣшало разновѣріе, и первыя попытки этого обычая привели къ печальнымъ результатамъ самихъ искателей. При томъ незнаніе «иныхъ государствъ языка и политики», какъ говоритъ Котошихинъ, дѣлало подобныя надежды окончательно несбыточными: такимъ образомъ царскій теремъ навсегда замыкался за ними. По словамъ Котошихина, пріобрѣтеніе знанія не считалось для нихъ необходимымъ, и это понятно, при тогдашнемъ состояніи образованности. И Димитрій Донской, и Василій Дмитріевичъ были малограмотны; даже въ XVI в. было много бояръ незнавшихъ грамоты или полуграмотныхъ, и въ томъ числѣ—Вас. Голицынъ, одинъ изъ претендентовъ на русскій престолъ въ смутное время. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ въ женскомъ быту, которыя безъ сомнѣнія были. Спускаясь ниже, требовательность теремнаго заключенія нѣсколько нарушалась. Боярыни и боярышни выѣзжали во дворецъ и въ гости, въ послѣднемъ случаѣ съ разрѣшенія или свѣдома мужей, какъ требовалъ Домострой, причемъ иногда приходилось имъ засиживаться до поздней ночи, отчего предостерегаетъ Домострой, указывая на буйства, происходящія на поздпихъ пирахъ. Для сопровожденія изъ дворца запоздавшихъ боярынь назначался конвой (*Забѣлинъ*, *Бытъ царицъ*, *565—66*). Для дѣвицъ боярскаго и прочихъ сословій вступленіе въ бракъ само собою не имѣло того тяжелаго условія, какой встрѣчался въ царскомъ быту; но и здѣсь оно было обставлено неизбѣжными ограниченіями: прежде всего необходимо было держаться въ выборѣ «*версты*» т. е. соотвѣтствующаго положенія, чтобы не было тѣмъ «порухи» роду; женихъ и невѣста не могли видѣть другъ друга до самаго брачнаго обряда, а потому должны были сноситься черезъ свахъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко случались обманы (а «нигдѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, какъ въ Московскомъ государствѣ», замѣчаетъ Котошихинъ); вмѣсто одной дочери показывали другую или служанку, малыхъ ростомъ ставили издали на подставки и т. п. Понятно, чѣмъ оканчивался

подобный бракъ: монастырь былъ еще лучшимъ убѣжищемъ въ такихъ случаяхъ [1]). Обычай вѣка требовалъ, чтобы мужескій полъ ни подъ какимъ условіемъ не проникалъ въ женское отдѣленіе дома. (*Домострой*). Царевны и боярыни въ XVII в. обучались грамотѣ у учительницъ. (*Забѣлинъ, ib, 515*). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ возникло интересное дѣло вдовы Плещеевой съ однимъ стольникомъ за безчестье послѣднимъ ея дочерей—дѣвицъ, а безчестье это состояло въ томъ, что онъ упрекалъ ихъ въ обученіи грамотѣ и письму у холопа, изъ которыхъ въ то время часто бывали учители грамоты,—пресловутые мастера. Виновникъ, по царскому указу, былъ битъ батогами. (*Забѣлинъ Бытъ царей, 265—266*). На женской половинѣ во дворцѣ любили читать сборникъ »Златоустъ«, давшій такъ много матеріала нашему Домострою. (*Бытъ царей 209*).

За недостаткомъ умственной школы, развивающихъ удовольствій не было и они не мыслимы безъ участія женщины. Поэтому въ теченіе всего древняго періода мы встрѣчаемъ такія противоположныя явленія, какъ съ одной стороны постоянныя посѣщенія церквей и монастырей и расположеніе всего дня по церковному кругу, съ частыми бесѣдами духовныхъ отцовъ и монаховъ, а съ другой—любовь къ медвѣжьимъ травлямъ, кулачнымъ боямъ, народнымъ фарсамъ и потѣхамъ дураковъ [2]). Дворъ принималъ въ нихъ не менѣе дѣятельное участіе. Самымъ благороднымъ развлеченіемъ въ то время безъ сомнѣнія была охота, ревностнымъ почитателемъ который былъ въ особенности Алексѣй Михайловичъ. Теремъ нерѣдко принималъ участіе въ обычныхъ удовольствіяхъ, но лишь такъ, чтобы его обитатели не были замѣчены постороннимъ глазомъ. Впрочемъ, потребность въ болѣе духовныхъ развлеченіяхъ существовала: это видно изъ той общей любви къ сказочникамъ и домрачеямъ (домра – струнный инструментъ), безъ которыхъ не могъ засыпать даже Иванъ Грозный въ сво-

---

[1]) По словамъ одной пѣсни браки заключались:

По Божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.

[2]) *Де-Брюинъ* говоритъ: »Русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и разныхъ калѣкъ и уродовъ, особенно когда они находятся въ опьянѣломъ состояніи«.

ей Александровской слободѣ. Къ этой категоріи принадлежали и шуты, которые своими остротами умѣли иногда придавать извѣстный смыслъ какому-нибудь мало доступному обсужденію событію [1]). Еще больше правъ въ этомъ отношеніи предоставлялось юродивымъ. Они были вхожи во всѣмъ сановнымъ лицамъ и въ царскій дворецъ. Разумѣется въ этомъ случаѣ часто свобода слова граничила съ узкостью мысли. Между тѣмъ эти лица, въ силу своего религіознаго уваженія, пользовались особымъ почтомъ на женской половинѣ *(Записки Горсея, Флетчера, Олеарія)*, обычай, сохранившійся даже до Петра Великаго: домъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, прозванный Петромъ В. »госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ«, былъ полонъ всякаго рода ханжей, юродивыхъ и святошъ *(Татищевъ, Рос. исторія, I)*.

Не слѣдуетъ однако думать, что бытовыя условія жизни, способствовавшія появленію русскаго гинекея, и аскетическая идея, освятившая этотъ бытовой прототипъ женской доли, могли вполнѣ изгладить въ женщинѣ мірскія цѣли и стремленія. Уже давно замѣчено историками относительно восточныхъ цивилизацій, что замкнутость женщины развиваетъ въ ней наклонность къ роскоши. Въ русскомъ теремѣ это стремленіе вызвало развитіе спеціальнаго мастерства, которое, кромѣ того, что удовлетворяло непосредственнымъ интересамъ терема, служило вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной потребности—это рукодѣлье и вышиваніе. Работы изъ дорогихъ матерій, унизанныя жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, составляли принадлежность не только обширныхъ царскихъ и монастырскихъ рукодѣлепъ, но и боярскія дома соперничали въ этомъ другъ съ другомъ. Петрей, говоря о положеніи русской женщины, прибавляетъ: »Въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужья содержатъ ихъ какъ невольницъ; онѣ сидятъ взаперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору, нѣкоторыя даже до того, что перещеголяютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ *и рукодѣлья ихъ вывозятся въ дальніе края«* *(Петръ Петрей де Ерлезунда, Ист. о велик. княж. Московскомъ, 388)*. Въ XVII вѣкѣ славились своимъ мастерствомъ свѣтлицы

---

[1]) Невинными удовольствіями для женскаго пола считались: качели, а зимою скатныя горы, которыя могли устраиваться не выходя за предѣлы терема.

Даріи Прохор. Милославской, жены Ивана Богдановича Милославскаго и особенно свѣтлица жены окольничаго Василія Волынскаго. По словамъ Андрея Матвѣева этотъ человѣкъ весьма посредственнаго смысла и легкомысленной совѣсти, при томъ малограмотный, вошелъ въ силу »по своему лицемѣрному хлѣбничеству и по всехвальному супруги своей въ Москвѣ въ тѣ времена всякаго золотомъ и серебромъ дорогаго шитья въ своемъ домѣ, весьма знаменитыхъ швей художеству«. Ему при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ былъ данъ въ управленіе посольскій приказъ, а онъ, замѣчаетъ Матвѣевъ, »политическія дѣла столько остро зналъ, сколько медвѣдь играть на органахъ« *(Ист. о невин. заточеніи, стр. 388; Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 670)*. Такимъ образомъ, извѣстность жены въ рукодѣльи могла доставить ея мужу важное административное положеніе.

Нельзя сказать, чтобы для терема не существовало и своего рода моды. Головные уборы, платье и верхнія одежды русскія женщины XVI и XVII вв. любили убирать жемчугами и драгоцѣнными камнями и носили не менѣе дорогія матеріи (бархатъ, атласъ) и мѣха, причемъ, вопреки книжному идеалу, предпочитали даже сочетаніе яркихъ цвѣтовъ, напр. желтаго съ зеленымъ, синимъ или голубымъ. Иностранные путешественники XVI и XVII вв. *(Флетчеръ, Олеарій, Лизекъ)* обратили вниманіе, что русская одежда очень схожа съ греческою. Это не удивительно при тѣхъ частыхъ сношеніяхъ, въ какихъ находилась Россія въ предъидущіе вѣка съ Константинополемъ, считавшимся въ средніе вѣка даже для западной Европы въ отношеніи моды тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ. Но замѣчательно, что и въ отношеніи женскаго платья требовалось соблюденія того покроя, который, по теремному идеалу, долженъ былъ наиболѣе приближаться къ монашеской одеждѣ. Талія вовсе не допускалась, а верхнее платье должно было быть такъ гладко, чтобы ни одною складкою не могло обнаружить формы стана, хотя этотъ нарядъ и могъ отличаться самою вычурною отдѣлкою. Тогдашняя живопись особенно была щекотлива, чтобы ни одною линіею чертою не нарушить требованія этого строгаго вкуса. Костюмъ западныхъ женщинъ отличался совершенною противоположностью въ этомъ требованіи. Фата—изъ тонкаго полотна или батиста, вышитая или усаженная жемчугомъ, служа покрываломъ, дополняла указанный костюмъ русской женщины. Замѣчательно также, что въ XVI и XVII в., когда требовательность въ исполненіи теремныхъ условій жизни наблю-

далась съ особенною строгостью, прежнія украшенія, допускавшія напр. обнаруженіе ручныхъ кистей (какъ обручи или браслеты), стали выходить изъ употребленія; между тѣмъ какъ въ XIV вѣкѣ они еще были очень распространены (подробности см. у *Забѣлина, Бытъ царицъ, 577—588, 622—657*).

Одновременно съ византійскою модою, въ Россію зашли и другія принадлежности туалета, которыя однако должны были болѣе удовлетворять условіямъ терема, нежели дѣйствительному вкусу. Лучшими судьями въ этомъ случаѣ могутъ быть иностранные путешественники, которые были знакомы съ этою стороною быта въ разныхъ странахъ. Безъ сомнѣнія первыя принадлежности туалета стали заходить въ Россію изъ Византіи и съ Востока; но со времени сношеній ея съ Западомъ, онѣ выписывались и оттуда. Въ половинѣ XVI вѣка итальянецъ Барберини выписывалъ въ Россію лучшіе сорта душистыхъ водъ и мыла; но онъ же, хваля красоту русскихъ женщинъ, приходитъ въ негодованіе отъ ихъ румянъ и бѣлилъ. Бѣлила входили даже въ число вещей, назначаемыхъ для приданаго. Вообще иностранцы хвалятъ красоту русскихъ женщинъ, но не могутъ примириться съ ихъ туалетными прикрасами; между тѣмъ мужья были требовательны въ этомъ отношеніи. Въ XVII в. этотъ обычай былъ уже такъ распространенъ, что когда жена извѣстнаго боярина кн. Ив. Борис. Черкасскаго не хотѣла подвергать себя подобной тиранніи моды (а она была извѣстна красотою), то остальныя боярыни сильно возстали противъ нея и заставили подчиниться требованіямъ этикета *(Олеарій)* [1]. По словамъ Петрея русскія женщины красили не только лицо, но и глаза, шею, руки, разными красками: бѣлою, красною, синею и темною; черныя рѣсницы дѣлали бѣлыми и наоборотъ. Онъ же говоритъ, что у русскихъ женщинъ черные глаза; но Коллинсъ объясняетъ, что онѣ знали тайну чернить бѣлки глазъ (это былъ составъ изъ металлической сажи съ гуляфною водкою или розовою водою). Мало этого, онѣ чернили даже

---

[1]) Веберъ чрезмѣрнымъ обычаемъ румяниться объясняетъ тождество у русскихъ понятій красивой женщины съ *красной дѣвицей*. И у русскихъ женщинъ существовалъ обычай накладывать пятнышки въ родѣ мушекъ, которыя въ среднемъ классѣ были крайне уродливы; имъ давали видъ разныхъ фигуръ: лошадей, каретъ, деревьевъ и т. п. (см. его *Записки въ Рус. Арх. 1872, с. 1383*).

зубы, съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ французскія и англійскія женщины наклеивали мушки. Здѣсь любятъ низкіе лбы и узкіе глаза, говоритъ Калликсъ, для чего стягиваютъ такъ крѣпко головные уборы, что нѣтъ возможности закрыть глазъ *(Коллинсъ о состояніи Россіи).* Русскія красавицы XVIII в. употребляли всѣ средства, чтобы поблѣднѣть (пили уксусъ, ѣли мѣлъ и комки почтовой бумаги); но въ XVI и XVII в. требованія были другія: бѣлое лицо и красныя щеки, тонкіе пальцы и большая нога, толстый станъ—считались признаками красивой женщины. И тогда существовали особые сборники, въ которыхъ описывались разныя специи противъ рябинъ, морщинъ, прыщей, лишаевъ, а также придававшія тѣлу бѣлизну и мягкость. Онѣ по большей части состояли изъ разныхъ сортовъ муки, сѣменъ, корицы, перцу, шафрану и др. настоекъ *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 625—27).* Такимъ образомъ требованія туалета и чрезмѣрное употребленіе разныхъ средствъ болѣе гармонировали съ условіями терема, а не идеальной красоты. Замѣчательно еще одно требованіе тогдашняго туалета, которое должно было удовлетворять главной идеѣ—это толстота, съ которою не могли мириться западные путешественники. Худощавыя женщины считались нездоровыми, а потому, чтобы растолстѣть, прибѣгали къ разнымъ средствамъ: пили водку и лежали по цѣлымъ днямъ въ постелѣ. Но этому способствовало также и самое платье, которое не должно было обнаруживать формъ *(Коллинсъ и Корбъ).* Удовлетвореніе постническому идеалу, чуждому художественности, и здѣсь должно было торжествовать. »Въ Москвѣ, замѣчаетъ Мейербергъ, никто не унизится, чтобы преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею ѳиміамъ« *(I, 135).* Въ царствованіе Алексѣя Михайловича русскому послу Лихачеву пришлось быть во Флоренціи и видѣть тамошнюю жизнь въ полномъ блескѣ: на гуляньяхъ, во дворцѣ, на балахъ и въ театрѣ; онъ былъ пораженъ свободнымъ положеніемъ итальянской женщины, которой доступны были всѣ эти удовольствія и которая при этомъ позволяла себѣ носить открытый костюмъ и не покрывать головы; между тѣмъ какъ русскія женщины должны были закутываться и за великій грѣхъ считали опростоволоситься, т. е. носить волосы открытыми *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 475—477).* Фактъ, поразившій, русскаго посла, остался пока единичнымъ. Правда, послѣ его разсказовъ, царь Алексѣй Михайловичъ принялся устраивать въ своихъ загородныхъ дачахъ роскошные дворцы и сады со всѣми европейскими затѣями; но первая его супруга,

Марья Ильинишна, не была расположена къ дальнѣйшимъ уступкамъ, а вторая его жена въ первое время должна была подчиниться требованіямъ господствующаго этикета [1]).

Въ литературѣ и въ жизни господствовали еще старые, сложившіеся вѣками, идеалы и, нужно сказать, что накапунѣ новаго поворота они получили болѣе опредѣленности и даже неподвижности. Тогдашняя женщина, старавшаяся удовлетворить этому идеалу, еще не могла представить себѣ, что она можетъ достигнуть его, не будучи въ монастырѣ. Такова напр. Юліанія Лазаревская: имѣя на своихъ рукахъ обширную семью, при постоянныхъ отлучкахъ мужа по службѣ, она все-таки настаивала отпустить ее въ монастырь и даже грозила бѣгствомъ; такъ, что едва могли удержать ее отъ этого доводами изъ свящ. писанія, но и тутъ она добилась условія — прервать всякія супружескія связи. Замѣчательно, что она вовсе не знала грамоты и увлеклась этимъ идеаломъ, слушая только книги. (*Буслаевъ, Очерки литер. и*

[1]) Въ 1697 г. былъ посланъ за границу П. А. Толстой. Проѣзжая черезъ Варшаву онъ уже отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: »По городу и въ маетностяхъ ѣздятъ сенаторы, и жены ихъ, и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ, и *въ зазоръ* себѣ того не ставятъ. Въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, и жены ихъ, и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ, и *въ зазоръ* себѣ того не ставятъ« *(Пекарскій, Литература и наука при Петрѣ В. I, 147)*. Находясь въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Западомъ, Польша прежде усвоила тамошніе обычаи. Еще Михалонъ въ XVI в. писалъ о тамошнихъ нравахъ слѣдующее: »Ни татары, ни москвитяне не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря, что кто даетъ свободу женѣ, тотъ отнимаетъ ее у себя. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти, а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мужчинами« *(О нрав. тат. литовц. и москвит. въ Арх. ист. юрид. свѣд. о Россіи, т. II, кн. I, 51)*. Семейная жизнь Курбскаго въ Литвѣ хорошо извѣстна и можетъ служить образцомъ тамошнихъ нравовъ въ это время. Понятно, что идеалъ жены у Курбскаго былъ совсѣмъ другой. По Литовскому Статуту, женщина пользовалась значительными имущественными правами; она не была исключена изъ общества. При заключеніи брака она не была устранена отъ выбора; притомъ самый разводъ не былъ затруднителенъ. Легкость нравовъ при Сигизмундѣ Августѣ доставила женщинамъ значительное вліяніе на общественныя дѣла; а по словамъ Курбскаго, благодаря этому, страна утратила даже свое политическое значеніе и потерпѣла внѣшнія неудачи; такъ какъ молодежь предавалась пьянству и играмъ, проводя время »въ фабулахъ съ пьяными бабами своими« *(Сказ. 65—66)*.

искус. II). Но XVII вѣкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ религіознаго броженія, въ которомъ уже ясно опредѣлились два направленія въ религіозной жизни: одно, допускавшее въ извѣстной степени церковную реформу, другое—готовое съ мечемъ въ рукахъ отстаивать каждую букву завѣтной старины. Это былъ вѣкъ Аввакумовъ, Никитъ Пустосвятовъ и т. п. Женскій теремъ и здѣсь далъ строгихъ послѣдовательницъ ненарушимости стараго устава. Такова была Морозова, дочь Соковнина, увлекавшая за собою сестру свою, кн. Урусову. Наставникомъ ея былъ извѣстный фанатикъ Аввакумъ; постоянными совѣтниками—монахи, монахини и юродивые, строгіе защитники церковной старины. Жизнь обѣихъ сестеръ вполнѣ сложилась по монастырскому уставу. Своимъ противодѣйствіемъ властямъ и защитою представителей раскола, онѣ возбудили сильное движеніе въ средѣ женщинъ, которыя толпами стекались, когда вели по городу Морозову и ея подругъ. Даже смерть малолѣтняго сына ея въ то время, какъ она находилась въ заключеніи, не произвела на нее такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ увѣщанія Алексѣя Михайловича оставить сумасбродные толки. Заключенныя мужественно перенесли и пытки, и новое заключеніе (*Забѣлинъ, 107—150 и Тихонравовъ, Боярыня Морозова, въ Русск. Вѣст.*). Несмотря однако на полное сочувствіе женщины господствовавшему идеалу, общество не относилось къ ея подвигамъ съ такимъ же почитаніемъ, какъ къ подвигамъ мужчины. Въ древней литературѣ весьма мало житій, посвященныхъ женщинамъ, а каноническаго почитанія удостоилось всего шесть женщинъ, притомъ княжескаго рода. (*Буслаевъ*). Въ движеніяхъ раскола женщины принимаютъ не менѣе дѣятельное участіе, какъ и въ реформаціонномъ движеніи на западѣ.

Съ полною силою обычаи терема, выросшія на родовыхъ преданіяхъ, выступаютъ въ брачныхъ отношеніяхъ царскаго дворца. Для лицъ царскаго семейства, принужденныхъ, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, вступать въ бракъ съ своими подданными, вопросъ о бракѣ становился вопросомъ внутренней политики; такъ какъ съ нимъ связывалось возвышеніе новыхъ фамилій, которыя могли нарушить уже установившіеся мѣстническіе счеты, тѣмъ болѣе, что выборъ въ этомъ случаѣ не ограничивался одпѣми приближенными фамиліями, а распространялся и на прочія сословія. Въ удѣльный періодъ эти отношенія не имѣли такого жгучаго характера, какъ потому, что и самыя политическія воззрѣнія не выросли еще до такихъ понятій, какія свойственны цар-

скому періоду, такъ и потому, что тогда рядомъ существовало нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ; но, лишь только обозначилось преобладающее значеніе московскаго князя, требованія этого рода немедленно возрасли. Уже Иванъ III женилъ своего сына на дочери молдавскаго господаря. Подобныя старанія продолжались и въ послѣдующее время, но они разбивались о религіозные и политическіе предразсудки московскаго и иностранныхъ дворовъ. Такимъ образомъ приходилось обращаться къ выбору въ средѣ собственныхъ подданныхъ, и тогда бракъ, въ слѣдствіе условій теремной жизни и постоянной, неумолкавшей борьбы съ боярствомъ, получилъ характеръ своего рода подбора. Преобладаніе въ жизни родовыхъ началъ не допускало свободнаго выбора, въ особенности когда женщина замкнулась въ гинекеѣ. Съ другой стороны тому же содѣйствовало вліяніе восточныхъ воззрѣній, допускавшихъ ранній бракъ. Въ Византіи обрученіе допускалось уже съ 7 лѣтъ, а совершеннолѣтіе считалось для мужчины съ 14 лѣтъ, для женщины съ 12 лѣтъ. Эти условія рано привились у насъ: уже въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ десятилѣтнихъ мужей (Святославъ Игоревичъ) и восьмилѣтнихъ женъ (Верхуслава, дочь Всеволода суздальскаго). Вел. князь Иванъ III былъ обрученъ съ тверскою княжною Маріею Борисовною семи лѣтъ. Жена царя Θедора Алексѣевича (изъ Апраксиныхъ) на 15 году успѣла овдовѣть [1]). Въ малолѣтствѣ выборъ конечно находился въ рукахъ родителей; въ лѣтахъ взрослыхъ выборъ его производилъ самъ вступающій въ бракъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ оцѣнкою тѣхъ качествъ, какія считались необходимыми для здоровой жены. Съ этою цѣлью созывались лучшія красавицы изъ всѣхъ городовъ въ Москву, гдѣ производили имъ оцѣнку въ присутствіи вел. князя или царя, съ участіемъ другихъ родственниковъ, боярынь и придворнаго врача: врученіе платка и кольца одной изъ нихъ означало избраніе въ царскія невѣсты. Иванъ III выбралъ жену (Сабурову) для сына Василія—изъ 1500 дѣвицъ; этотъ способъ избранія продолжался и въ дальнѣйшихъ случаяхъ; а въ такомъ случаѣ знатность рода не могла играть главной роли; напротивъ, почти всѣ царскія невѣсты принадлежали къ мелкому боярству, дворянству, а

[1]) Испанскій посолъ, герц. Лирія, бывшій въ Россіи при Петрѣ II и Аннѣ Ивановнѣ, замѣчаетъ: »Здѣсь мальчикъ 11 лѣтъ нерѣдко женится« (Записки герц. Лирія, Рус. Стар. 1872 іюль, 32).

иногда и купечеству [1]). Жена Михаила Өедоровича, Евдокія Стрѣшнева »хаживала въ жолтикахъ« (простыхъ сапогахъ), жена Алексѣя, Марья Ильинишна Милославская ходила въ лѣсъ по грибы, а Наталья Кирилловна дѣвицею ходила въ лаптяхъ.

Понятно, что избирая въ супруги изъ незначительныхъ фамилій, за чѣмъ всегда слѣдовало приближеніе родственниковъ новой царицы, царь наносилъ тѣмъ оскорбленіе высшему боярству, которое до такой степени казалось сильнымъ въ своихъ счетахъ, что новые родственники избѣгали тѣхъ случаевъ, гдѣ они могли столкнуться съ притязаніемъ бояръ, зная свое низкое происхожденіе (*Котошихинъ*). Вотъ почему самый выборъ невѣсты возбуждалъ уже тайныя искательства, интриги и даже козни. Въ этихъ случаяхъ и теремъ, и родовая притязательность на значеніе давали себя чувствовать вполнѣ. Въ своихъ стремленіяхъ къ единовластію, московскимъ правителямъ, послѣ удѣльной борьбы, пришлось бороться съ болѣе крупною силою—боярствомъ, которое, потерпѣвъ въ открытой борьбѣ, не переставало прибѣгать къ тайнымъ средствамъ, а гдѣ нужно и къ женской помощи. Въ этой же средѣ было много такихъ средствъ, боязнь которыхъ обусловливалась исключительно кругомъ тогдашнихъ понятій и образованности; волшебство и суевѣрія занимали здѣсь важную роль [2]). Поэтому въ присягѣ на вѣрность, требованіе послѣдней обусловливалось такими клятвами, которыя распространялись на всю жизнь человѣка: пищу, питье, одежду, взглядъ (глазъ), слово, мысль и т. п. Доступъ во дворецъ, самое при-

---

[1]) Павелъ Іовій замѣчаетъ: »Московскіе государи, презирая знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ султанамъ, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частью низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою«. *Библіот. иностр. пис. 52.*

[2]) Во дворцѣ вѣра въ волшебство была не менѣе сильна, какъ и въ низшемъ классѣ. Поэтому и не могло быть болѣе сильнаго обвиненія, какъ въ умышленномъ составленіи средствъ противъ жизни государя, чѣмъ пользовались часто соперники въ своей враждѣ. У насъ, какъ и на западѣ, волшебство считалось спеціальностью женщинъ, отчего подозрѣнія главнымъ образомъ падали на нихъ. Процессы противъ вѣдьмъ и волшебницъ и у насъ влекли обыкновенно за собою сожженіе виновныхъ; въ легендѣ же »о бѣсноватой женѣ Соломаніи« высказывается даже вѣрованіе въ супружескій союзъ дьявола съ женщиною (въ Устюгѣ), результатомъ котораго было рожденіе чертенятъ.

ближдніе къ нему уже считалось преступленіемъ, если они выходили изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Кушанья доставлялись къ царскому столу только послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ пробъ; самое лекарство долженъ былъ испробовать сначала докторъ, а извѣстный Матвѣевъ ставилъ себѣ даже въ заслугу то, что онъ пилъ лекарство вмѣстѣ съ царемъ, охраняя тѣмъ его здоровье. Въ то время могли быть такіе процессы какъ за взятые тайкомъ отъ стола грибъ или соль (*Забѣлинъ Бытъ царицъ*, *562*), или найденныя въ одѣялѣ и царской сорочкѣ дыры (*Бытъ царей*, *217—218*), что́ уже возбуждало подозрѣніе въ порчѣ. Въ сравненіи съ этимъ царскій бракъ представлялся дѣломъ первой важности и потому здѣсь принимались самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы уберечь избранную невѣсту, не говоря уже о томъ, когда она становилась царицею. И однако въ исторіи царскихъ браковъ мы встрѣчаемъ рядъ подозрѣній и даже процессовъ по поводу несчастныхъ случаевъ съ ними. Иванъ Грозный въ судьбѣ своихъ женъ постоянно обвинялъ бояръ и тѣмъ извинялъ свои многочисленныя супружества; о Борисѣ Годуновѣ извѣстно, что онъ не допустилъ повивальной бабки къ женѣ Ѳедора по какимъ-то тайнымъ побужденіямъ. Въ XVII вѣкѣ идетъ рядъ процессовъ изъ-за царскихъ невѣстъ и женъ. Уже выборъ первой жены Михаила Ѳедоровича начался длиннымъ и запутаннымъ дѣломъ Марьи Хлоповой. Выборъ ея не нравился приближеннымъ Михаила, Салтыковымъ, тѣмъ болѣе, что они на первыхъ порахъ столкнулись съ дядею ея, получившимъ доступъ во дворецъ. Изъ простой дурноты невѣсты Салтыковы вывели опасную болѣзнь; они старались найти содѣйствіе въ придворномъ докторѣ, давали сомнительное лекарство и наконецъ возбудили противъ невѣсты мать царя. Дѣло кончилось ссылкою невѣсты въ Сибирь, въ которой пришлось потомъ раскаяться неопытному Михаилу. Сватовство въ Даніи и Швеціи не привело ни къ чему: въ Даніи король указывалъ на отравленіе Борисомъ брата его, жениха Ксеніи; въ Швеціи не хотѣли слышать о перемѣнѣ вѣры [1]). Вторая жена Михаила, избранная уже матерью, Марья Долго-

---

[1]) Эти опасенія оказались вполнѣ справедливыми. Они подтвердились, когда прибылъ въ Россію женихъ царевны Ирины Михайловны датскій принцъ Вольдемаръ. Дѣло также не состоялось, но отношенія къ жениху рисуютъ въ полномъ блескѣ тогдашнюю нетерпимость и политическую подозрительность.

рукова, на второй же день послѣ брака оказалась испорченною и вскорѣ умерла. Отецъ ея жаловался въ своемъ несчастьи на вражду боярина Ѳед. Шереметьева. Только третій выборъ, Евдокіи Стрѣшневой, обошелся для Михаила благополучно. Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ былъ помолвленъ съ дочерью касимовскаго помѣщика Всеволожскаго; но этотъ бракъ не нравился его воспитателю Морозову, который приготовлялъ для царя одну изъ Милославскихъ, думая самъ жениться на другой. И противъ Всеволожской было употреблено насиліе: при облаченіи ей такъ стянули головной уборъ, что она упала въ обморокъ; въ этомъ увидѣли порчу, и семья Всеволожскихъ поплатилась участью Хлоповыхъ, а Морозовъ достигнулъ своей цѣли. При второмъ бракѣ Алексѣя соперницами оказались дочь Бѣляева и Наталія Кирилловна Нарышкина, родственница Матвѣева. Лица, враждебныя послѣднему, стали дѣйствовать противъ Нарышкиной. Во дворцѣ было найдено подметное письмо. Родственники Бѣляевой вздумали дѣйствовать черезъ доктора, которому давали ея примѣты въ такомъ родѣ, какъ говорится въ сказкахъ: »и она де перстомъ за руку тебя придавитъ, потому ее и узнаешь«. Противники находили, что у Бѣляевой руки худы. Враги Матвѣева умѣли устраниться, а главный дѣятель въ этихъ хлопотахъ, дядя Бѣляевой, Шихиревъ, подвергся пыткѣ, былъ битъ кнутомъ и жженъ огнемъ; но и послѣ того розыски еще продолжались, такъ что въ мелкомъ дворянствѣ послышался даже ропотъ противъ самыхъ выборовъ. Дѣло кончилось въ пользу Нарышкиной; царь готовился къ браку медленно, и, въ предупрежденіе отъ прежнихъ непріятностей, обвѣнчался почти втайнѣ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ держался уже этого правила: и въ первый (на Грушецкой), и во второй разъ (Марѳа Апраксина) вѣнчаніе обошлось безъ торжества и въ теченіе нѣсколькихъ дней Кремль былъ запертъ. Этимъ какъ будто сознавали въ царскомъ дворцѣ неравенство борьбы съ теремною и боярскою интригою и заявляли необходимость иного порядка и строя жизни, который уже успѣлъ проложить себѣ дорогу.....

Теремъ, какъ отрицаніе самыхъ жизненныхъ началъ — общественности и личной свободы, не могъ болѣе держаться, когда кругомъ него, были уже явленія иной жизни и когда въ немъ самомъ показались признаки вопіющаго разложенія. Это явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія; оно показываетъ, что теремъ не въ состояніи былъ обезпечить нравственную жизнь древняго общества.

Смотря на бракъ, какъ на дѣло, которое необходимо должно сопровождаться семейною жизнію, въ древнемъ русскомъ обществѣ, жившемъ родовыми тенденціями, эта статья играла весьма важную роль. Вотъ почему безчадіе, разсматриваемое какъ наказаніе свыше и фамильное бѣдствіе, тяжело отражалось на женскомъ теремѣ. Въ обществѣ, руководствовавшемся родовыми воззрѣніями естественно было и то предпочтеніе, какое оказывалось рожденію сыновей передъ дочерьми. Чтобы достигнуть и того, и другаго—прибѣгали то къ религіознымъ средствамъ (путешествіямъ по монастырямъ, св. водѣ, и др.), то къ симпатическимъ способамъ, которыя находились уже въ рукахъ ворожей и знахарей. Такъ было и въ боярскомъ, и въ царскомъ быту. Въ послѣднемъ эти воззрѣнія и заботы получали еще большее значеніе. Рельефнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить бракъ вел. кн. Василія Ивановича. Супруга его, Соломонія Сабурова, оказалась бездѣтною въ теченіе двадцати лѣтъ. Когда не помогли молитвы, въ теремѣ прибѣгли къ инымъ средствамъ; стали отыскивать бабъ, знающихъ какимъ образомъ помочь этому. Вода, масло и медъ были употребляемы какъ симпатическія средства, и конечно напрасно. Братъ царицы показывалъ потомъ, что онъ и не запомнитъ »сколько мужиковъ и женокъ прихаживало къ нему по тѣмъ дѣламъ«. Между тѣмъ разводъ вел. князя былъ рѣшенъ; Соломонія насильно пострижена въ монастырь. Вел. кн. женился на Еленѣ Глинской, для которой онъ даже пожертвовалъ такою важною принадлежностью старины, какъ борода, чтобы понравиться молодой супругѣ, воспитанной въ образованной семьѣ. Но и отъ нея вел. кн. не имѣлъ дѣтей въ продолженіе почти пяти лѣтъ. Теремъ отплатилъ однако вел. князю: придворныя боярыни распустили слухъ, что Соломонія скоро разрѣшится, а Герберштейнъ потомъ слышалъ, что будтобы у нея родился сынъ Юрій, который долженъ былъ современемъ отомстить за оскорбленіе матери. Это первая попытка выставить самозванца со стороны бояръ, замѣчаетъ Забѣлинъ (284). Не менѣе подозрительно для злыхъ языковъ должно было казаться также приближеніе къ двору молодаго кн. Ив. Ѳед. Овчины-Телепнева-Оболенскаго, занявшаго съ перваго дня брака самое близкое мѣсто къ вел. князю и ставшаго потомъ открытымъ наперсникомъ Елены. *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ 273—287)*. Въ семействѣ ц. Михаила Ѳеодоровича также »стало не по прежнему«, когда вторая его супруга, Евдокія Стрѣшнева, перестала дарить его дѣтьми *(ib. 293)*, хотя ихъ и безъ того было довольно.

Уже автору Домостроя былъ извѣстенъ типъ сводницъ (»потворенныя бабы«), устраивавшихъ свиданія молодыхъ женъ съ чужими мужьями, отъ которыхъ онъ считалъ долгомъ предостеречь, замѣчая, что обыкновенно онѣ начинаютъ свое дѣло съ дворовыхъ людей и доходятъ до самыхъ »государынь«. Олеарій (1633—36 гг.) говоритъ, что въ теремахъ русскія женщины очень часто предаются пьянству или заводятъ сношенія съ посторонними мужчинами—двѣ главныя причины постоянныхъ несогласій и раздоровъ въ семьѣ *(Олеарій, Путешествія. въ Моск. и Перс., изд. Моск. общ. ист. 212)* [1]). Коллинсъ разсказываетъ, что бракъ Морозова на Аннѣ Милославской не былъ счастливъ, какъ и его брата, женившагося на извѣстной Соковниной, увлеченной ученіемъ, Аввакума. Этотъ Морозовъ былъ старый вдовецъ, а она здоровая молодая смуглянка, и, вмѣсто дѣтей, у нихъ родилась ревность, которая произвела кожаную плеть въ палецъ толщиною. »Это въ Россіи случается часто, замѣчаетъ Коллинсъ, между вельможными супругами, когда ихъ любовь безразсудна, или водка слишкомъ шумитъ въ головѣ. Одинъ англичанинъ, Вильямъ Барнсли, сосланъ въ Сибирь по внушенію Морозова, который подозрѣвалъ его въ слишкомъ короткомъ знакомствѣ съ своимъ домомъ«.(*Чтен. М. общ. ист. 1846, I, 32*).

Вотъ характеристическій актъ изъ второй половины XVII вѣка о супружескихъ отношеніяхъ, какія могли существовать даже въ боярской средѣ. Въ декабрѣ 1670 г. сынъ боярскій, служившій при дворѣ царицы, Никифоръ Скорятинъ, жаловался государю на жену свою, Пелагею, въ такихъ выраженіяхъ: »кусала она, жена моя тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла«... и »противъ моего челобитья дьякъ въ мастерской палатѣ поругательство жены моей и зубнаго ядеиья на тѣлѣ досматривалъ и въ томъ женѣ моей никакого указу не учинено; а она жена моя Пелагея хотѣла меня холопа твоего топоромъ срубить и я отъ ея топороваго сѣченія руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я отъ того ея посѣченья съ дворишка своего чють живъ ушелъ и билъ челомъ въ приказъ мастерской палаты, и стольникъ Со-

---

[1]) Въ числѣ качествъ царевны Ирины Михайловны (которой женихъ однако не видѣлъ), московскіе бояре выставляли то, что она во всю свою жизнь ни разу не была пьяна. Они говорили Вольдемару, чтобы онъ не думалъ, что она, ***подобно другимъ московскимъ женщинамъ***, любитъ напиваться до-пьяна.

ковникъ приказалъ посѣченную мою руку записать; а отъ той посѣченной моей руки и во вѣки увѣченъ. Да и впредь она жена моя хвалитца на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ и по твоему государеву указу посажена она за приставы; и она, сидя за приставы, хвалитца на меня и нынѣ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь! Пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей женѣ моей свой царской указъ учинить и меня съ нею *развесть*, чтобъ мнѣ отъ нея жены своей впредь напрасною смертію не умереть». По царскому указу выписку объ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами, велѣно было препроводить на патріаршій дворъ, при чемъ сказано: «учинить по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведется». (*Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 562*).

По словамъ Олеарія, въ то время весьма часто случалось, что недовольные мужья и жены рѣшали избавиться другъ отъ друга монастыремъ, причемъ оставшійся въ міру могъ вторично вступить въ бракъ (*гл. IX*); но, какъ видно изъ предъидущаго примѣра, это не всегда было такъ просто и легко. За то иногда прибѣгали къ насильному постриженію жены тайкомъ, на дому, безъ свидѣтелей, а чтобы принудить жену къ этому, мужъ прибѣгалъ къ истязаніямъ, сажалъ ее въ крапиву или впрягалъ въ соху (*Соловьевъ, XIII, 164*). По словамъ Котошихина (*стр. 125*), отрава была тогда обыкновеннымъ средствомъ у мужей и женъ, чтобы избавиться другъ отъ друга [1]) Поэтому вполнѣ понятно суровое отношеніе современнаго законодательства къ подобнымъ явленіемъ: по Уложенію жена, убившая мужа, подвергалась мучительной казни: ее заживо закапывали въ землю, хотя бы дѣти и родственники просили не подвергать этому; но о наказаніи мужа за убійство жены Уложеніе умалчиваетъ Въ 1664 г. Иванъ Долговъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки. Такое же наказаніе было опредѣлено въ 1693 году, за убійство жены, князю Александру Борисовичу Крупскому (*Зап. Желябужскаго, изд. Языковымъ, 26*). Въ другихъ случаяхъ мужей казнили смертью, или лишали рукъ и ногъ, смотря по силѣ преступленія. (*Соловьевъ, XIII, 164—165*).

---

[1]) Въ рядныхъ записяхъ того времени, мужъ иногда обязывался «жены своей не бить и не извѣчить; смирять ее по винѣ и по людски, а не извѣчьемъ». Жены же часто обвиняли мужей въ посягательствѣ на жизнь государя, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ нихъ.

Къ исходу XVII вѣка и царскій теремъ представлялъ не менѣе поразительныя черты нравственнаго паденія.

Въ это время Москва во многомъ напоминала Византію, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. По смерти Алексѣя Михайловича, въ слѣдствіи болѣзни царя Θедора, возбуждавшей разныя опасенія, которыя и сбылись, открылись сцены, напоминающія собою борьбу византійскихъ партій, въ которыхъ теремъ игралъ такую важную роль. Въ церковномъ мірѣ возникло не менѣе опасное броженіе, съ тою лишь разницею, что въ Византіи оно касалось болѣе отвлеченныхъ вопросовъ (объ отношеніяхъ лицъ Троицы и т. п.), а у насъ вопросовъ чисто формальныхъ (о крестѣ, колокольномъ звонѣ, крестномъ знаменіи, принадлежностяхъ архіер. служенія и т. п.) [1]) На Москву давно уже русскіе книжники стали смотрѣть какъ на третій Римъ, наслѣдницу втораго—Византіи. У царя Алексѣя самый тронъ былъ обставленъ, по византійскому образцу, аттрибутами власти—рыкающими львами *(Бытъ царей, I, гл. 1)*. Θедоръ Алексѣевичъ, уничтоживъ мѣстничество, имѣлъ въ виду создать строгое чиноначаліе по образцу византійскому *(Арх. ист. юрид. свѣд., Калачова, I, Проектъ устава о служеб. старшин. бояръ по 34 степенямъ, 19—40)*. Теперь и самый теремъ царскій пытался присвоить себѣ такую же власть, какою нерѣдко пользовались женщины въ Византіи. Не даромъ сторонники царевны Софіи сравнивали ее съ импер. Пульхеріей. Благодаря слабости и болѣзни царя Θедора, его сестры, бывшія уже въ лѣтахъ (ихъ было пять и среднею была Софія), получили сначала постоянный доступъ къ нему, а потомъ сохранили за собою и право

---

[1]) »Византія, говоритъ Григорій Назіанзинъ, наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными теологами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣнялѣ, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ—спеченъ ли хлѣбъ? отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего«.

Симеонъ Полоцкій о Россіи XVII в. говоритъ. »Нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроки, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивіи человѣцы, препираются на торжищахъ скотопродатели, да не скажу въ корчемницахъ пьяные. Напослѣдокъ и буія женица словопреніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе«.

свободнаго выхода. Во время двуцарствія, онѣ являются уже вліятельными лицами; принимають участіе въ церковномъ соборѣ, по случаю спора съ раскольниками въ Грановитой палатѣ; онѣ спѣшатъ устроить свою обстановку (каменныя палаты съ помѣщеніемъ для Думы) и придать блескъ своей власти (портреты съ царскими аттрибутами), а самая честолюбивая изъ нихъ, Софія, хлопотала даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться. Ея сторонникъ, Медвѣдевъ, сравниваетъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветою англійскою и Семирамидою [1]). Все это ясно обозначало стремленія терема. Царевны стали участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, а прежде онѣ не могли присутствовать даже при погребеніи своихъ братьевъ и сестеръ. Эта политическая тенденція, при всѣхъ правахъ на престолъ двухъ царей—Ивана и Петра, выступаетъ уже во всей наготѣ, когда Софія вздумала опереться на силу стрѣльцовъ и при содѣйствіи сестеръ стала возбуждать ихъ противъ Петра: онѣ дѣйствовали нетолько подкупомъ, но и готовили переворотъ въ свою пользу посредствомъ убійства. Понятно, что эти факты, сопровождавшіе освобожденіе терема, должны были повліять на современниковъ, которые въ большинствѣ еще были убѣждены, что у »бабы волосы долги, да умъ коротокъ« (Аввакумъ въ письмѣ къ Морозовой), что появляться на площадяхъ царевнамъ зазорно (слова патріарха и кн. Хованскаго по поводу собора въ Грановитой палатѣ). И вотъ, когда Софія вздумала на соборѣ напугать противниковъ оставленіемъ царства, то стрѣльцы ей отвѣчали: »Пора государыня давно вамъ въ монастырь. Полно царствомъ-де мутить. Намъ бы здоровы были государи, а безъ васъ пусто не будетъ«. На царскомъ выходѣ царевна Софія вздумала явиться съ открытою головою, вмѣстѣ съ царями, но Петръ не хотѣлъ допустить этого въ силу »неприличія« и »необычности« такого дѣла; но пока ему пришлось самому остаться во дворцѣ. Наконецъ, убѣждая брата взять въ руки власть, онъ еще рѣзче мотивировалъ это: »Срамно государь при нашемъ совершенномъ возрастѣ, *тому зазорному лицу* государствомъ владѣть мимо насъ«. Софія и ея теремъ безъ сомнѣнія оправдывали уже свои стремленія историческими основаніями; онѣ были знакомы не только съ одними житіями, но и свѣтскою литературою:

---

[1]) Софія въ церкви становилась на царскомъ мѣстѣ; ее поминали вмѣстѣ съ царями и однажды, за некажденіе ей въ соборѣ, былъ выраженъ царскій гнѣвъ.

то было время умственнаго движенія въ Москвѣ и не даромъ въ теремъ имѣли доступъ такіе начитанные люди, какъ Симеонъ Полоцкій, знакомый съ польскою образованностью, Сильвестръ Медвѣдевъ, знатокъ литературы византійской; они поддерживали царскій теремъ необходимыми аргументами. Но Софія слишкомъ рѣзко выступила за предѣлы завѣтныхъ преданій и наперекоръ очевиднымъ правамъ своихъ братьевъ. И тѣмъ болѣе это было »срамно« и »зазорно« для современниковъ, что царскій теремъ не могъ опереться даже на нравственную свою репутацію. Выйдя изъ него, царевны бросились въ омутъ самыхъ нескромныхъ похожденій. Связь Софіи съ кн. Вас. Вас. Голицынымъ, была у всѣхъ на виду; тѣмъ не менѣе она рѣшилась неудачный походъ его въ Крымъ выставить въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и даже вознаградить его виновника выше всякой мѣры *(Забѣлинъ, Бытъ царицъ, 152—192)*. Въ народѣ о Софіи и ея сестрахъ говорили такъ: »Царевна Софія была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея,. . . . . е бояре ходили къ нимъ и робятъ тѣ царевны носили и душили, а иныхъ на дому кормили« *(Соловьевъ, XVII, 227)*. Понятно, почему въ послѣдствіи Петръ В. явился такимъ ожесточеннымъ противникомъ этого терема [1]).

Современная литература не осталась чуждою тѣхъ крайнихъ явленій общественной жизни, которыя были порожденіемъ теремныхъ нравовъ. Къ концу XVII в. и въ литературѣ окончательно слагается образъ »злой жены«. Здѣсь на первомъ планѣ мы должны упомянуть о спеціальномъ сочиненіи, озаглавленномъ: »Книга о злонравныхъ женахъ, или бесѣда отца съ сыномъ, избранная изъ разныхъ писаній, богомудрыхъ отцовъ и многихъ философовъ« *(Забѣлинъ, Опыты, I, 161—175)*. Мы не станемъ слѣдить за всѣмъ разговоромъ между отцомъ и сыномъ въ этой бесѣдѣ. Замѣтимъ только, что никакіе до-

---

[1]) Другой примѣръ сильнаго вліянія женщины въ политической жизни Россіи XVII в., при всѣхъ теремныхъ порядкахъ, представляетъ боярыня Анна Петр. Хитрово. Сначала казначея при дворѣ дочери Михаила, Ирины, потомъ, благодаря своему родственнику, любимцу царя Алексѣя, Богд. Матв. Хитрово, воспитательница Ѳеодора, она дѣлается полною распорядительницею во дворцѣ его обѣихъ супругъ. Хитрая ханжа и перевѣтница, она успѣла раздуть вражду между Милославскими и Нарышкиными и довела ее до стрѣлецкаго бунта.

воды и убѣжденія сына о нравственномъ и религіозномъ значеніи брака не могли поколебать суровыхъ приговоровъ отца о женщинѣ, хотя онъ вполнѣ проникнутъ религіозностью. Самыя характеристики женскаго нрава у него сосредоточиваются на слѣдующихъ опредѣленіяхъ: жена льстивая, лукавая, колдунья, львица, змія, ехидна, прокудливая (проказливая) и аспидъ.

Болѣе интересны для насъ нѣкоторыя современныя черты. »Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, говоритъ отецъ, одна изъ тысячи можетъ назваться доброю женою. Отъ женъ произошло множество убійствъ и много пролито крови. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ многіе управляютъ городами, а сами поработились женамъ. Жены ихъ привыкли смотрѣться въ зеркала (которыя вошли въ моду въ XVII в.), мазать лица свои вапами (красками) и брови наводить сурьмою; члены свои онѣ связываютъ шелкомъ, лбы затягиваютъ жемчугомъ; уши обвѣшиваютъ камнями. Мужья дѣлаютъ долги, а женъ украшаютъ, и если мужъ не исполнитъ желанія жены, то она вздыхаетъ и плачетъ; носъ посупитъ; день и ночь гнѣвъ держитъ. »Что ты мнѣ за мужъ! говоритъ она, лучше я тебя не знала бы и сердце мое не терзалось бы. Я была дочь богатыхъ отца и матери. Была бы я дѣвица—былъ бы мнѣ и мужъ«. Изображая льстивую жену, строгій пуристъ указываетъ, какъ привѣтливо и притворно встрѣчаетъ мужа такая жена, а если его нѣтъ дома, то она сидитъ возлѣ оконца, смотритъ туда и сюда: скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ и руками плещетъ, какъ прелестница Иродіада—многимъ юношамъ угождаетъ и всячески льститъ. »Такимъ образомъ здѣсь нравы терема представляются совершенно наизнанку. Жена колдунья уже съ перваго дня замужества знается съ ворожеями и колдунами; она надъ всемъ чаруетъ: надъ постелью, одеждою и пищею, пока не доведетъ мужа до того, что онъ потеряетъ разумъ и цвѣтъ лица. Потомъ она его возненавидитъ, полюбитъ другихъ, и, найдя удобное время, *ядомъ отравитъ*« [1]). Автору бесѣды были уже извѣстны частые примѣры того, что теремъ не могъ ручаться за чистоту самой жизни и тѣ крайнія средства, къ какимъ тогда прибѣгали женщины, чтобы

---

[1]) Въ »Горѣ-Злосчастьи« есть слѣдующее интересное предостереженіе на счетъ жены:

Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ жены удавлену,
Изъ-за злата и сребра быть убитому.

скрыть это отъ молодыхъ мужей. Но авторъ зналъ также и болѣе тонкихъ кокетокъ, которыя, разодѣвшись и украсившись съ головы до ногъ— тихо выступали, кротко обращали главу, медленно обводили глазами, ухищряя такимъ образомъ всѣ свои составы чтобы прельстить собою, и дѣйствительно многихъ юношей однимъ видомъ своимъ погубляли.

Интересно замѣтить при этомъ, что при двухъ характеристикахъ подобнаго рода, читавшій отмѣтилъ, что его жена Пелагея во всемъ подобное сходство имѣетъ.

Въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ весь разсказъ вращается на интригѣ купеческаго сына съ чужою женою, которая не обходится безъ участія дьявола, хотя и оканчивается покаяніемъ виновника въ монастырѣ. Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ рисуетъ героя, съумѣвшаго ловко устроить свою женитьбу на дочери извѣстнаго Ордина-Нащокина, при содѣйствіи ея мамки, но помимо воли ея родителей. (*Памят. стар. рус. литер., I и Москвитянинъ, 1853 г., кн. I, историч. матерьялы*).

Въ XVII в. стали появляться въ Россіи переводы нѣкоторыхъ извѣстныхъ произведеній западной литературы, иногда съ польскаго языка, вь слѣдствіе тогдашняго литературнаго сближенія съ Польшею. Понятно, что и въ такихъ произведеніяхъ русскій читатель любилъ почерпать нравственныя сентенціи, ближе подходившія къ его жизни. Такъ въ это время былъ переведенъ у насъ огромный сборникъ римскихъ повѣстей (заключающій въ себѣ болѣе 800 разсказовъ), извѣстный подъ именемъ Великаго Зерцала. Изъ этой книги былъ заимствованъ анекдотъ, получившій обширное распространеніе, перейдя во многіе сборники и ставъ поговоркою въ устахъ народа: это разсказъ о жестокосердой женѣ—любимой темѣ русскихъ книжниковъ того времени, которая, поспоривши съ мужемъ изъ-за слова, не хотѣла уступить ему даже тогда, когда онъ бросилъ ее въ рѣку. Случилось однажды, говорится въ разсказѣ, мужу съ женою проходить чрезъ поле. Мужъ выразился, что земля хорошо *покошена*, а жена возразила ему, что *пострижена*, и всю дорогу твердила: *стрижена, стрижена*. Въ гнѣвѣ мужъ наконецъ бросилъ жену въ воду, но и тамъ, когда она уже тонула, не будучи въ состояніи говорить, она сдѣлала на поверхности воды пальцами видъ ножницъ, утверждая такимъ образомъ до самаго конца, что она права—вотъ источникъ и настоящему выраже-

нію: *стриженый*, въ смыслѣ неосновательнаго настаиванія на своемъ (*Забѣлинъ*, *Опыты*, *I*, *176—177*).

Въ современныхъ »персонникахъ«, претендующихъ на право характеристикъ Ѳеофраста или Лабрюйера, о женской натурѣ дѣлалось общее опредѣленіе, что она »злосерднѣе« мужеской (*Лѣт. Археогр. ком. I*, *99*).

Съ другой стороны, у насъ, какъ и на западѣ, религіозное и общественное движеніе подготовило новое положеніе вопроса, измѣненіе котораго сопровождалось подобными же отрицательными явленіями. Извѣстный Аввакумъ пришелъ къ заключенію, что »кто не имѣетъ іереевъ, пусть живетъ просто« (т. е. безъ вѣнчанія). И по словамъ Димитрія Ростовскаго сектанты не выдавали своихъ дочерей замужъ, но повелѣвали имъ безъ вѣнчанія, съ кѣмъ хотятъ, жить. Начиная съ движенія новгородскихъ еретиковъ до позднѣйшаго времени, какъ и въ религіозныхъ движеніяхъ на западѣ, женщины принимали дѣятельное участіе, и въ тѣхъ сектахъ, которыя усвоили раціоналистическое направленіе, основываясь болѣе на евангельскихъ, нежели библейскихъ воззрѣніяхъ, женщина занимала иногда независимое положеніе и нерѣдко возвышалась до основательницы и учительницы толка.

Впрочемъ это движеніе сопровождалось самыми противоположными ученіями, которыя также отразились на положеніи женщины. Расколъ XVII в., выйдя изъ оппозиціи іерархіи, вскорѣ пріобрѣлъ политическое и соціальное значеніе и тѣмъ самымъ пересталъ быть исключительно церковнымъ движеніемъ. Репрессивныя мѣры вызвали оппозицію въ средѣ сектантовъ и въ расколѣ все болѣе стала утверждаться мысль о господствѣ въ мірѣ царства зла. Недовольные бѣжали въ лѣса и цѣлыми толпами предавались самосожженію. Подъ вліяніемъ этихъ бѣдствій и учителей монаховъ, въ средѣ безпоповцевъ сложился аскетическій идеалъ жизни, воспрещавшій бракъ и все, что соединялось съ нимъ (ѳедосѣевцы запрещали даже помогать женщинѣ при разрѣшеніи, считая это оскверненіемъ). Но болѣе мягкое отношеніе Петра В. къ расколу, занятія промыслами и трудъ доставили сектантамъ вполнѣ обезпеченное положеніе, такъ что вскорѣ послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ жаловались уже на вторженіе роскоши и легкость нравовъ, благодаря стремленію женщинъ нарушить тягостный для нихъ обычай. Однако онѣ нашли горячихъ защитниковъ, которымъ удалось примирить эти желанія съ невозможностью заключенія формальныхъ браковъ, признавъ послѣдніе гражданскимъ

актомъ, совершаемымъ по свободному соглашенію передъ общиною. Значительная часть впрочемъ не признала этихъ уклоненій, хотя въ дѣйствительности пришла къ болѣе крайнимъ явленіямъ, каковы сводные браки, временное сожительство и свободныя связи (*Нильскій, Семейн. жизнь въ расколѣ 1, 168—169; 116, 182, 184, 204; 122, 138, 177, 143, 217; 185, 190, 211—214*). Въ этихъ условіяхъ быта положеніе женщины колеблется между полною необезпеченностью его закономъ и безусловною свободою отношеній.

Многія изъ этихъ явленій обнаружились не ранѣе половины XVIII в., но мы коснулись ихъ потому, что они были результатомъ того общественнаго разлада, который обозначился еще до реформы Петра В.

ГЛАВА III.

Измѣненія въ нравахъ, искусствѣ и домашней обстановкѣ въ XVI и XVII вв. Уступки законодательства въ пользу женщины. Реформа дворцовой жизни при Алексѣѣ Михайловичѣ. Измѣненія въ судьбѣ женщины до Петра В. Первый выходъ женщинъ и реформы, сопровождавшія его. Семейная жизнь Петра В. и ея результаты. Смѣсь стараго съ новымъ. Отношеніе женщинъ къ реформѣ Петра В. Грубость нравовъ. Взглядъ на „зазорныхъ“ дѣтей до Петра В. и его заботливость о нихъ. Проэктъ женскаго образованія при Петрѣ. Опасенія и желанія женщинъ. Воспитаніе молодаго поколѣнія. Ассамблеи и ихъ смыслъ. Театръ и другія увеселенія. Взгляды людей реформы на женщину и бракъ. Два поколѣнія въ царской семьѣ. Взглядъ кн. Щербатова на результаты реформы и оцѣнка его. Отрицательныя явленія жизни. Жизнь двора и высшаго общества до цар. Анны Ивановны. Заключительный выводъ Щербатова и его значеніе.

При разсмотрѣнныхъ нами условіяхъ, эманципація терема неизбѣжно должна была совершиться, и она совершилась въ связи съ другими явленіями жизни. Новое, едва сплоченное государство, вступивъ въ неизбѣжныя сношенія съ другими, болѣе образованными странами, не могло остаться чуждымъ ихъ интересовъ и культуры. Уже пріѣздъ Софіи Палеологъ съ греками, окружавшими ее, въ моментъ возрожденія наукъ на западѣ, и особенно въ Италіи, въ которомъ переселившіеся греки играли такую важную роль, не могъ остаться безъ вліянія на обстановку московскаго двора [1]). И дѣйствительно, въ слѣдъ

[1]) Литвинъ Михалонъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что дворецъ Ивана III былъ украшенъ даже «каменными изваяніями по образцу Филіевыхъ». *Арх. истор. юрид. свѣд. о Россіи, II, кн. 1, стр. 33.*

за этимъ идетъ рядъ распоряженій, касающихся улучшенія матерьяльнаго быта и сопровождавшихся вызовомъ иностранныхъ художниковъ: не даромъ защитники старины утверждали, что съ пріѣздомъ Софіи и грековъ »земля наша замутилась и поколебалась«. Женитьба Василія Ивановича на Глинской заставила его пожертвовать такимъ неотъемлемымъ аттрибутомъ завѣтной старины, какъ борода. Эта мода получила начало въ южн. Франціи въ XII в., но дѣлается распространенною на западѣ съ XV вѣка (*Гюльманнъ 117*). Примѣръ Василія Ив. быстро подѣйствовалъ: современный ему обличитель (митр. Даніилъ) сильно ратуетъ противъ молодыхъ щеголей, не только не посившихъ уже бороды, но старавшихся совсѣмъ уничтожить волосы на лицѣ посредствомъ разныхъ щипцовъ, и употреблявшихъ румяны, драгоцѣнныя кольца, шелковыя одежды, узкіе сапоги, съ очевидною цѣлью понравиться женщинамъ, отъ которыхъ они старались заимствовать разные знаки кокетства (*Чтен. о яз и словесн. 1857, с. 112—113*). Дворъ Бориса Годунова отличался нѣкоторою свободою: такъ, при выѣздахъ его жены на гулянье, ей сопутствовали придворныя боярыни верхами на лошадяхъ. (*Маржеретъ*). Дворъ Марины Мнишекъ конечно не походилъ на обыкновенный московскій; но возстановленіе нарушеннаго политическаго строя послѣ смутной эпохи не могло не отразиться и на общественной жизни. Дворъ снова принялъ прежнюю замкнутость; этого требовала наступившая реакція, тѣмъ болѣе, что мать молодаго царя Михаила Ѳедоровича была монахинею, а она имѣла большое вліяніе на домашнія отношенія послѣдняго, какъ это доказываетъ дѣло Хлоповой и выборъ второй невѣсты царя. XVII вѣкъ, когда съ такою силою стали пробиваться въ жизнь новыя явленія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ наибольшей требовательности и взыскательности относительно завѣтной старины. Тѣмъ не менѣе, разъ данное движеніе трудно было уже остановить, хотя благочестіе царя Алексѣя нѣкоторое время сдерживало болѣе смѣлые порывы, какъ это мы видѣли въ своемъ мѣстѣ.

Область искусства даетъ лучшій матерьялъ, относительно измѣненія вкусовъ и понятій общества. Еще въ XVI вѣкѣ появляются жалобы на замѣну въ церковной живописи отрѣшеннаго, византійскаго характера—*житейскими типами* (»образъ Спасовъ да туто близко него написана женка, спустя рукава, кабы пляшеть«); въ церковномъ искусствѣ замѣчается наклонность къ рельефу (*Флетчеръ, О русск. госуд., Базель, 95*), на столько впрочемъ грубому, что сравнительно съ

западнымъ его можно было бы отнести развѣ къ XI и XII вѣкамъ. Съ XVI в. въ Россіи появляется *травная* живопись, возникшая въ Италіи съ возрожденіемъ искусства. Въ половинѣ XVII в. становится извѣстною въ Москвѣ фигурная рѣзьба, занесенная въ Россію нѣмецкими архитекторами; появляются книги и листы, спеціально относящіеся къ живописи; на стѣнахъ, вмѣсто сценъ изъ библіи, встрѣчаются ландшафты или аллегоріи; въ это время живопись начинаетъ принимать свѣтскій характеръ: на стѣнахъ дворца появляются изображенія небесныхъ круговъ, Юлія Цезаря, царя Пора и др. Современно религіозному движенію, новое направленіе въ живописи достигаетъ болѣе опредѣленнаго характера: недовольные указывали на то, что изображенія на иконахъ пишутся какъ будто живыя. Въ XVII вѣкѣ эстампы и портретная живопись становятся общераспространенными. Рядомъ съ иностранными художниками въ это время можно указать на школу русскихъ мастеровъ, усвоившихъ въ своихъ работахъ уже вполнѣ свѣтскій характеръ. Мы не считаемъ нужнымъ касаться подробностей этого культурнаго движенія, имѣя въ виду обратить вниманіе лишь на общій его характеръ; въ томъ же родѣ можно указать на очевидное измѣненіе въ стилѣ и искусствѣ, касающееся домашней утвари и музыки. До второй половины XVII в. въ Россіи были въ употребленіи ручныя зеркала; потомъ, хотя и стали употребляться стѣнныя, ихъ считали нужнымъ завѣшивать, какъ предметъ суетнаго стремленія; но съ половины XVII в. они все болѣе входятъ въ употребленіе и вызываютъ даже обличенія, какъ предметъ, удовлетворяющій женскому кокетству. Одновременно съ тѣмъ и туалетные предметы становятся необходимою принадлежностью женскаго терема. Само собою понятно, что всѣ эти нововведенія, касавшіяся матерьяльныхъ удобствъ и удовлетворенія духовныхъ потребностей, не могли не касаться положенія самой женщины и, напротивъ, послѣднее должно разсматривать въ связи съ общимъ развитіемъ указанныхъ явленій. Извѣстно, что въ Россіи до конца XVII в. стеклянныхъ оконъ не было, а употреблялись слюдяныя; но обличенія въ нарушеніи женщиною теремной скромности присутствіемъ у окна безъ сомнѣнія стоятъ въ связи съ этою перемѣною, когда женщина получила и свободный доступъ въ мужскіе покои, находившіеся ближе къ улицѣ. По словамъ же Таннера, участвовавшаго въ 1678 году въ польскомъ посольствѣ въ Россію, мужья въ пользу своихъ друзей и пріятелей дѣлали уже исключенія, допуская ихъ въ своемъ отсутствіи бесѣдовать съ жена-

ми и даже дочери ихъ изрѣдка показывались передъ гостями. Объ этомъ говоритъ и Корбъ (*Дневникъ, 286*). Не смотря на всю суровость законодательства XVII вѣка въ отношеніи къ положенію женщины (Уложеніе царя Алексѣя), требованія жизни вызвали правительство къ ограниченію патріархальной власти мужа въ самомъ существенномъ вопросѣ для обѣихъ сторонъ—имущественномъ: распоряженіями 1677 и 1679 годовъ помѣстья и вотчины женъ, проданныя ихъ мужьями по враждѣ, велѣно было возвратить по принадлежности, и впредь мужьямъ запрещалось какъ продавать, такъ и закладывать вотчины женъ, а помѣстный приказъ обязывался такихъ купчихъ и закладныхъ не записывать.

Время Алексѣя Михайловича, въ культурно-историческомъ отношеніи, очевидно распадается на два періода. Первыя 20 лѣтъ, находясь подъ вліяніемъ Морозова, духовенства и своей первой жены, онъ устанавливаетъ во дворцѣ и проводитъ въ общественной жизни идеалы Домостроя—отсюда строгія запрещенія народныхъ игръ и пѣсенъ. Олеарій разсказываетъ о сожженіи, по распоряженію атр. Іосифа, музыкальныхъ инструментовъ; запрещались даже качели; музыка была изгнана изъ дворца; царь предался охотѣ, а царица устраняла и малѣйшія новизны, нарушавшія обычный строй жизни. Въ этомъ состоялъ прямой интересъ такого временщика, какъ Морозовъ. Иною жизнію повѣяло во дворцѣ по смерти первой супруги царя. Послѣ нея вліятельнымъ лицемъ является Матвѣевъ, другъ иностранцевъ, не разъ получавшій непріятности отъ патріарха то за свой костюмъ, то за другія отступленія отъ старины. Его вліяніе на царя вполнѣ утвердилось съ женитьбою послѣдняго на Нат. Кир. Нарышкиной. Въ слѣдъ за этимъ открылись при дворѣ театральныя представленія, причемъ для царицы съ ея семействомъ была устроена особая ложа; она начинаетъ участвовать въ торжественныхъ выходахъ; выѣзжаетъ (послѣ перваго неудачнаго дебюта съ опущеннымъ окномъ) въ открытой каретѣ съ царемъ или одна; на своихъ имянинахъ она принимаетъ открыто бояръ. Царица была веселаго нрава и очень любила удовольствія, а царь сильно любилъ ее, чтобы отказать ей въ томъ. На сценѣ, по словамъ Рейтенфельса, были допущены французскіе танцы; царь не согласился только на музыку, но и въ этомъ уступилъ, узнавъ что безъ нея танцы не могутъ состояться. Правда, что царь допустилъ театръ съ разрѣшенія духовенства, причемъ понадобилось сослаться на примѣръ виз. императоровъ; но это явленіе не осталось безъ вліянія на ближайшее поколѣніе: дочь

Нат. Кир.—Наталія Алексѣевна, любимая сестра Петра Вел., приняла театръ подъ свое покровительство; у нея была цѣлая коллекція театральныхъ пьесъ и она сама писала комедіи. Петръ любилъ посѣщать этотъ театръ; а потомъ, въ Петербургѣ, театръ подъ покровительствомъ Наталіи Алексѣевны, былъ открытъ для всѣхъ (*Бассевичъ и Веберъ*). Уже при Алексѣѣ Мих. пьесы не ограничивались одними религіозными предметами, а касались и современныхъ событій; за тѣмъ становится извѣстнымъ даже Мольеръ. Нат. Алексѣева въ одной изъ своихъ пьесъ вывела эпизодъ изъ стрѣлецкихъ бунтовъ—заговоръ Шакловитаго. Царевнѣ Софіи участіе въ театрѣ было приписано неправильно (*Забѣлинъ, Бытъ царицъ*, *500—502*).

Въ это время подлѣ самой Москвы жила обширная колонія иностранцевъ—знаменитая Нѣмецкая слобода. Уже при Мих. Ѳед въ ней было болѣе 1000 протест. семействъ (*Олеарій*), число которыхъ къ концу XVII в. еще болѣе увеличилось. Иностранцы оставались въ ней вѣрны своимъ обычаямъ; весело жилось въ этой слободѣ, которую нерѣдко посѣщали русскіе вельможи, покровительствовавшіе иностранцамъ. Понятно, что жизнь Нѣмецкой слободы не могла остаться безъ вліянія на русскихъ. Въ ней женщина пользовалась до извѣстной степени свободою; на веселыя пирушки, ежедневно смѣнявшіяся у жителей слободы, она имѣла свободный доступъ; она принимала участіе во всѣхъ удовольствіяхъ мужскаго общества—вотъ почему любилъ такъ часто навѣщать этотъ уголокъ Москвы Петръ В. Безъ сомнѣнія здѣсь слѣдуетъ искать прототипъ его будущихъ ассамблей Сынъ Наталіи Кирилловны, на которую онъ походилъ и нравомъ, и даже наружностью, братъ Нат. Алексѣевны, въ которой онъ постоянно находилъ лучшую поддержку своимъ преобразовательнымъ планамъ, естественно долженъ былъ стать преобразователемъ женскаго терема, который навсегда сталъ ему ненавистенъ, какъ посягнувшій нѣкогда на его жизнь. Стремленія преобразователя совпали съ надеждами терема. »Женщины, замѣчаетъ Корбъ наканунѣ самаго освобожденія, освободились бы отъ крайне унизительной покорности, еслибы только нашелся преобразователь столь жестокихъ для нихъ обычаевъ«. Царевна Софія и ея сестры сдѣлали для себя то, что Петръ В. сдѣлалъ доступнымъ для всѣхъ женщинъ.

Современники, критически относившіеся къ тогдашнимъ явле-

ніямъ жизни, касались и настоящаго вопроса, ясно указывая больныя стороны ея, какъ это сдѣлалъ напр. Котошихинъ. Въ своемъ сочиненіи о Россіи *(стр. 46)* онъ указываетъ на безграничную опеку, жизнь въ теремѣ и умственное невѣжество, какъ главныя причины семейныхъ безпорядковъ и грубости нравовъ. Выше мы представили уже результаты этихъ условій. Интересно однако, что, наканунѣ общественнаго переворота въ пользу русской женщины, необходимость реформы была высказана и представителями стараго быта, крѣпко державшимися за сохраненіе его прежнихъ основъ. Въ дек. 1693 г. патр. Адріанъ обратился къ клиру съ слѣдующимъ распоряженіемъ: »Священники, совершающіе браки, небрежно относятся къ согласію жениха и невѣсты при вѣнчаніи и безпрестанно (»множицею«) совершаютъ браки между лицами, не любящими другъ друга, чрезъ что остальная жизнь подобныхъ супруговъ бываетъ бѣдственна, бездѣтна и другъ для друга укоризненна. Поэтому великій господинъ, патріархъ указалъ смотрѣть, чтобы впредь священники накрѣпко допрашивали у лицъ, приходящихъ къ вѣнчанію —по любви ли и согласію вступаютъ они въ бракъ, а не отъ насилія или неволи? и если женское лицо, въ особенности же дѣвица, постыдится сказать, то слѣдуетъ допрашивать ея родителей, особенно мать, а если нѣтъ матери, то сестру, и если одно изъ лицъ, особенно дѣвическое, совершенно умолчитъ о томъ, или выразитъ какимъ либо знакомъ отвращеніе отъ жениха, (какъ то: плеваніемъ или трясеніемъ руками), то такихъ не вѣнчать, пока не заявятъ совершеннаго согласія между собою« *(изъ Кабин. Петра В., у Соловьева, XIV, 155)*. Такимъ образомъ недостатки старой системы брачныхъ отношеній были ясно выставлены.

Между тѣмъ условія самой жизни, на которую пахнуло уже новою струею, подготовляли болѣе рѣшительный переворотъ въ самыхъ отношеніяхъ мужчины и женщины. 1 марта 1698 г. секретарь цесарскаго посольства Корбъ, въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, что въ этотъ день произошла перемѣна въ жизни русской женщины. По случаю отпуска бранденбургскаго посла, въ Лефортовскомъ дворцѣ былъ обѣдъ и танцы, причемъ царевичъ Алексѣй съ теткою своею, царевною Наталіей, смотрѣли на нихъ изъ сосѣдней комнаты, окруженные знатнѣйшими дамами. »Сегодня обнаружилось въ русскомъ обществѣ смягченіе нравовъ, говоритъ Корбъ, такъ какъ до сего времени женщины никогда не находились въ одномъ обществѣ съ мужчинами и не принимали участія въ ихъ увеселеніяхъ; сегодня же нѣкоторыя не только были на обѣдѣ,

но также присутствовали при танцахъ» *(стр. 150)*. Впрочемъ не сразу совершился этотъ поворотъ. Тотъ же Корбъ замѣчаетъ: »Женщины, пользующіяся нѣкоторой знатностію, не являются за званымъ столомъ и даже не садятся вмѣстѣ съ мужемъ за обыкновенный столъ. Но ихъ можно видѣть, когда онѣ въ своихъ экипажахъ ѣдутъ въ церковь или къ друзьямъ; впрочемъ выѣзды составляютъ уже значительное отступленіе отъ строго наблюдавшагося прежде обыкновенія, по которому экипажи, въ которыхъ запирались женщины, такъ бывали закрыты, что заключеннымъ въ нихъ отнималась даже самая свобода зрѣнія« (за слюдяными окнами) *(стр. 286)*. Выходъ женщины въ свѣтъ сопровождался другимъ важнымъ преобразованіемъ—отмѣною восточной одежды, такъ стѣсняющей въ обществѣ. Съ января 1700 г., въ теченіе двухъ лѣтъ, идетъ рядъ распоряженій, чтобы всѣ городскіе жители, исключая духовенства и пахотныхъ крестьянъ, носили верхнее платье саксонское и французское, а нижнее (камзолы, штаны), сапоги, башмаки и шапки—нѣмецкіе; женщины всѣхъ сословій, не исключая и духовнаго, обязаны были носить нѣмецкое платье. Для образца вывѣшены были чучелы; за ослушаніе грозилъ денежный штрафъ, а портнымъ, за шитье стараго платья, полагалось жестокое наказанье *(Полн. собр. зак. № 1741, 1887; Запис. Желябужскаго)* [1]. Спустя годъ послѣ перемѣны платья

---

[1]) Предшествовавшій указъ царя Ѳедора о короткихъ кафтанахъ (1681 г.) касался только однихъ служащихъ и придворныхъ лицъ *(Соловьевъ, XIV, 277)*. Распоряженіе Петра явилось въ слѣдъ за цѣлымъ рядомъ розысковъ, вызванныхъ его врагами, воспользовавшимися его пребываніемъ за границею, и было необходимымъ результатомъ личнаго знакомства царя съ западными обычаями. Самое бритье бороды, совершенное немедленно по прибытіи его изъ за-границы, на виду тѣхъ же розысковъ, было перчаткою, брошенною Петромъ старой партіи; но и оно не было внезапнымъ явленіемъ. Уже при Алексѣѣ Мих. этотъ обычай такъ распространился, что царь, подъ вліяніемъ конечно духовенства, грозилъ за бритье бородъ пониженіемъ въ чинѣ. Но сильныя обличенія патр. Іоакима и Адріана, современниковъ Петра, приравнивавшія брадобритіе къ еретичеству и грозившія за него осужденіемъ въ будущемъ мірѣ, лучше всего говорятъ о распространеніи этой моды. *(Соловьевъ, XIV, 277—278)*. И въ Германіи бритье бороды во всеобщее употребленіе вошло не за долго до Петра. Снова борода получила право гражданства со времени революціи, когда не было времени бриться и завиваться *(Шерръ, Ист. цивил. въ Германіи 438)*.

былъ сдѣланъ новый шагъ въ интересахъ семейнаго быта. Указомъ 1702 г. (апрѣль) Петръ В. хотѣлъ отнять меркантильный характеръ въ условіяхъ брака, а потому онъ запретилъ писать въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ договорныя записи со стороны вступающихъ въ бракъ, а приданое разрѣшилъ записывать въ условіяхъ только за обыкновенными подписями свидѣтелей, уничтоживъ при этомъ обыкновеніе писать неустойку. Но въ томъ же указѣ была еще болѣе важная сторона: при выдачѣ замужъ былъ установленъ обрядъ обрученія за шесть недѣль до вѣнчанія, съ тѣмъ, что въ теченіе этого времени обѣ стороны могли разойтись. Мысль законодателя была та, что въ теченіе этого періода для лицъ, вступающихъ въ бракъ, возможно было ближе ознакомиться другъ съ другомъ, чего не допускалъ прежній порядокъ вѣнчанія *(Полн. собр. зак. № 1907)*.

Петръ В. былъ самъ жертвою неудачнаго брака. Его женили, какъ обыкновенно женили прежнихъ царевичей. Невѣста его отличалась красотою и была ему выбрана матерью, желавшею удержать сына отъ слишкомъ частыхъ отлучекъ. Это ей не удалось, а жена Петра не въ состояніи была понять его кипучей дѣятельности: ей хотѣлось, чтобы ея »милый свѣтъ лапушка« поскорѣе вернулся домой и былъ съ нею неотлученъ. Между тѣмъ натянутая жизнь въ царскомъ теремѣ Петру не нравилась: по пріѣздѣ въ Москву онъ спѣшилъ въ Нѣмецкую слободу. Фамилія Лопухиныхъ принадлежала къ партіи, противной преобразованіямъ: имена Лопухиныхъ и удаленіе жены Петра въ монастырь стоятъ между рядомъ заговоровъ (стрѣльцовъ, Цыклера и Соковнина) и бритьемъ бородъ и нѣмецкимъ платьемъ. Петръ развелся съ женою еще по старому обыкновенію, сославъ ее въ монастырь; но дальнѣйшія преобразованія, коснувшіяся самыхъ монастырей, которые Петръ хотѣлъ обратить въ благотворительныя заведенія и госпитали, ограничивъ и число монаховъ, и лѣта поступающихъ въ монахи и монахини (40 годомъ. *См. указъ 1703 г. у Соловьева, XV, 121)*, должны были уничтожить и этотъ произволъ. Тогда недовольные супруги прибѣгли къ новому способу развода: священники стали выдавать желающимъ разводныя свидѣтельства, запрещенныя уже въ царств. Анны Ивановны, подъ страхомъ лишенія сана и жестокаго наказанія *(П. соб. зак. ук. 1730 г.)*. Петръ В. хотѣлъ преобразовать и собственную семью. Послѣ ссылки первой супруги, онъ поручилъ своего сына любимой сестрѣ Наталіи; онъ женилъ его на иноземной принцессѣ, не коснув-

нись ея религіи; его наставниками въ наукахъ были иностранцы. Но реакціонное чувство, развитое въ царевичѣ врагами отца и сторонниками матери, при безпрестанныхъ отлучкахъ Петра во время сѣверной войны и заграничныхъ путешествій, произвело противоположный результатъ. Врагъ придворнаго этикета, Петръ не думалъ создавать для себя какой нибудь чопорной семьи. Его привязанность къ Екатеринѣ была основана на одномъ чувствѣ. Екатерина не озаботилась даже пріобрѣтеніемъ необходимыхъ познаній; бумаги за нее обыкновенно подписывала ея дочь Елисавета Петровна. Но Екатерина имѣла тотъ природный практическій умъ, которымъ часто обладаютъ женщины. Она въ состояніи была стать необходимою для Петра и въ его заграничныхъ поѣздкахъ, и въ походахъ (турецкомъ и персидскомъ). Таже любимая сестра Петра наблюдала за ихъ дѣтьми. Говорятъ находчивость Екатерины спасла Петра на Прутѣ. Но у Екатерины было еще свойство, драгоцѣнное для Петра: царь страдалъ припадками, какъ полагаютъ отъ яду, даннаго ему въ молодости цар. Софіею, а быть можетъ и отъ образа жизни, и тогда онъ приходилъ въ ужасный гнѣвъ, заставлявшій трепетать самыхъ близкихъ къ нему людей; одна Екатерина умѣла успокоить его. Все это заставило Петра рѣшиться на бракъ съ нею и на торжественную коронацію *(Записки Бассевича въ Рус. Арх. 1865, 116—117)*. Но бракъ Петра съ Екатериною былъ важенъ въ общественномъ отношеніи: она была чужда обычаевъ русскаго терема и потому не могла не содѣйствовать собственнымъ примѣромъ дальнѣйшему развитію женской свободы. Она была любезною хозяйкою и, въ отсутствіе Петра, не разъ являлась распорядительницею придворныхъ торжествъ, въ которыхъ женщины принимали уже постоянное участіе.

Если старое поколѣніе еще недовѣрчиво относилось къ окружающимъ явленіямъ, полагая что возможенъ поворотъ назадъ [1]); если и между женщинами случались такія, что лѣтомъ подъ новымъ платьемъ носили еще старинныя шубки, или, наоборотъ, сверхъ нѣмецкаго платья надѣвали старые наряды и привѣтствовали стариннымъ челобитьемъ до земли, а въ Москвѣ, даже побывавшія за границею, подъ вліяніемъ насмѣшекъ стариковъ, совсѣмъ оставляли новые обычаи

---

[1]) Такъ, въ мартѣ 1700 г., Курбатовъ писалъ Петру, что надобно повторить указы о платьѣ, потому что люди ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ *по прежнему. Соловьевъ, XV, 126.*

(*Записки Вебера о Россіи, въ Рус. Арх. 1872, 1382—84, годъ 1716*); то молодое поколѣніе, въ особенности въ Петербургѣ, гдѣ всѣ распоряженія Петра исполнялись строже, иначе относилось къ новымъ требованіямъ. Петръ В. обусловилъ появленіе женщинъ въ общественныхъ и домашнихъ собраніяхъ новымъ платьемъ; ихъ угощали въ одной комнатѣ съ мужчинами, какъ это дѣлалось въ чужихъ краяхъ; вечеръ заключался музыкой и пляской. Этотъ порядокъ поддерживалъ самъ Петръ, любившій посѣщать всякія празднества, не ограничиваясь одними знатными домами. Пользуясь правомъ свободнаго выхода, русскія дамы скоро примирились съ иностраннымъ платьемъ; такъ какъ онѣ замѣтили, что оно дѣлало ихъ болѣе пріятными и привлекательными: а удовольствія, доставленныя женщинѣ выходомъ въ свѣтъ, стоили того, чтобы пожертвовать стариннымъ платьемъ. Съ другой стороны, разрѣшеніе видѣться съ невѣстою, въ теченіе шести недѣль до брака, весьма понравилось молодымъ людямъ, особенно въ средѣ образованнаго класса. Такъ говоритъ капитанъ Джонъ Перри, бывшій въ Россіи до 1715 года (см. его *Повѣствованіе въ Чтен. Моск. общ. ист. 1871, кн. II, 128—130*). Шведскій пасторъ Генрихъ Седербергъ, пробывшій въ Россіи съ полтавской битвы до 1718 г., замѣчаетъ уже: «Нѣкоторые пишутъ, что русскіе иногда не видятся съ своими невѣстами до свадьбы, почему часто случалось, что, вмѣсто молодой и красивой невѣсты, оказывалась старая и безобразная. Но съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались умнѣе и знають кого берутъ, этого болѣе не случается». Самый пріемъ плети изъ рукъ отца женихомъ еще удерживался какъ обрядъ, но ударъ невѣсты женихомъ замѣнялся уже поцѣлуемъ (*Замѣтки о религіи и нравахъ русскихъ, Чтен. М. общ. ист. 1873, II, 23*).

Само собою понятно, что эти новыя явленія, отмѣченныя иностранцами, не говорятъ еще, что старые порядки совсѣмъ миновали; напротивъ, имъ еще долго прійдется держаться. Кулачная расправа на долго остается правомъ сильнаго. Въ 1721 г. кн. Гр. Ѳед. Долгоруковъ жаловался Петру, что зять его Салтыковъ билъ свою жену мучительски, морилъ ее голодомъ и грозилъ совсѣмъ убить; такъ что она вынуждена была бѣжать къ отцу въ Варшаву. Салтыковъ оправдывался только тѣмъ, что онъ не билъ ее напрасно, а бивалъ собственноручно, за непослушаніе и грубость (*Соловьевъ XVI, 296*). Долгоруковъ былъ сенаторъ, и однако самъ подвергся кулачной потасовкѣ и тасканію за волосы отъ князя Ромодановскаго, на торжественномъ обѣдѣ,

за то, что онъ не хотѣлъ отвѣчать на предложенный послѣднимъ тостъ (*Берхгольцъ II, 348—349*). Женщины не уступали мужчинамъ въ ручной расправѣ Царица Прасковья Ѳеодоровна собственноручно бьетъ дворцоваго стряпчаго и велитъ облить его голову водкою, а потомъ поджечь свѣчею; несчастный сгорѣлъ бы, если бы не освободили его караульные солдаты (*Соловьевъ, XVII, 188*). Анна Ивановна, въ бытность императрицею, собственноручно бивала своихъ фрейлинъ и осчастливила оплеушиною знаменитаго піиту Тредьяковскаго. Но вѣкъ реформы внесъ уже въ русское общество такія идеи, которыя совершенно шли въ разрѣзъ съ старыми понятіями, хотя результаты многихъ изъ нихъ принадлежали отдаленному будущему. Древнее общество смотрѣло на подкидышей, какъ на дѣтей «зазорныхъ», большая часть которыхъ поэтому подвергалась истребленію, но такой взглядъ конечно не содѣйствовалъ улучшенію нравственности въ народѣ. Въ 1715 г. Петръ завелъ по городамъ госпитали для «зазорныхъ» дѣтей; онъ совѣтовалъ устраивать ихъ главнымъ образомъ при церквахъ и позволилъ при этомъ принимать дѣтей тайно чрезъ окна. Для воспитанія ихъ опредѣлялись кормилицы, которыхъ приходилось въ Москвѣ по одной на двухъ младенцевъ (*Соловьевъ, XVI, 276*).

Постоянные разъѣзды Петра, въ слѣдствіе затянувшейся сѣверной войны, мѣшали ему всецѣло отдаться дѣлу реформы, обширность которой, даже въ осуществленныхъ размѣрахъ, указываетъ на полное увлеченіе преобразователя ясно созрѣвшимъ планомъ и твердымъ намѣреніемъ провести его въ жизнь. Быть можетъ, по той же причинѣ, воспитаніе женщинъ было предоставлено болѣе частной инищіативѣ и времени; такъ какъ на первомъ планѣ стояли самыя существенныя потребности, которыя далеко не были удовлетворены. Мы укажемъ однако на одно извѣстіе, показывающее, что Петръ имѣлъ въ виду необходимость женскаго образованія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Веберъ подъ 1716 годомъ замѣчаетъ: «Пять лѣтъ назадъ было предположеніе, чтобы самыхъ молоденькихъ и красивыхъ русскихъ дѣвицъ, по примѣру ихъ братьевъ и на счетъ ихъ родителей, посылать на житье къ кому нибудь въ Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и др. города, для обученія иноземнымъ нравамъ и языкамъ, а равно и работамъ, необходимымъ для дѣвицъ; но родители возражали, что эти юныя дѣти не устоятъ передъ иноземною галантностью, и честь ихъ можетъ подвергнуться опасности, и тѣмъ отклонили исполненіе этого предположенія»

(*стр. 1382*). Если назначеніе даже сыновей за границу вызвало въ средѣ бояръ заговоръ на жизнь Петра, а нѣкоторые изъ отправленныхъ за границу рѣшились укрыться отъ иноземныхъ соблазновъ на отдаленномъ Аѳонѣ, то понятно, что подобный планъ относительно женщинъ былъ уже вполнѣ неисполнимъ и даже соединялся съ громаднымъ рискомъ.

Но любознательность и общительность въ женщинѣ уже были возбуждены. Тотъ же Веберъ разсказываетъ, что однажды, при посѣщеніи Чудова монастыря, онъ, какъ иностранецъ, знакомый московскому обществу, былъ окруженъ въ церкви женщинами, пришедшими посмотрѣть одну церковную церемонію. «Любопытство нѣкоторыхъ женщинъ, говоритъ онъ, простиралось до того, что онѣ дергали меня за рукава, предлагали различные вопросы и заводили разговоры о томъ: откуда я? что я дѣлаю въ Москвѣ? Нѣкоторыя спрашивали меня даже —крещеный ли я?... Разговоры эти повели къ тому, что и послѣ богослуженія онѣ, съ большими любезностями, задержали меня цѣлый часъ, *разспрашивали о разныхъ предметахъ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ особенности о положеніи дѣвицъ, въ такомъ ли онѣ гнетѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи?* На все это я далъ имъ удовлетворительные отвѣты, *и онѣ были такъ довольны, что на прощаньи вовсе не тихо проговаривали: какъ бы желали онѣ выйти замужъ въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ...* Я видѣлъ много женщинъ поразительной красоты, но онѣ не совсѣмъ еще отвыкли отъ своихъ старыхъ манеръ, *потому что, въ отсутствіе двора, за этимъ нѣтъ строгаго наблюденія...* Въ Петербургѣ же, напротивъ того, по строгому приказу, иностранные обычаи удерживаются. Дѣвицы охотницы поразсказать многое о старыхъ временахъ и обычаяхъ, и между прочимъ о томъ, что прежде придворныя женщины ѣздили верхомъ, въ качествѣ амазонокъ, у кареты царицъ [1]). Тѣ изъ нихъ, которыя ѣздятъ ко двору, одѣваются по иноземному образцу, очень хорошо, но въ обращеніи съ посторонними или иностранцами еще до сихъ поръ дики и своенравны, что одному

---

[1]) Коллинсъ, бывшій въ Россіи 1659—67 гг., замѣчаетъ: «Недавно вывелось между женщинами обыкновеніе ѣздить верхомъ въ бѣлыхъ шляпахъ съ шелковою повязкою на шеѣ и садиться на лошадь по-мужски». *Чтен. Моск. общ. ист., годъ 1-й, кн. I, 20.*

нѣмецкому кавалеру пришлось узнать собственнымъ опытомъ. Когда, бывши въ Кроншлотѣ, онъ пожелалъ было поцѣловать у одной дѣвицы руку, то былъ награжденъ за это полновѣсною оплеухою«.

Иначе говорятъ современники о подроставшемъ поколѣніи. Въ богатыхъ домахъ въ то время появились уже иностранныя наставницы. Понятно, что при господствовавшемъ въ то время французскомъ вліяніи въ Европѣ, проникшемъ даже въ милитарную Пруссію, и у насъ предпочтеніе было оказано французскимъ гувернанткамъ. Даже нѣмецкіе свидѣтели тогдашнихъ русскихъ порядковъ, воспитаніе измѣряли степенью французскаго вліянія. Такъ, въ семействѣ Трубецкихъ, Черкасскаго и др. тогдашнихъ аристократическихъ домахъ Россіи, дѣти находились подъ надзоромъ француженокъ, хотя Петръ В., какъ извѣстно, былъ врагъ французской напыщенности и внѣшняго блеска. И Берхгольцъ, говоря о девятилѣтней дочери кн. Черкасскаго, прибавляетъ: »Она для своихъ лѣтъ такъ мила и пріятна, что можно подумать, что она наилучшимъ образомъ воспитана во Франціи. *Но она здѣсь не единственный ребенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся.* Вообще надобно отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей. Вотъ почему и смотришь съ удивленіемъ на большія перемѣны, совершившіяся въ Россіи въ столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, такъ измѣнилась къ лучшему, что *теперь мало уступаетъ* нѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, а иногда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже имѣетъ передъ ними преимущество« *(Дневникъ Берхгольца. I, 102—103).*

Къ концу шведской войны, Петръ В. сталъ долѣе жить въ Петербургѣ и больше принимать участія въ тамошнихъ развлеченіяхъ. Въ концѣ 1718 года онъ издалъ извѣстный уставъ ассамблей, въ слѣдствіе котораго домашнія собранія для обоихъ половъ стали обязательными и раздѣленіе ихъ на всегда было уничтожено. Эти собранія объявлялись »вольными«, не для одной только »забавы«, »но и для дѣла«, такъ какъ тутъ, по словамъ устава, »можно другъ друга видѣть, о всякой нуждѣ переговорить, а также слышать, что гдѣ дѣлается«. Ассамблеи назначались заблаговременно въ извѣстномъ домѣ, и тогда всякій, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, могъ прійдти туда. Онѣ продолжались отъ 4—10 час. Хозяинъ не обязанъ былъ встрѣчать гостей; онъ могъ даже не быть дома; но обязанъ былъ приготовить нѣсколько

комнатъ, столы, свѣчи, питье, для утоленія жажды, и игры на столахъ. Всякій могъ пробыть сколько ему угодно и дѣлать что угодно: сидѣть, ходить или играть, а церемоніи вставанья и провожанья воспрещались подъ штрафомъ большаго орла; но, при входѣ и выходѣ, гость обязанъ былъ откланяться. Посѣщать ассамблеи могли всѣ, начиная съ высшихъ »до начальныхъ мастеровыхъ и приказныхъ людей«. Прислуга помѣщалась въ сѣняхъ и другихъ, назначенныхъ для нея, мѣстахъ. Кромѣ того бывали собранія, балы и банкеты въ австеріяхъ или нарочно опредѣленныхъ мѣстахъ *(Библ. зап. 1859, 270—272)*. Въ особомъ дополненіи къ уставу былъ назначенъ порядокъ первыхъ ассамблей, причемъ, въ числѣ другихъ лицъ, названъ и Петръ Вел., подъ именемъ вице-адм. Петра Михайлова.

Въ этихъ собраніяхъ, если позволяло помѣщеніе, общество распредѣлялось такъ, что игры велись въ одной комнатѣ (мужчины упражнялись въ шахматы—любимая игра Петра В; женщины играли въ фанты); бесѣда шла въ другой, а танцовали въ третьей; но часто случалось, что, по недостатку помѣщенія, посѣтители должны были смѣшиваться; тогда дамы подвергались необходимости сидѣть въ табачномъ дымѣ. На первыхъ порахъ дамы чувствовали себя неловко въ асамблеяхъ, и потому любили удаляться отъ мужчинъ, а когда не танцовали, то сидѣли вдоль стѣнъ какъ нѣмыя, смотря другъ на друга, что очень не нравилось бывалымъ иностранцамъ. Притомъ, хотя воспрещалось поить болѣе, чѣмъ кто хочетъ, радушный хозяинъ любилъ иногда угостить до-пьяна, въ особенности если приходилось кому выпить большаго орла; а нѣкоторыхъ даже привлекало это въ ассамблеи (*Берхгольцъ, II, 102, Веберъ, 1423*). На домашнихъ обѣдахъ, даже въ высшемъ кругу, иногда напивались и дамы (*Берхгольцъ, III, 16*).

Въ то же время Петръ озаботился доставить русскому обществу другое удовольствіе—театръ, такъ какъ придворный былъ очень дорогъ и посѣщался немногими. Въ постановкѣ домашнихъ спектаклей, то у герцогини мекленбургской, то у сестры царя—Наталіи (ум. 1716), нерѣдко участвовали знатныя дамы и дѣвицы, хотя имъ приходилось играть съ актерами, наказанными наканунѣ батогами, а на сценѣ исполнявшими роли королей и принцевъ (*ib., II, 317*). Украшеніе репертуара составляли пьесы Мольера (*ib. IV, 9*). Остальныя удовольствія, общественныя и домашнія, какъ то: маскарадъ, катанье по Невѣ, празднованіе спуска корабля или воспоминанія побѣдъ—также не обходились

безъ участія дамъ. Напротивъ, онѣ платили штрафы, если не являлись по сигналу. Однажды, приглашенныя дамы вовсе не явились къ спуску корабля; тогда ихъ заставили прійдти на него на другой день, причемъ капитанъ корабля, Шереметевъ, порядкомъ угостилъ ихъ виномъ (*IV*, *74*) [1].

Но реформа Петра Вел. важна была по тѣмъ идеямъ, которыя она внесла въ складъ общественныхъ понятій; а въ этомъ отношеніи реформа въ жизни женщины далеко не осталась безъ существенныхъ послѣдствій. Ея вліяніе съ особенною наглядностью видно на завѣщаніи Посошкова сыну, въ которомъ онъ даетъ послѣднему подробныя наставленія по важнѣйшимъ вопросамъ жизни и въ томъ числѣ относительно брака. »Не дѣлай такого безумнаго дѣла, говоритъ онъ, чтобы тебѣ смотрѣть двухъ или трехъ невѣстъ въ одно время; потому что дѣвица такой же человѣкъ, какъ и ты, а не лошадь, которую ты можешь тѣмъ лучше выбрать, чѣмъ больше ихъ будетъ... Въ сватаніи своемъ не спѣши, но прежде испытай, а потомъ сватайся. Если невѣста тебѣ понравится, тогда покажи ей себя и потомъ узнай — понравился ли ты ей, и когда узнаешь подлинно, что понравился, тогда начинай вести дѣло; хорошо если вы оба сойдетесь по своей волѣ и любви«. О женѣ Посошковъ говоритъ: »Ничего не дѣлай безъ совѣта жены, потому что она дана тебѣ не для порабощенія или услуги, но для помощи. Даже если она малосмысленна, и тогда не пренебрегай ею«. Мнѣнія Посошкова заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что самъ онъ крестьянинъ-самоучка, увлекшійся дѣломъ реформы Петра и съумѣвшій оцѣнить и ея пользу, и образовательное значеніе (*см. Завѣщ. изд. Поповымъ, Моск. 1873, 22, 23, 70*). Историкъ Татищевъ, также питомецъ Петровской реформы, не смотря на несчастную семейную жизнь, окончившуюся разводомъ, писалъ своему сыну: »Имѣй въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ... Однакожъ хранится надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію« (*см. его Завѣщаніе*).

При всѣхъ неизбѣжныхъ оговоркахъ, встрѣчающихся по этому вопросу въ обоихъ произведеніяхъ, между ними и Домостроемъ прежнихъ вѣковъ безъ сомнѣнія лежитъ глубокая пропасть.

---

[1]) О разгульной жизни современныхъ европейскихъ дворовъ и высшаго общества, особенно въ Германіи, и сильной наклонности къ вину, которому предавались даже женщины, хорошо извѣстно изъ исторіи и мемуаровъ XVIII вѣка. Во Франціи преобладала болѣе утонченная распущенность.

Реформа Петра В. произвела раздѣленіе и на женской половинѣ дворца.

Въ семьѣ царя Ивана Алексѣевича удержались старинные обычаи и даже одежда; семья Петра Великаго жила на новый ладъ. Мы видѣли, какъ рѣзко отзывался Петръ о дворѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны—этомъ госпиталѣ на дураковъ и юродовъ. По словамъ же Бассевича, это была единственная особа, которой императоръ дозволилъ сохранить старинное платье (*Записки Бассевича, 237*). Правда, и она для своихъ дочерей (Анны, будущей императрицы, Екатерины мекленбургской и Прасковьи, состоявшей въ тайномъ бракѣ съ Ив. Ил. Дмитріевымъ-Мамоновымъ) нанимала иностранныхъ учителей (нѣмца Остермана, брата вице-канцлера, и франц. Рамбурха); но эти уроки въ прокъ не пошли; такъ что и Анна Ивановна, не смотря на свое продолжительное пребываніе въ Курляндіи, и герцогиня мекленбургская, не смотря на свое пребываніе въ Германіи, никогда не могли говорить понѣмецки и только понимали этотъ языкъ (см. *Имп. Анна Ивановна, Русск. Стар. 1873 г. мартъ, 336*; *Письма леди Рондо, Спб. 1874, 51*). Въ царствованіе Петра В., дочери Прасковьи вмѣстѣ съ нею жили, какъ затворницы, въ селѣ Измайловѣ, подъ Москвою, и только при Екатеринѣ I совсѣмъ переселились въ Петербургъ (*Арсеньевъ, Цар. Петра II, 23—24*). Мы видѣли, какія грубыя привычки сохранила царица Прасковья въ отношеніи къ окружающимъ; этотъ нравъ перешелъ и къ дочерямъ ея. Дочь свою Анну, по словамъ Щербатова, она даже прокляла. Сама Анна Ивановна осталась вѣрна тѣмъ же привычкамъ, какъ это видно изъ ея собственноручныхъ расправъ и грубыхъ удовольствій, каковы—постоянное общество шутовъ, ледяной домъ и т. п. »Грубый ея обычай, говоритъ Щербатовъ, не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, когда многія строгости были оказуемы«. (*О поврежд. нравовъ, Лондонъ, 47*). Выйдя изъ подъ надзора матери, эти принцессы отличались крайне фривольнымъ обращеніемъ съ мужчинами, по замѣчанію герц. Лирійскаго (*Запис. въ Рус. Стар. 1873, іюль, 39*). Не смотря на новую обстановку въ Курляндіи и введеніе роскоши при дворѣ въ Петербургѣ Анною Ивановною, сама она сохранила наклонность къ стариннымъ обычаямъ: такъ, она обыкновенно любила покрывать свою голову платкомъ, какъ это удержалось до сихъ поръ въ простомъ классѣ, и съ удовольствіемъ слушала русскія пѣсни, сопровождаемыя хороводомъ.

Семья Петра Великаго жила съ самаго начала иною жизнію. Дочери Екатерины (Анна и Елисавета) были ввѣрены любимой сестрѣ Петра—Наталія, женщинѣ умной и вполнѣ сочувствовавшей брату; за тѣмъ у нихъ является гувернантка, француженка Ла-Ви, и учитель нѣмецкаго языка Глюкъ. Въ 1722 г. къ цесаревнамъ была опредѣлена жена одного француза Латуръ-де-Лануа [1]). По словамъ Бассевича, Анна Петровна была хорошо воспитана и прекрасно говорила понѣмецки, пофранцузски, поитальянски и пошведски (*254*). Сохранились ея нѣмецкія письма, писанныя къ отцу во время его отсутствія. Анна Петровна предполагалась къ замужству за герц. голштинскаго (какъ и случилось), и потому въ ея обученіи было обращено преимущественное вниманіе на нѣмецкій яз.; Елисавета Петровна имѣлась въ виду для брака съ Людовикомъ XV (что не состоялось), а потому въ ея обученіи главнымъ образомъ заботились о франц. языкѣ. По общему отзыву иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, она отличалась замѣчательною красотою, любезностью и умомъ. Кромѣ того, обѣ цесаревны были тщательно обучены танцамъ у француза, о чемъ встрѣчаются весьма лестные отзывы въ дневникѣ Берхгольца. Заботливость объ этомъ видна также изъ писемъ Екатерины I. (*См. біогр. цесар. Анны Петровны въ I т. Памят. нов. рус. ист. и біогр. Елисаветы въ Энцикл. лексик., изд. учен. и литер. отд. II, т. I*). Безъ сомнѣнія, къ этимъ главнымъ требованіямъ тогдашняго свѣтскаго воспитанія (языкамъ и танцамъ) присоединялись необходимыя свѣдѣнія по нѣкоторымъ наукамъ [2]). Но внукамъ Петра В., вел. кн. Петру (II) и его сестрѣ Наталіи, предполагалось дать одинаковое образованіе.

Понятно, что новыя явленія въ жизни русской женщины не могли не отразиться на жизни общества и главнымъ образомъ на семейномъ бытѣ.

---

[1]) Впрочемъ, по отзыву франц. резидента Кампредона, де-Лануа и его супруга были пустые и легкомысленные люди. Наставница Елисаветы Петровны явилась было снова въ Петербургѣ въ ея царствованіе, но была выпровожена, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ Екатерина II.

[2]) Потомъ Елисавета Петровна предалась вполнѣ удовольствіямъ и личнымъ прихотямъ, а сдѣлавшись императрицею, стала покровительствовать ханжамъ и святошамъ и любила слушать разсказы рыночныхъ бабъ (*Сборн. Рус. ист. общ. I, Письма Екатерины II къ Жоффренъ, 282*; *Воспомин. Снегирева, Рус. Арх. 1866, 518)*. Въ своей умственной безпечности она не знала, что Великобританія островъ.

Но эти явленія, какъ оппозиція прежнему порядку вещей, часто должны были имѣть характеръ отрицательный. Тотъ же Татищевъ объ этихъ явленіяхъ замѣчаетъ: «Однакожъ хранится надлежитъ, чтобы у жены не быть подъ властью: сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. *Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ*, а особливо высокопарныя, а лучше сказать глупыя жены, безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностью, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами, всегда такія пустольги и негодницы, больше всѣхъ въ томъ обращаются, и, думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ какъ попугаи, что имъ на мысль придетъ, а больше онѣ подобны соннымъ и въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ, послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастье мужу своему наносятъ, что онъ невинно, получа себѣ отъ женниной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастье терпѣть». (*Завѣщаніе сыну*).

У Татищева опредѣленіе недостатковъ не выходитъ еще за предѣлы чисто-семейныхъ отношеній. Другой историкъ XVIII вѣка, также хорошо знавшій ближайшее къ Петровской реформѣ поколѣніе, идетъ гораздо глубже и старается уже объяснить болѣе обширный кругъ явленій. Мы говоримъ о кн. М. М. Щербатовѣ, извѣстномъ своею исторіей, политическими и экономическими разсужденіями и весьма характерными политическими мемуарами: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (*изд. въ Лондонѣ и въ Рус. Стар. 1870—71 г. съ пропусками*).

«Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, говоритъ онъ, я не могу не удивляться, въ коль краткое время повредились повсюду нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что, если вступя позже другихъ народовъ на путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же съ гораздо вящшей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ...» Далѣе Щербатовъ представляетъ рядъ явленій, указывающихъ на ихъ паденіе: «Нѣтъ ни почтенія дѣтей къ родителямъ, которыя не стыдятся открыто ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ

стараго вѣка поступки. Нѣтъ ни любви родителей къ дѣтямъ, которые, какъ будто слагая иго съ плечъ, *съ радостью отдаютъ воспитывать чужимъ дѣтей своихъ*, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности *продавцами* чести своихъ дочерей. Нѣтъ искренней любви *между супругами*, которые, часто другъ другу холодно терпя взаимныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что—разрушаютъ бракъ и не только не стыдятся, но даже хвалятся симъ поступкомъ [1]). *Нѣтъ родственныхъ связей*, ибо имя родовъ своихъ за ничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нѣтъ *дружбы*, ибо каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своей. Нѣтъ *вѣрности государю*, ибо главное стремленіе почти всѣхъ—обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣтъ *любви къ отечеству*, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; наконецъ нѣтъ *твердости духа*, дабы не только истину предъ монархомъ сказать; но даже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи воспротивиться« *(стр. 1—2)*.

---

[1]) При Петрѣ В. начинаютъ входить нѣкоторыя новыя явленія въ брачныя отношенія. По его желанію, синодъ объявилъ въ 1721 г., что браки съ иновѣрцами не только законны, но и похвальны, если они ведутъ къ пользѣ государства. Извѣстно, что жена царевича Алексѣя сохранила даже свою религію. Въ это время распространились морганатическія связи. Дѣти Петра отъ Екатерины (Анна и Елисавета) были потомъ привѣнчаны; этотъ обычай распространился и въ обществѣ, хотя вообще усыновленіе не составляло тогда большихъ затрудненій. Кн. Репнину Петръ разрѣшилъ четвертый, морганатическій бракъ, признавъ право за его дѣтьми. Происхожденіе извѣстнаго Бецкаго такого же свойства (отъ Ив. Трубецкаго), а право дворянства было признано за нимъ еще Петромъ В. *(Щербатовъ, О поврежд. нравовъ, 75)*. Когда Ягужинскій стѣснялся разойтись съ женою, страдавшею ипохондріей, то Петръ В. сказалъ ему: »Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, а дурное супружество прямо противно волѣ божіей, и потому столько же справедливо, сколько и полезно, расторгнуть его«. Онъ позволилъ Ягужинскому развестись, а жену его помѣстить въ монастырь *(Бассевичъ)*. Послѣ Петра В. разводы, двуженство и браки между близкими родными умножились въ сильной степени (*Соч. Щербатова, Записки Болотова; Статсъ-дамы рус. двора Карабанова, въ Рус. Стар. 1870 и 1871 г.*). Приведенное выше постановленіе Анны Ивановны, вызванное многими случаями, не имѣло успѣха; а легкость нравовъ XVIII вѣка сдѣлала свое дѣло.

Въ этихъ явленіяхъ Щербатовъ видитъ признаки, грозящіе государству паденіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старается опредѣлить ихъ причины. Главнѣйшею изъ нихъ онъ считаетъ сластолюбіе или роскошь, совершенно измѣнившую строй стараго быта. Онъ обращается, какъ любили дѣлать всѣ писатели XVIII вѣка, *къ исторіи римской республики*, которая пришла, по его мнѣнію, къ паденію въ слѣдствіе той же общей причины. Юлій Цезарь не боялся Антонія и Долабеллы, какъ ходившихъ въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ, а потому преданныхъ личной пользѣ и удовольствіямъ; но онъ опасался Брута и Кассія, презиравшихъ роскошь и довольствовавшихся малымъ: въ нихъ-то нашла римская вольность вѣрную защиту. Чтобы подтвердить свою мысль относительно Россіи, Щербатовъ представляетъ рельефную картину простоты нравовъ въ древній періодъ, когда даже жизнь государя мало разнилась отъ нравовъ и привычекъ остальнаго общества *(5—16)*.

Отдавая полную справедливость реформаціонной дѣятельности Петра, который ввел науки, художества и болѣе совершенныя формы жизни, съумѣвъ лично остаться въ высшей степени простымъ и презирающимъ роскошь правителемъ, Щербатовъ подробно слѣдитъ, какъ усовершенствованныя формы жизни повліяли на измѣненіе нравовъ общества, и особенно его женской половины; какъ прежняя грубость смѣнилась эгоизмомъ, уваженіе къ родовой чести (!)—лестью передъ высшими, которые, выходя изъ низшихъ слоевъ, вносили во взаимныя отношенія духъ рабской покорности и служенія личнымъ интересамъ.

Съ цар. Елисаветы разводы, по словамъ Щербатова, умножились, а при Екатеринѣ II въ однѣхъ столицахъ ихъ можно было считать сотнями *(О поврежд. нравовъ)*. Женщины высшаго круга при Аннѣ Ивановнѣ считали главными условіями брака »положеніе и титулъ, пренебрегая остальнымъ«. Мужья же легко сносили свою печальную роль, если все обстояло прилично *(Письма леди Рондо, Спб. 1874, стр. 41 и 130)*. Побывавшіе во Франціи старались привить къ русскому обществу тамошнюю легкость нравовъ. Леди Рондо разсказываетъ, что одинъ знатный молодой человѣкъ, вернувшись изъ Франціи, позволилъ себѣ въ обществѣ хорошенькихъ дамъ вольность обращенія, оправдываясь парижскою модою, а потомъ распустилъ слухъ о своихъ успѣхахъ. Тогда обиженныя вмѣстѣ съ своими мужьями устроили заговоръ и обличивъ его во лжи, рѣшились наказать на мѣстѣ преступленія. По словамъ однихъ онъ былъ высѣченъ служанками, а по другимъ — самими оскорбленными *(42—43)*.

Роскошь всецѣло овладѣла обществомъ и удовлетвореніе ей стало общимъ стремленіемъ молодаго поколѣнія, старавшагося угождать женщинамъ, которыя, почувствовавъ теперь свое вліяніе, со всею силою устремились въ омутъ житейской суеты. »Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ правахъ не знаемая (?), начала чувствительными сердцами овладѣвать и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніяхъ. *О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!* Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была только одна уборщица для волосовъ женскихъ, и, ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трое сутокъ нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы уборъ не испортить«. Петръ Вел. только къ коронаціи Екатерины сшилъ себѣ гродетуровый кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ и имѣлъ еще другой—съ золотымъ, для торжественныхъ случаевъ; но прочіе перестали уже довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, а стали шить платья съ галунами и др. украшеніями. Парчи и галуны появляются какъ у мужей, такъ и у женъ. Вошли въ употребленіе кареты и цуги; прислуга стала носить разноцвѣтныя ливреи [1]). Скромныя ассамблеи, на которыхъ было положено, что подавать, смѣнились роскошными балами и открытыми столами: появились эрмитажъ и венгерское вино. Кн. Ив. Вас. Одоевскій промоталъ всѣ свои имѣнія и жилъ только труппою музыкантовъ изъ домашнихъ слугъ; фельдм. Бор. Петр. Шереметевъ до того проживался, что бралъ жалованье впередъ и умеръ въ долгахъ.

Женскій полъ обыкновенно болѣе склоненъ къ роскоши нежели мужескій, замѣчаетъ Щербатовъ, и потому онъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что послѣ Петра В. въ Россіи царствовалъ рядъ женщинъ. Уже Екатерина I имѣла свой дворъ, съ претензіею на роскошь; между тѣмъ Петръ В. не носилъ даже манжетъ и ѣздилъ всегда въ одноколкѣ, а въ дорогѣ въ качалкѣ. Желая отличаться передъ про-

---

[1]) При Петрѣ В. было сдѣлано распоряженіе, запрещавшее носить на ливреяхъ позументы.

чями женщинами, Екатерина запретила убирать имъ обѣ стороны головы алмазами и носить горностаевые мѣха съ хвостиками, тогда какъ въ нѣмецкихъ земляхъ и мѣщанки ихъ носятъ. Ставъ государыней, она ввѣрила правленіе вельможамъ, а сама вполнѣ предалась пирамъ и удовольствіямъ. »Она была слаба и роскошна во всемъ пространствѣ сего названія«. Время Петра II дало полный просторъ господству фаворитовъ, которые отвлекали вниманіе малолѣтняго государя отъ занятій постоянною охотою и другими развлеченіями. »Пьянство, роскошь и насиліе мѣсто прежняго порядка заступили«. Молодой фаворитъ государя былъ вполнѣ преданъ страстямъ. Онъ отбилъ жену у ген. майора кн. Трубецкаго (потомъ фельдмаршала), урожденную Головкину, бивалъ нерѣдко ся мужа и однажды хотѣлъ выбросить его въ окно; ни одна женщина, пріѣзжавшая въ домъ его матери съ визитомъ, не была застрахована отъ наглости этого юноши. Въ бытность двора въ Москвѣ, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, онъ любилъ носиться по улицамъ въ сопровожденіи драгунъ, а по ночамъ нерѣдко вторгался въ частные дома— »гость досадный и страшный«. (*Записка Ѳеофана въ прилож. къ Запис. герц. Лир.*, *изд. Языковымъ, 154*). Его примѣру слѣдовали и его молодые друзья. То было время, когда, по словамъ Щербатова, »честь женская не менѣе была въ безопасности въ Россіи, какъ во взятомъ турками градѣ« (*О поврежд. нрав. 40*). Необходимость развлеченій для императора еще болѣе содѣйствовала развитію роскоши при дворѣ и въ высшемъ классѣ; а при Аннѣ Ивановнѣ она утвердилась вполнѣ. Теперь золото и серебро заблистало на всѣхъ придворныхъ; придворные чины были умножены; для удовлетворенія страсти Бирона къ лошадямъ была учреждена конюшенная канцелярія и заведены блестящіе придворные экипажи. Балы, торжества и маскарады стали обычными явленіями при дворѣ. Роскошь такъ усилилась, что сама императрица вынуждена была запретить ношеніе золота и серебрянаго шитья. Но все было уже напрасно. Вновь появились не извѣстныя до тѣхъ поръ вина: шампанское, бургонское и капское; вошли въ употребленіе: красная мебель, штофные обои, множество стѣнныхъ зеркалъ, золотыя кареты, выбитыя бархатомъ и золотою бахромою, съ точеными стеклами, позолоченныя шоры съ золотыми и серебряными кистями. Роскошь заставляла вельможъ проживаться и ставила ихъ въ зависимость отъ милости двора; правленіе женщинъ было временемъ господства фаворитовъ (*41—54*).

Факты, сообщаемые Щербатовымъ, вполнѣ подтверждаются современниками, которые не менѣе строго относились ко многимъ подобнымъ явленіямъ, обнаружившимся въ слѣдъ за смертію Петра. Въ этомъ смыслѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ отзывы иностранныхъ резидентовъ, какъ имѣвшихъ самое близкое отношеніе къ высшему обществу и знакомыхъ съ явленіями другихъ обществъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Петра В., Лефортъ писалъ уже своему (саксонскому) двору: »Вездѣ недовольны правленіемъ, которое заботится только о своихъ удовольствіяхъ. Дворецъ дѣлается недоступнымъ, полнымъ интригъ, заговоровъ и распущенности. Если это продолжится, какъ можно надѣяться на счастливый исходъ?« Подобныя замѣчанія проходятъ въ его донесеніяхъ чрезъ все царствованіе Екатерины I и Петра II. »При дворѣ ведутъ тотъ же образъ жизни, продолжаетъ онъ; изъ дня дѣлаютъ ночь и веселятся на всѣ руки. Дѣлами совершенно не занимаются. Роскошь, нѣга и безпечность взяли верхъ. Вся дѣятельность направлена только на опустошеніе казны, да и это приходитъ къ концу; никому не платятъ жалованья«. При Петрѣ В. на дворъ расходовалось до 100,000 р.; но когда въ началѣ царствованія Петра II Меньшиковъ свелъ счеты за прошлый годъ, то оказалось, что было истрачено 700,000 р. Въ томъ же родѣ извѣстія Лефорта и относительно времени Петра II (См. *въ Сборн. Рус. истор. общ. III, 414,439—442, 455, 463 482; V, 315—316*). При Аннѣ Ивановнѣ одно конюшенное вѣдомство обходилось въ 300,000 р. Герцогъ Лирійскій говоритъ, что празднества и увеселенія двора при Аннѣ Ивановнѣ были такъ великолѣпны, что превосходили все видѣнное имъ при другихъ дворахъ (*см. въ 18 Вѣкѣ Бартенева, т. III, 71*).

Малолѣтство Петра II дало полный просторъ борьбѣ партій и лицамъ, окружавшимъ его. Съ одной стороны, Меньшиковъ и Долгоруковы строили самые честолюбивые планы на женитьбѣ царя на ихъ дочеряхъ, не смотря ни на старшинство послѣднихъ относительно будущаго супруга, ни на существовавшее расположеніе самихъ невѣстъ къ другимъ лицамъ, которое такъ печально кончилось для Долгоруковой и на которомъ однако, по смерти государя, родственники ея задумали даже построить права ея на престолъ, не пощадивъ имени императора (*Лефортъ*). Съ другой стороны, чтобы поддержать свое вліяніе на государя, Долгоруковы старались доставить ему такія удовольствія, которыя вовсе не шли къ его лѣтамъ и которыя не замедлили отразиться на его организмѣ.

Въ четырнадцатилѣтнемъ юношѣ онѣ возбуждали страсть и ревность къ теткѣ его Елисаветѣ Петровнѣ, отличавшейся громаднымъ кокетствомъ (*Лирія и Лефортъ*). Время, свободное отъ удовольствій, уходило на охоту, въ слѣдствіе чего заботы о борзыхъ и гончихъ стали такою важною статьею при дворѣ, что о ней должны были заботиться иностранные резиденты.

Подобный образъ жизни, сопровождавшійся частыми отлучками молодаго императора, который притомъ не могъ имѣть серьезнаго личнаго вліянія на окружавшую его среду, давалъ полный просторъ этой послѣдней. Иностранные послы съ полною откровенностью доносили своимъ дворамъ объ отношеніяхъ и образѣ жизни невѣсты государя, цесаревны Елисаветы, Екатерины Ив. мекленбургской и Прасковьи Ивановны, именно въ этомъ смыслѣ (см. *донесенія Лефорта* и *Лирія*, *и Зап. послѣдняго въ Рус Стар. 1873 г.*). Тотъ же легкій тонъ въ отношеніяхъ сталъ господствующимъ и вообще въ высшей сферѣ. »О Петербургѣ здѣсь совершенно забыли и мало-по-малу начинаютъ забывать и о всемъ хорошемъ, что сдѣлалъ великій Петръ; каждый думаетъ о своемъ собственномъ интерессѣ. Посему этотъ дворъ теперь настоящій Вавилонъ«, писалъ герц. Лирійскій (*18 Вѣкъ, II, 163*).

Такимъ образомъ, какъ историкъ, Щербатовъ бралъ факты и явленія прямо изъ жизни; но его ошибка состоитъ въ неправильности основной точки зрѣнія. Приступая къ изображенію современнаго состоянія общества, онъ полагалъ въ основаніе послѣдней взглядъ, »какой можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить въ коль *краткое время повредилися повсюду нравы въ Россіи«* (стр. 1). Но возможно ли измѣрять честь и личныя достоинства духомъ мѣстнической гордости, какъ это онъ дѣлаетъ, или видѣть паденіе нравовъ въ освобожденіи женщины изъ терема? Такъ могъ пожалуй смотрѣть на окружающія явленія человѣкъ, гордый своимъ происхожденіемъ, послѣ неудачъ на общественномъ поприщѣ, у котораго притомъ страсти уже въ ослабленіе пришли; а не историкъ, чуждый предвзятыхъ идей. Мы видѣли, какъ постепенно разлагался теремъ въ XVII вѣкѣ; факты, совершавшіеся прежде за неприступною стѣною, стали выходить наружу. Подобные факты не могли укрыться теперь отъ глазъ посторонняго; притомъ болѣе свободная, открытая жизнь, не выработавшая еще проч-

ныхъ гарантій, дала только исходъ существовавшимъ на поверхности общества явленіямъ. Прежняя условная сдержанность должна была отразиться теперь противоположными реактивными явленіями: таковъ законъ исторіи. Но ошибочность воззрѣнія Щербатова лежитъ еще глубже: онъ видитъ *всеобщее* паденіе нравовъ въ *самое короткое* время, т. е. съ реформы Петра. Такимъ образ. онъ не поставилъ реформы Петра въ прямую связь съ предъидущею эпохою, въ которой уже были явленія, ясно говорящія о близости реформы, о настоятельной необходимости ея; нѣкоторыя изъ нихъ указаны нами въ предъидущемъ изложеніи. Но противъ такого рѣшительнаго приговора реформы Петра, сдѣланнаго Щербатовымъ, говорятъ его другія сочиненія, въ которыхъ онъ старался оправдать личную дѣятельность Петра *(Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.)* и необходимость самой реформы *(»Примѣрное время исчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ могла Россія сама собою безъ самовластія Петра В. дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы« Чтен. Моск. общ. ист. 1860, I, 5—28)*, безъ которой, по его разсчету, Россія вступила бы въ то состояніе, въ какое привела ее реформа, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, лишь въ 1892 году! т. е. позже чѣмъ даже живемъ мы.

Послѣ такого приговора излишне распространяться о ложности основной точки зрѣнія Щербатова на разсматриваемый нами вопросъ. Скажемъ болѣе: реформа Петра В., напротивъ, внесла въ жизнь русскаго общества и въ частности въ бытъ русской женщины, такіе элементы, которые придали ея личности болѣе достойныя черты, нежели какія могъ сообщить ей теремъ. Чтобы подтвердить нашу мысль мы остановимся на біографіяхъ двухъ женщинъ, непосредственно вышедшихъ изъ новой среды, которыя, среди явленій, представленныхъ нами выше, съумѣли развить въ себѣ въ высшей степени привлекательные характеры. Мы говоримъ—о вел. кн. Наталіи Алексѣевнѣ, родной сестрѣ Петра II, и кн. Нат. Бор. Долгоруковой, злополучной женѣ его любимца, кн. Ив. Алекс. Долгорукова, съ личностью котораго мы отчасти познакомились выше.

ГЛАВА IV.

Біографическія очерки: вел. кн. Наталія Алексѣевна (сестра импер. Петра II) и княгиня Наталія Борисовна Долгорукова.

Вел. княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ суждено было бы играть такую же роль въ дѣятельности Петра II, какъ царевнѣ Наталіи въ дѣятельности Петра Вел., но, къ сожалѣнію, внукъ не походилъ на своего дѣда—и она осталась лишь добрымъ геніемъ, быстро промелькнувшимъ въ исторіи этого кратковременнаго царствованія, котораго ей не суждено было даже пережить [1]).

Рано пришлось остаться Наталіи Алексѣевнѣ и брату ея Петру сиротами; такъ какъ мать ихъ (принц. Брауншвейгъ-Вольфенбютельская) умерла вскорѣ послѣ рожденія сына (22 окт. 1715 г.) а отецъ ихъ, злополучный царевичъ Алексѣй, спустя годъ бѣжалъ за границу, въ слѣдствіе чего подвергся извѣстному процессу, который свелъ его въ могилу (26 іюня 1718 г.). Вел. кн. Наталія всего годомъ и тремя мѣсяцами была старше брата (она род. 1714 г. 12 іюля, а онъ въ 1715, 12 окт.). Въ началѣ имъ было дано одинаковое воспитаніе съ дочерьми Петра Вел.; но у внука послѣдняго были и свои учители—Мавринъ и Зееманъ, о которыхъ съ большою похвалою отзывается исторіографъ Миллеръ, собиравшій свѣдѣнія по этому вопросу; но оба учителя пострадали отъ Меньшикова по смерти Екатерины I, въ слѣдствіе открытаго еще при ней плана о возведеніи послѣ нея на престолъ Петра II, съ устраненіемъ проэкта Меньшикова о женитьбѣ молодаго государя на его дочери. Сначала, при Петрѣ В., и внукъ его, и вел. кн. Наталія, вѣроятно по причинѣ малолѣтства, рѣдко показывались въ обществѣ; но къ концу царствованія отношенія Петра къ внуку значительно измѣнились, такъ что въ обществѣ толковали о намѣреніи Петра передать престолъ царевичу (*Лефортъ, въ донесен. напеч. въ Сборн. Рус. истор. общ. III, 368, 375*). Его стали обучать даже латинскому языку (*Сборн. рус. ист. общ. II, 322*). Но внезапная смерть Петра В. измѣнила всякіе планы; а участники въ смерти царевича Алексѣя боялись возведенія на престолъ его сына. При Екатеринѣ I, пока не созрѣла

---

[1]) Во время печатанія настоящей главы вышло сочиненіе Мордовцева: »Русскія женщины первой половины XVIII в.«, въ которое біографія Наталіи Алексѣевны не вошла, хотя въ немъ есть біографіи менѣе замѣчательныхъ лицъ, притомъ иногда вовсе неважныхъ въ историко-біографическомъ отношеніи.

у Меньшикова мысль о возможности брака его дочери съ вел. княземъ, послѣдній съ своею сестрою не пользовались особеннымъ вниманіемъ, какъ видно изъ того, что даже герц. голштинскій занималъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ высшее мѣсто передъ внукомъ государыни (*Лефортъ, III, 404, 407*). Меньшикову удалось однако осилить голштинскую партію, и тогда у него на первый планъ выступили два проэкта— бракъ старшей дочери съ вел. княземъ, не смотря на разность лѣтъ (она род. въ 1711 г.), и женитьба сына на вел. кн. Наталіи; но послѣдняя съумѣла дать понять всю несообразность этихъ видовъ на нее (*Лефортъ*). Склонившись въ пользу передачи престола послѣ своей смерти Петру, Екатерина также приложила стараніе о воспитаніи вел. князя и его сестры. Къ послѣдней были назначены камеръ-фрейлинами двѣ иностранки, служившія при дворѣ Екатерины I (Крамеръ и Каро), поплатившіяся, за свои придворныя интриги и спекуляціи, по смерти вел. княжны, удаленіемъ изъ Россіи (*Лефортъ, V, 328—329*). Петръ II былъ ввѣренъ надзору вице-канцлера Остермана, помощникомъ котораго былъ назначенъ академикъ Гольдбахъ. (*Лефортъ, III, 466, 482*). Въ обществѣ радовались назначенію Петра наслѣдникомъ престола; а современники говорятъ о большихъ способностяхъ его (*ib. 375, 466*); но послѣднія не были приложены какъ слѣдуетъ къ дѣлу. Смерть Екатерины дала полный просторъ борьбѣ партій, и Меньшиковъ даже серьезнѣе относился къ занятіямъ вел. кн., но вскорѣ партія Долгоруковыхъ восторжествовала и пошла по слѣдамъ Меньшикова въ утвержденіи своего фавора при дворѣ, а чтобы вполнѣ обезпечить свое вліяніе на императора, она старалась доставлять ему постоянныя развлеченія, хотя въ такихъ лѣтахъ самый организмъ его не могъ еще выносить всей массы новыхъ ощущеній. Охота и полный разгулъ—вотъ средства, которыми они думали привязать къ себѣ молодаго государя. Напоминанія Остермана и даже верх. совѣта о необходимости заняться науками и дѣлами—остались тщетными. Въ иныхъ чертахъ рисуется предъ нами образъ сестры императора.

Вотъ отзывъ послѣдняго о ея значеніи для него, высказанный имъ въ одномъ латинскомъ упражненіи. »Каждый разъ, когда я съ собою разсуждаю, писалъ онъ, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ къ безопасности и благоденствію народа, не могу не принесть неизмѣнной признательности моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благо-

разумными совѣтами, отъ которыхъ я каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда либо забыть столько заслугъ ея ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе будетъ нѣкогда моя имперія, тѣмъ болѣе, признавая плодъ ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора» (*Сборн. рус. ист. общ. II, 322—323*). На первыхъ порахъ братъ дѣйствительно цѣнилъ такое отношеніе къ нему сестры и дважды отсылалъ ей дорогіе подарки, которые подносили ему (разъ 9000 черв., въ другой разъ дорогое блюдо, см. у *Лефорта, III, 492*; *Манштейнъ, I, 49*), и за отобраніе которыхъ Меньшиковымъ онъ даже окончательно рѣшился покончить съ нимъ. Наталія была неотлучною спутницею Петра, а онъ постоянно прибѣгалъ къ ея совѣтамъ (*Лефортъ, 510 и др.*). На чемъ же основывалась такая связь и вмѣстѣ зависимость?

Манштейнъ, по поводу смерти вел. княжны, замѣчаетъ: »Всѣ, знавшіе ее, соглашаются *единогласно* въ томъ, что она подавала о себѣ самую лестную надежду и *обнаруживала умъ, превышающій несравненно четырнадцатилѣтній ея возрастъ* (*Записки, I, 75*). Это подтверждаютъ и другія современныя свидѣтельства—Лефорта, герц. Лирія, акад. Гольдбаха.

Оставшись вмѣстѣ съ братомъ сиротою и будучи старшею, при самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ въ слѣдствіе печальной катастрофы, постигшей отца, она невольно должна была стать покровительницею брата, но безъ сомнѣнія при этомъ много значилъ ея личный характеръ. »Нельзя довольно налюбоваться на разсудительное поведеніе вел. княжны, замѣчаетъ Лефортъ по поводу требованій Меньшикова; она Минерва для царя. Царь, его сестра и Остерманъ составляютъ тріумвиратъ, не всегда исполняющій внушенія Меньшикова« (*480*). Другой современный свидѣтель въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ качества вел. княжны: »Она была украшена всѣми добрыми свойствами. Она не только не была красавицей, а, напротивъ того, дурна лицемъ, хотя и хорошо сложена; но добродѣтель замѣняла въ ней красоту; любезная, внимательная, великодушная, исполненная граціи и кротости, она привлекала къ себѣ всѣхъ, говорила въ совершенствѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, любила чтеніе и покровительствовала иностранцамъ«. (*Записки герц. Лир. Рус. Стар. 1873 г.*). Въ своихъ донесеніяхъ герц. Лирійскій посвящаетъ много похвалъ ея достоин-

ствамъ. »Ея умъ, благородство, разсудительность, наконецъ всѣ качества ея души выше всякой похвалы... Въ моей жизни я не видалъ принцессы *болѣе совершенной»* (*Восемнадц. Вѣкъ, II, 38, 118—119*). Въ этихъ строкахъ опытный дипломатъ сказалъ болѣе, чѣмъ обыкновенно говорятъ дипломаты.

Бумаги академіи наукъ и исторіографа Миллера даютъ возможность возстановить ту обстановку, среди которой пришлось развиться этому замѣчательному не по лѣтамъ характеру.

Мы видѣли, что для образованія вел кн. Петра наставникомъ былъ избранъ акад. Гольдбахъ Онъ былъ воспитанникъ кенигсбергскаго университета, въ которомъ слушалъ лекціи по юридическому факультету, но также занимался и математикою. Затѣмъ, почти всю молодость онъ провелъ въ путешествіяхъ по Германіи, Франціи, Италіи, Голландіи и Англіи, причемъ вступилъ въ сношенія со многими учеными, и между прочимъ съ Лейбницомъ (въ Лейпцигѣ). Вскорѣ по учрежденіи академіи наукъ въ Петербургѣ, Гольдбахъ поступилъ въ нее академикомъ по каѳедрѣ высшей математики, съ обязательствомъ при этомъ составлять исторію академіи по ея мемуарамъ. По отзыву нынѣшнихъ ученыхъ, хотя Гольдбахъ не прославился въ частности въ какой-нибудь наукѣ, но онъ былъ даровитый энциклопедистъ, пускавшійся въ самыя тонкія рѣшенія вопросовъ филологіи, археологіи, метафизики и высшей математики, а потому его переписка имѣетъ глубокій научный интересъ. Вѣроятно эти достоинства и остановили на немъ выборъ Блюментроста, Остермана и Меньшикова въ опредѣленіи его наставникомъ къ вел. князю. По этой должности ему было назначено 2000 р. жалованья и казенная квартира. Въ слѣдъ затѣмъ его представили вел. князю и его сестрѣ. Сначала онъ поселился возлѣ зимняго дворца, а съ переѣздомъ велик. кн. въ домъ Меньшикова—у этого послѣдняго. Иногда приглашались и другіе академики для чтенія лекцій: такъ Бильфингеръ производилъ во дворцѣ физическіе опыты съ воздушнымъ насосомъ. Въ программу наукъ и искусствъ, составленную подъ руководствомъ Остермана для императора, входили: древняя и новая исторія (по соч. Іоганна Гибнера и Пуффендорфа), географія (по Гибнеру), математика, физика, механика, политика, военное искусство, космографія, архитектура, педагогика, музыка, танцы, игра на биліардѣ и стрѣльба. (*Арсеньевъ, Ист. Петра II, стр. 138—141*). Академикамъ поручено было составить отдѣльные курсы наукъ, которые

печатались въ акад. типографіи. Но вскорѣ планъ этихъ занятій разрушился, вслѣдствіе увлеченія императора другими предметами. Меньшиковъ не разъ выговаривалъ за это и Остерману, и императору; Остерманъ съ своей стороны былъ недоволенъ подобнымъ ходомъ дѣла; самого Гольдбаха заставляли иногда сопутствовать императору на охоту. Паденіе Меньшикова окончательно устранило надзоръ за молодымъ государемъ и хотя верх. совѣтъ, въ свою очередь, дѣлалъ потомъ замѣчанія императору въ томъ же смыслѣ, но они не имѣли никакого успѣха. Гольдбаху оставалось возвратиться въ академію, но ему предложили остаться при дворѣ для другой цѣли.

По словамъ Миллера, вел. княжна Наталія пожелала удержать его въ своемъ обществѣ. Съ переселеніемъ императора изъ дома Меньшикова, Гольдбахъ поселился въ зимнемъ дворцѣ, а въ январѣ 1728 г. онъ сопровождалъ императора и его сестру въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, дворъ оставался даже по смерти Петра II. Благодаря перепискѣ Гольдбаха съ совѣтникомъ академіи Шумахеромъ, мы можемъ прослѣдить вліяніе его на занятія вел. княжны. Такъ 29 іюля 1728 г. онъ писалъ: «ея высочество вел. княжна спрашивала у меня вчера о рѣчи ак. Делиля касательно движенія земли, которой большую часть уже прочла и я не сомнѣваюсь, что она примется опять за чтеніе ея сегодня. Въ тоже время сообщу вамъ непріятную новость: потерялось нѣсколько листовъ изъ перваго тома Les journées amusantes, о чемъ очень сожалѣетъ ея высочество. Если эта книга есть въ Петербургѣ, то прошу васъ купить для ея высочества... Увѣренъ, что ея высочество будетъ тѣмъ очень довольна». Отъ 23 августа: «Геометрическія задачи сдѣлались любимымъ занятіемъ ея высочества, и мнѣ тяжело видѣть, что употребляемые ею математическіе инструменты никуда не годятся. Впрочемъ, я думаю, что въ Петербургѣ въ кунсткамерѣ есть таковые, почему я не сомнѣваюсь, что вы не откажете въ присылкѣ тѣхъ изъ инструментовъ, которые означены въ запискѣ. Если вы очень скоро ихъ вышлите ея высочеству, то она будетъ тѣмъ пріятно изумлена. Увѣряю васъ, что она сначала спроситъ, откуда достали эти инструменты, съ любопытствомъ, равнымъ удовольствію, съ какимъ буду имѣть честь отвѣчать объ этомъ предметѣ». 7 сент. 1728 г., письмоводитель президента академіи Блюментроста также писалъ Шумахеру: «Не въ состояніи вполнѣ описать, какъ сильно желаетъ лейбъ-медикъ имѣть глобусы, тѣмъ болѣе, что вел. княжна ежедневно по нѣскольку разъ о томъ спрашиваетъ». (*Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ I, 156—164*).

По этимъ выпискамъ можно судить о серьезности занятій вел. княжны; а современники говорятъ о ея начитанности и умѣ. (*Манштейнъ*, *Лефортъ*, *Лирія*). Такимъ образомъ вел. княжна рѣзко выдавалась въ ряду женскихъ личностей, окружавшихъ императора, характеръ и дѣйствія которыхъ не могутъ равнодушно описывать современные свидѣтели, между тѣмъ какъ ею они не могутъ нахвалиться вдоволь. На современномъ портретѣ вел. княжна была изображена въ видѣ Діаны—покровительницы нравственной чистоты (*см. Рус. Арх. 1863, 84*). Но при такомъ характерѣ и сильномъ запасѣ воли, позволявшимъ ей съ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ временщикамъ (Меньшикову и Долгоруковымъ) и не скрывать ихъ вреднаго вліянія на императора, вел. княжна, горячо любившая брата, уже носила въ себѣ жестокую болѣзнь. Видя, что одинъ Остерманъ въ ряду придворныхъ лицъ стоитъ внѣ разсчетовъ партій, она сблизилась съ нимъ и старалась удерживать императора отъ того образа жизни, который особенно установился съ переѣздомъ въ Москву. »Долгоруковы, писалъ Лефортъ еще въ Петербургѣ, помогаютъ царю въ распутствѣ, внушая ему наклонности, недостойныя его сана. Мнѣ извѣстна одна комната, смежная съ биліардной, гдѣ помощникъ главнаго воспитателя (Ал. Григ. Долгоруковъ) доставляетъ ему разныя пріятныя свиданія. Слыхано ли это! Цѣлую ночь разъѣзжая по улицамъ, ложатся спать только въ 7 час. утра. Его сестра и Остерманъ, дѣйствующіе за одно, потеряли всякое значеніе *съ своими увѣщаніями*. Великая княжна бываетъ *очень часто огорчена* поступками царя, слѣдующаго только прекраснымъ правиламъ Долгоруковыхъ«. (*Сборн. Рус. Ист. общ. III, 513*). Предавшись вполнѣ охотѣ и другимъ развлеченіямъ, Петръ II почти забылъ дѣла; самые указы были объявлены дѣйствительными, если они были только скрѣплены секретаремъ верх. тайн. совѣта Степановымъ. Между тѣмъ и представленія иностранныхъ пословъ, и обычныя торжества часто должны были обходиться безъ государя. Въ такихъ случаяхъ вел. княжна отбывала всѣ подобные пріемы, будучи самою доступною и простою въ обращеніи хозяйкою; виновные также находили въ ней и заступничество, и вниманіе (*Донес. герц. Лир. Восемнад. вѣкъ, II, 28, 32, 73, 93, 112*). Вскорѣ послѣ переѣзда двора въ Москву герц. Лирійскій уже писалъ: »Особенныхъ новостей здѣсь нѣтъ; вездѣ спокойно, кромѣ двора, въ которомъ продолжаются разъединеніе и *домашнія непріятности, дѣйствующія дурно на здоровье великой*

княжны, которая день ото дня все худѣетъ« (стр. 62). Вмѣстѣ съ Остерманомъ она настаивала на возвращеніи императора въ Петербургъ, полагая, что тамошнія условія не будутъ столь благопріятны для увеселеній и охоты, какъ въ Москвѣ, но эти хлопоты остались безуспѣшны (*Лефортъ*, V, *314—315*).

Такая личность, какъ Наталія, не могла не обратить на себя вниманія иностранныхъ дипломатовъ; герц. Лирійскій много мѣста посвящаетъ ей въ своихъ донесеніяхъ; онъ же сталъ указывать своему двору на возможность брака вел. княжны съ донъ-Карлосомъ, инфантомъ испанскимъ. Позабытая за развлеченіями братомъ, Наталія стала лелѣять эту мысль и, въ бесѣдахъ съ герц. Лирійскимъ, со свойственнымъ ей вниманіемъ, она старалась познакомиться съ Испаніей (*стр. 68 и др.*); но въ ея жизни уже совершился печальный переломъ.

Въ то время, какъ она съ такимъ жаромъ предалась умственнымъ занятіямъ, иностранные послы доносили уже о медленномъ упадкѣ ея силъ, о признакахъ чахотки. Чтобы окончательно подорвать къ ней довѣріе государя, Долгоруковы вздумали возбудить въ его глазахъ соперничество между нею и вел. кн. Елисаветою Петровною, легкое и вѣтреное поведеніе которой заслуживало въ глазахъ постороннихъ полнаго порицанія. Кокетство и красота цесаревны вполнѣ обворожили государя, хотя и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока кн. А. Г. Долгоруковъ не вздумалъ замѣнить ее своею дочерью. »Характеръ Елисаветы, замѣчаетъ герц. Лирійскій, совершенно противоположенъ характеру вел. княжны: красота ея физическая—это чудо; грація ея неописанна, но она лжива, легкомысленна и крайне честолюбива« (*120—121*). Видя, что, въ слѣдствіе этой интриги, она теряетъ нравственное вліяніе на брата, вел. княжна стала удаляться общества, въ которомъ бывала Елисавета Петровна,—что и нужно было Долгоруковымъ (*ib. 56—57*).

Эти непріятности окончательно подкосили здоровье вел. княжны. Не смотря на ея крѣпкое сложеніе (*ib. 71*), у нея стала быстро развиваться чахотка, сопровождавшаяся женскими недугами. Совѣтъ докторовъ прибѣгнулъ къ опіуму и женскому молоку, но это не помогло. Иностранные резиденты со вниманіемъ слѣдили за ходомъ ея болѣзни, ставя въ зависимость отъ ея исхода самое положеніе дѣлъ въ Россіи и судьбу Петровской реформы, которая находила въ просвѣщенной личности вел. княжны полное сочувствіе (*Лефортъ*, V, *314—315*, *318*)

»Могу увѣрить, писалъ Лирія, это будетъ незамѣнимая потеря для Россіи. Смерть, угрожающая вел. княжнѣ, заставляетъ меня трепетать за царя, который не бережетъ себя нимало, а случись — умри онъ, Россія возвратится къ своему прежнему состоянію, безъ надежды подняться, по крайней мѣрѣ въ наше время« *(118)*. Въ болѣзни вел. княжны онъ подозрѣвалъ даже тайные замыслы и коварную интригу *(121)*. Во время болѣзни сестры, императоръ уже совершенно подчинился вліянію Долгоруковыхъ, такъ что во время кризиса нужно было послать пять курьеровъ, пока онъ явился къ больной *(Лефортъ, V, 317)*. Этотъ кризисъ былъ однако временный; въ декабрѣ 1728 года ея уже не стало. »Смерть ея одинаково оплакали, говоритъ Лирія, и иностранцы, и русскіе, и знатные и бѣдные« *(Записки герц. Лир. 115)*. Ее похоронили съ величайшею пышностью *(Донес. Лирія, 152)* въ Вознесенскомъ монастырѣ *(Записки Нащокина, 30)*. Послѣ этого жизнь императора окончательно сложилась по требованіямъ Долгоруковыхъ, не задумавшихся связать его такимъ же актомъ зависимости, въ какую хотѣлъ поставить его и Меньшиковъ: ровно черезъ годъ по смерти сестры императоръ обручился съ Екатериною Алекс. Долгоруковою, не смотря на извѣстное всѣмъ расположеніе ея къ другому лицу, которое родня ея постаралась нагло удалить съ глазъ; но не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени этого событія, какъ императоръ уже скончался отъ оспы, вспоминая на смертномъ одрѣ только имена сестры и Остермана *(Лефортъ, V, 351)*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что весь вредъ гибельнаго вліянія на императора, лежитъ на Долгоруковыхъ, а между тѣмъ на долю его любимца выпало сочувствіе другой замѣчательной женщины, связавшей свою судьбу со всѣми печальными послѣдствіями, постигшими эту семью по смерти Петра II. То была Наталія Борисовна Шереметева, дочь знаменитаго фельдмаршала Бориса Петровича, пользовавшагося большимъ значеніемъ у Петра В.

Составивъ себѣ репутацію искуснаго предводителя, Бор. Петр. Шереметевъ, будучи уже 45 лѣтъ (1697 г.), отпросился у Петра за границу, чтобы ознакомиться съ военнымъ дѣломъ и обогатить умъ новыми свѣдѣніями. Получивъ отъ Петра необходимыя рекомендаціи, Шереметевъ посѣтилъ Вѣну, Венецію, Римъ и вообще Италію, а также остр. Мальту. Возвратившись въ Россію, онъ явился въ нѣмецкомъ платьи и въ командорскомъ мальтійскомъ крестѣ. Петру понравился

новый видъ такого человѣка, какъ Шереметевъ, когда онъ самъ только-что вступилъ въ борьбу съ внѣшними формами неподатливой старины *(Бантышъ-Каменскій, Біогр. Слов., V, 304—305)*. Свое путешествіе по Европѣ и на остр. Мальту Шереметевъ описалъ въ особомъ дневникѣ *(Пекарскій, Лит. и Наука при Петрѣ В. I, 150—152)*. Петръ Вел. называлъ его своимъ Баярдомъ и Тюреннемъ *(Бантышъ-Каменскій, ib.)* и щедро наградилъ за дальнѣйшіе подвиги во время сѣверной войны [1]). Но Шереметевъ не чуждъ былъ общаго тому времени недостатка—поживиться на чужой счетъ: онъ »славно похозяйничалъ« въ Лифляндіи, по выраженію самого Петра. Впрочемъ все достояніе гостепріимнаго хозяина шло на пріемы и угощенія, которыми славился домъ Шереметева, а онъ самъ отличался доступностью и готовностью услужить. Попасть на вечернія собранія Шереметева считалось для молодежи верхомъ чести, а избранное общество хозяина составляли люди, извѣстные образованностью, какъ Брюсъ, анг. послан. Витвортъ, прус. посл. Мардефельдъ и др. иностранные министры *(Бантышъ-Каменскій, 314)*. Шереметевъ былъ женатъ два раза; во второй разъ онъ женился будучи 60 лѣтъ и имѣя уже внуковъ. Говорятъ по смерти первой жены онъ хотѣлъ пойти въ монахи, но Петръ В. не пустилъ его, а вмѣсто этого повелъ его въ веселую компанію, собравшуюся у него, въ которой было много женщинъ, и предложилъ ему тутъ же выбрать невѣсту Выборъ Шереметева остановился на вдовѣ Аннѣ Петровнѣ Нарышкиной, урожд. Салтыковой. Вторымъ ребенкомъ отъ этого брака была Наталія Борисовна. Она родилась 17 янв. 1714 года *(Рус. Арх. 1867, 59)*. Спустя четыре года послѣ этого умеръ ея отецъ и она осталась на рукахъ матери *(см. Записки Н. Б. Доморуковой, Р. Арх. 1867, стр. 47)*, живя постоянно въ Москвѣ. Въ то время обученіе женщины въ высшемъ кругѣ считалось уже необходимостью, а въ семействѣ такого образованнаго лица, какъ Шереметевъ, оно вполнѣ естественно. Наталія Борисовна въ своихъ запискахъ говоритъ объ этомъ: »мать моя старалась о воспитаніи моемъ, *чтобы ничего не было упущено въ наукахъ* и всѣ возможности употребляла, чтобы мнѣ умножить достоинствъ«. Но на 14 году она лишилась матери, которая, умирая, поручила дальнѣйшее ея воспитаніе бывшей при ней гувернанткѣ, какой-то иностранкѣ. Послѣдняя до того привяза-

---

[1]) Такъ, за полтавскую битву Шереметевъ получилъ Юхотскую волость въ 12,000 крестьянъ.

лась къ своей воспитанницѣ, что даже рѣшилась раздѣлить съ нею ссылку изъ Москвы, пока фамилія Долгоруковыхъ не была сослана въ Сибирь[1]). Всѣ эти обстоятельства сильно вліяли на развитіе характера Наталіи Борисовны. »Не всегда бываютъ счастливы благородноржденные, говоритъ она. Для чего бы и мнѣ не быть такой счастливой, какъ и сестры мои? (одна изъ нихъ была за кн. Лопухинымъ, другая за кн. Урусовымъ). Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей и воспитанная отмѣнно отъ нихъ, я же имъ и бóльшая. Надѣюсь, что тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатность и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратитъ очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя, и я по человѣческому разсужденію совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но божій судъ со всѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ... *Я очень имѣла склонность къ веселію.* Я осталась малолѣтна послѣ отца моего, однако росла при матери моей во всякомъ довольствѣ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣта, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Это первая бѣда меня встрѣтила... Послѣ матери своей я всѣхъ компаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: *тогда очень наблюдали честь.* И такъ я сама себя заключила; правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; *тогда не можно было такъ мыкаться какъ въ нонѣшній вѣкъ...*[2]) Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣе пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года... Тогда обыкновенно всегда, гдѣ заслышатъ невѣсту *богатую*, тутъ и женихи

---

[1]) Изъ своего дѣтства Н. Б. передаетъ еще одну характеристическую черту. Разсказывая о несчастномъ обстоятельствѣ, случившемся съ нею въ Сибири, въ слѣдствіе удара головою о матицу при входѣ въ низкую избу, Нат. Борисовна замѣчаетъ: »Со мною и тутъ несчастье пошутило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то съ-малу *били: ходи прямо*, притомъ же и росту *я не малаго* была«. *(Стр. 42).*

[2]) Нат. Борисовна писала свои записки уже въ царств. Екатерины II.

льстятся... Я очень счастлива была женихами... Думала я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ женихъ... Я признаюсь, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна».

Это былъ кн. Ив. Алексѣевичъ Долгоруковъ, оберъ-камергеръ Петра II, 22 лѣтъ отъ роду, прибывшій въ Москву вмѣстѣ съ дворомъ, для коронаціи императора. Мы видѣли изъ отзывовъ современниковъ, что фаворитъ императора вполнѣ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы предаться полному разгулу молодости. Будучи съ дѣтства друженъ съ императоромъ, онъ потерпѣлъ было при Меньшиковѣ, но за тѣмъ ихъ дружба еще болѣе усилилась, такъ что они даже спали въ одной комнатѣ и на одной постелѣ. (*Щербатовъ, 38*). При всей однако необузданности нрава, молодой фаворитъ безъ сомнѣнія имѣлъ нѣкоторыя достоинства. Ставъ орудіемъ отца, старавшагося утвердить свою власть и вліяніе на Петра, онъ не всегда подчинялся этимъ требованіямъ; лично онъ не былъ расположенъ къ тѣмъ грабительствамъ на счетъ казны и двора, какія позволялъ себѣ его отецъ и родственники; онъ не вполнѣ раздѣлялъ и виды отца на бракъ его дочери съ императоромъ. Такое отношеніе сына не нравилось кн. Алексѣю Долгорукову, который старался даже удалить его отъ двора. Узнавъ объ этомъ, фаворитъ до того растерялся, что совсѣмъ упалъ духомъ. Герц. Лирійскій замѣчаетъ даже по этому поводу: «Онъ на столько отличается умомъ и характеромъ, что лучше желалъ бы быть свободнымъ отъ всѣхъ этихъ придворныхъ интригъ. Его сторонникамъ стоитъ не малаго труда убѣждать его, чтобы онъ не бросилъ всего». (*Восемнадц. Вѣкъ, II, 84*). Разсказываютъ, будто бы однажды, стоя за креслами Петра II и видя, какъ ему подносили къ подписи смертный приговоръ, кн. Иванъ укусилъ за ухо императора, и на вопросъ, что это значитъ, отвѣчалъ: «прежде, чѣмъ подписывать бумагу, надо вспомнить, каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову». (*Рус. Арх. 1867, 10*).

Сначала фаворитъ думалъ жениться на дочери Ягужинскаго (*Herrmann, Gesch. des Rus. Staats, IV, 354*); но это не состоялось. Онъ питалъ и честолюбивые виды на руку цесаревны Елисаветы Петр., которая отвергла его предложеніе (*Донес. Лирія, 207*). О своемъ сватовствѣ Нат. Борисовна разсказываетъ слѣдующее: «Я его очень любила, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ

на то склонѣла. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это слышать, а не знала, что это счастье мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастьи. Я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать, а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе; подумайте, будучи дѣвкѣ въ 15 лѣтъ такъ обрадованной. Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась«.

Между тѣмъ молодая невѣста обратила на себя общее вниманіе. Въ концѣ дек. 1729 г. герц. Лирійскій писалъ въ Испанію: »На дняхъ рѣшенъ бракъ этого юноши (т. е. И. А. Долгорукова) на дочери фельдмаршала Шереметева, красавицѣ собой и очень богатой« *(Донес. 207)*. На ея сговорѣ была вся императорская фамилія, иностранные и русскіе министры, весь генералитетъ и множество знатныхъ лицъ. Долгоруковы славились своимъ богатствомъ. Независимо отъ собственныхъ богатствъ, имъ досталось много сокровищъ сосланнаго Меньшикова, а потому невѣста получила самые богатые подарки: »мои руки не могли-бъ всего забрать, когда бы мнѣ не помогали принимать, говоритъ Нат. Борисовна. Наши обручальные перстни были цѣною—его въ 12000, а мой въ 6000«. Братъ невѣсты одарилъ жениха серебромъ, старинными кубками и золочеными фляжками. »Казалось мнѣ тогда, замѣчаетъ она, что это все прочно и на цѣлый мой вѣкъ будетъ, а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ.... Это мое благополучіе и все сіе долголь продолжалось? Не болѣе какъ отъ 24 дек. по 18 января«.

Свадьба фаворита была назначена одновременно съ императорскою *(Донес. Лирія, 209)*, но съ 18 на 19 января (1730 г.) Петръ II скончался.

Извѣстно, при какихъ условіяхъ состоялось избраніе на престолъ Анны Ивановны. Долгоруковы старались удержать власть за собою: они думали предоставить престолъ невѣстѣ императора—Екатеринѣ Алексѣевнѣ, при чемъ прибѣгли даже къ поддѣлкѣ завѣщанія и такому фактическому основанію, которое прежде всего и навсегда компрометтировало имя невѣсты; но когда этотъ замыселъ неудался, то, въ союзѣ

съ Голицыными, они рѣшились ограничить престолъ и предложить его лицу, которое менѣе другихъ имѣло бы правъ на него и скорѣе другихъ могло бы принять предложенныя условія. Такимъ лицомъ казалась имъ герц. курляндская Анна Ивановна. Ограничительныя условія были отправлены къ ней съ однимъ изъ Долгоруковыхъ (Вас. Лукичемъ), которому поручено было потребовать отъ нея также, чтобы она не брала съ собою въ Россію своего любимца Бирона. Получивъ отъ нея согласіе, Долгоруковъ сталъ сторожить каждый шагъ ея »подобно дракону«. Но, по прибытіи въ Москву, Аннѣ Ивановнѣ удалось, при помощи другихъ вліятельныхъ лицъ и средняго дворянства, разорвать условія, наложенныя на нее верховниками, а при коронаціи ея фигурировалъ въ Москвѣ и Биронъ. Нат. Борисовна съ негодованіемъ замѣчаетъ, что »уже всѣ и въ руку его цѣловали« *(Записки, стр. 20)*.

Понятно, что Долгоруковы должны были казаться главными врагами новаго правительства. Они замышляли возведеніе на престолъ лица изъ своей фамиліи, а императорская невѣста, при погребеніи государя, требовала себѣ царскихъ почестей и не хотѣла даже представиться государынѣ, по прибытіи ея въ Москву; Долгоруковы присвоили себѣ много царскихъ богатствъ; они ограничили государыню строгимъ надзоромъ своего родственника, который слѣдилъ за каждымъ словомъ ея, за что она дала вскорѣ почувствовать самому Вас. Лукичу; наконецъ общая молва обвиняла ихъ въ причинѣ смерти императора. Тѣмъ менѣе могъ щадить ихъ Биронъ, фаворъ котораго они замышляли устранить. Такимъ образомъ первыми жертвами въ цѣломъ рядѣ политическихъ процессовъ, которые тянутся чрезъ все царствованіе Анны Ивановны, пришлось стать Долгоруковымъ. »Я довольно знала обыкновеніе своего государства, пишетъ Нат. Борисовна, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей *пропадаютъ*... Правда, что я не такъ дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ былъ государемъ, но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Мнѣ казалось, что не можно *безъ суда* человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе« (стр. 15).

Предчувствіе Нат. Борисовны сбылось. Лишь только дошла до нея вѣсть о смерти Петра II — она впала въ безпамятство, а потомъ только твердила: »ахъ, пропала я, пропала!« Тогда нѣкоторые изъ родственниковъ стали уговаривать ее отказаться отъ брака, выставляя, что она »человѣкъ молодой«, »можно жениху отказать, когда ему будетъ

худо«, »будутъ и другіе женихи«. »Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣчать, замѣчаетъ она. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и *честна ли это совѣсть*, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла, а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдала—жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой *привычки*, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; *въ нонѣшній вѣкъ такая мода*, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу *товарищъ*, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла. Все, любя его, сносила, сколько можно было; еще и его подкрѣпляла«.

По смерти Петра, отношенія къ Долгоруковымъ и даже къ Нат. Борисовнѣ, хотя еще невѣстѣ, быстро измѣнились. »Всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ, говоритъ она; всѣ стали меня бояться, чтобъ я на встрѣчу кому не попалась, всѣмъ стала подозрительна. Лучше-бъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ«. Уже при торжественномъ вшествіи Анны Ивановны въ Москву, многіе кричали въ слѣдъ Нат. Борисовны, бывшей на этомъ парадѣ: »прошло ваше время, теперь не старая пора!« А вскорѣ послѣ этого стали доноситься до нея слухи, что Долгоруковыхъ лишатъ чиновъ или сошлютъ въ ссылку. Биронъ сталъ допытываться—нѣтъ ли недовольныхъ противъ нихъ. Была учреждена коммиссія для разбора ихъ драгоцѣнностей и возвращенія неправильно присвоенныхъ дворцовыхъ принадлежностей, захваченныхъ отцомъ фаворита. При такихъ обстоятельствахъ, Нат. Борисовна рѣшилась соединить свою судьбу съ падшимъ фаворитомъ. Но вся родня отступилась отъ нея, и только двѣ старушки родственницы рѣшились проводить ее въ церковь. Это было въ началѣ апрѣля, а 9 апрѣля уже состоялся указъ о разсылкѣ Долгоруковыхъ по деревнямъ. Семейство кн. Алексѣя Григорьевича, а въ томъ числѣ и Нат. Борисовна, должно было отправиться въ село Никольское, Пензенской губерніи *(см. указы, относ. къ Долгоруковымъ въ Сказ. о родѣ Долгоруковыхъ, 237—56)*. Нат. Борисовна надѣялась однако на милость и не хотѣла ничего брать съ собою въ дорогу; даже когда братъ прислалъ ей на дорогу 1000 р., она взяла всего 400, а

остальныя деньги и всѣ свои вещи отправила къ нему; между тѣмъ свекровь и золовки набрали множество брилліантовъ и галантерейныхъ вещей, запрятавъ послѣднія въ карманы, а дорогіе камни зашивъ въ платье. Только въ дорогѣ Нат. Бор. узнала, что она съ мужемъ ѣдетъ на свой счетъ. Положеніе ея въ новой семьѣ было тяжелое. Отецъ и »разрушенная« царская невѣста, какъ называли ее тогда,—ненавидѣли мужа Нат. Борисовны, который былъ прежде помѣхою ихъ видамъ *(Донес. Лирія, 209)*. Въ новой семьѣ она была, по своему положенію, самая младшая и потому должна была уступать всѣмъ; ей съ мужемъ всегда отводили худшее мѣсто [1]. Семейныя отношенія Долгоруковыхъ были до того тяжелы, что въ Москвѣ даже распространился слухъ, что кн. Ив. Алексѣевичъ убилъ на дорогѣ своего отца *(Переписка Волынскаго, въ Памят. нов. рус. ист. II, 217)*. Но не успѣли Долгоруковы доѣхать въ назначенное мѣсто, какъ имъ объявили новымъ указомъ ѣхать далѣе, въ Сибирь (24 іюня). Они были сосланы въ Березовъ, подъ строгій караулъ, съ воспрещеніемъ выходить и переписываться. Послѣ этого извѣстія Нат. Борисовнѣ пришлось разстаться съ своей гувернанткой, все время ухаживавшей за нею и отдавшей ей на дорогу всѣ свои деньги (60 р.), а золовки не позволили ей взять съ собою даже любимую прислугу. Ровно черезъ три мѣсяца ссыльные прибыли въ Березовъ, послѣ тяжкихъ приключеній на пути. »Не можно всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я *одна* въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно страждущаго«. Не смотря на всѣ эти невзгоды, Нат. Борисовна вовсе не жалѣла о своей участи, и, въ своихъ запискахъ, постоянно выражается о ней какъ о подвигѣ, понесенномъ для друга. Еще на пути, у ссыльныхъ отобрали драгоцѣнныя вещи, такъ что въ Березовѣ имъ приходилось уже ѣсть деревянными ложками и пить изъ оловянныхъ стакановъ [2]. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Березовъ умеръ отецъ ихъ, кн. Алексѣй, а черезъ двѣ недѣли—мать. Уходъ за птицами и вышиванье было единственнымъ ихъ занятіемъ въ этой

---

1) Вмѣстѣ съ ними въ ссылку ѣхали отецъ и мать кн. Ивана и братья и сестры послѣдняго.

2) Содѣйствуя ссылкѣ Меньшикова, Долгоруковы заняли въ Березовѣ его мѣсто; они встрѣтились тамъ съ его семействомъ, получившимъ вскорѣ право возвратиться. Villebois, Mémoires secrets, Brux. 1853, chap. IX.

продолжительной ссылкѣ. Въ 1732 г., когда у Натальи Борисовны родился второй сынъ, то крестною матерью была приглашена жена тамошняго воеводы, причемъ ей поднесли въ подарокъ парчу; но за этотъ поступокъ воевода былъ битъ кнутомъ и, съ урѣзаніемъ ноздрей, сосланъ въ вѣчную работу.

Между тѣмъ преслѣдованіе Долгоруковыхъ и Голицыныхъ продолжалось. Не были забыты и сосланные въ Сибирь. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они подвергались допросамъ, а лица, бывавшія у нихъ,— кнуту и ссылкамъ. Въ самой семьѣ Долгоруковыхъ продолжался постоянный разладъ. Разрушенная невѣста своимъ образомъ жизни возбудила ревность въ двухъ лицахъ, служившихъ въ Сибири, отчего многое стало извѣстнымъ, что дѣлалось въ домѣ ссыльныхъ [1]), а вражда ея къ мужу Нат. Борисовны дошла до того, что она подговорила младшаго брата, Александра, закричать на него »слово и дѣло« *(Записки Н. Б. Д., примѣч. къ стр. 51 и 60)*, въ слѣдствіе чего, спустя 8 лѣтъ послѣ перваго приговора, начался новый пересмотръ дѣла Долгоруковыхъ, причемъ всплыло на верхъ дѣло о подложномъ завѣщаніи и дурныхъ отзывахъ кн. Ивана объ Аннѣ Ивановнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Биронѣ. Кн. Александръ ужаснулся дальнѣйшихъ послѣдствій и распоролъ себѣ животъ, который успѣли зашить, но въ Москвѣ онъ слылъ и потомъ подъ именемъ »князя съ поротымъ животомъ«. Въ августѣ 1738 г. кн. Ивана Алексѣевича увезли изъ Березова для новаго допроса, а спустя годъ его четвертовали въ Новгородѣ; двухъ же братьевъ его, Александра и Николая, урѣзавъ языки, сослали въ Камчатку и Охотскъ. Сестра ихъ Екатерина была заключена въ Горицкій монастырь, Новгородской губерніи, гдѣ оставалась до цар. Елисаветы Петровны, которая выдала ее замужъ за гр. А. Р. Брюса; но она осталась до конца жизни гордою и своенравною женщиною. Ее и брата ея Александра Нат. Борисовна считаетъ главными виновниками послѣдней катастрофы *(прилож. къ Записк. 60)*.

Еще въ царст. Анны Ивановны Нат. Борисовнѣ разрѣшено было

---

[1]) Въ Березовѣ расположеніемъ Ек. Алексѣевны пользовался офицеръ тамошняго гарнизона Овцынъ, соперникомъ котораго явился тобольскій подъячій Тишинъ. Не добившись ея вниманія и будучи оскорбленъ своимъ соперникомъ, послѣдній подалъ доносъ противъ Долгоруковыхъ *(Памят. нов. рус. исторіи, I, 160—171 и примѣч. къ Письм. Рондо, 160—161)*.

возвратиться изъ ссылки (*Путеш. Делиля въ Березовъ, Пекарскаго, 45—46*). Она пріѣхала въ Москву, гдѣ занялась воспитаніемъ своихъ дѣтей, три года промаявшись по чужимъ домамъ; такъ какъ братъ ея Петръ Борисовичъ значительную часть ея имущества присвоилъ себѣ. Устроивъ дѣтей, Нат. Борисовна отправилась въ Кіевъ (въ сент. 1758 г.) и поступила во Флоровскій монастырь, принявъ имя Нектаріи. Разставаясь съ мірскою жизнію, Нат. Борисовна вышла на берегъ Днѣпра и опустила въ него тотъ перстень, которымъ была обручена. Впрочемъ она не предавалась безотчетному презрѣнію мірской жизни и, пиша старшему сыну, уже женатому, совѣтовала ему не пренебрегать развлеченіями и удовольствіями, чтобы не скучать понапрасну. Въ монастырѣ Нат. Борисовнѣ пришлось пережить еще два горя—смерть любимаго брата, Сергѣя Борисовича, и младшаго сына (Дмитрія), поврежденнаго въ умѣ и умершаго въ кіевскомъ Николаевскомъ монастырѣ. По просьбѣ старшаго сына, навѣстившаго ее съ женою въ 1766 г., она рѣшилась написать записки о своей жизни, которыя въ полномъ видѣ изданы ред. Русскаго Архива въ 1867 году. Нат. Борисовна скончалась 3 іюля 1771 г. и погребена въ Печерской лаврѣ.

Въ потомствѣ личность Наталіи Борисовны получила поэтическую окраску и послужила въ литературѣ сюжетомъ двумъ извѣстнымъ писателямъ: Рылѣевъ посвятилъ ей одну изъ своихъ Думъ, а Козловъ—особую поэму. Наталіей Борисовной начинается рядъ русскихъ женщинъ, заслужившихъ право на вниманіе исторіи силою духа и личнымъ самоотверженіемъ.

Цѣлью настоящаго очерка было—прослѣдить рядъ общихъ явленій въ развитіи одного изъ основныхъ историческихъ вопросовъ и указать на зависимость ихъ отъ извѣстныхъ общихъ причинъ; а съ другой стороны—прослѣдить тѣ же явленія въ отношеніи къ такому соціальному движенію, какъ реформа Петра В., въ которомъ борьба стараго порядка съ новымъ достигаетъ своего апогея, и потому даетъ богатый матерьялъ для оцѣнки этихъ явленій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стран. 8—9. Въ сочиненіи Л. Фридлендера (Картины римскихъ нравовъ, томъ 1, глава о женщинахъ) собраны подробныя свѣдѣнія изъ періода императоровъ о тѣхъ римскихъ женщинахъ, которыя посвятили себя изученію философіи, литературы и математики. Въ это время страсть къ ученымъ бесѣдамъ за столомъ и туалетомъ и то стараніе, съ какимъ женщины заботились поправлять ошибки и оспаривать своихъ собесѣдниковъ,— стали уже модою и предметомъ язвительной сатиры. Женщины много содѣйствовали распространенію греческаго языка въ Римѣ, какъ разговорнаго. При Эпиктетѣ римскія женщины, подобно греческимъ временъ Аристофана, зачитывались надъ Республикою Платона, въ которой имъ особенно нравились идеи объ общности женъ, а въ нихъ онѣ думали найти извиненіе собственныхъ пороковъ (Epictet. Fragm. ed. Deubner. 53). Съ другой стороны, были философы, которые поддерживали ихъ въ такомъ мнѣніи (Lucian, Fugit. 18). Интересно обратить вниманіе на частныя измѣненія въ нравахъ, шедшія рука объ руку съ указанными стремленіями. Если римская матрона никогда не исключалась безусловно изъ общества, какъ въ Греціи (Corn. Nep. praef.), гдѣ женщины являлись на обѣдъ только къ весьма близкимъ, причемъ садились за столъ на особой половинѣ, то въ періодъ императоровъ, въ отношеніи общественности, римская женщина сдѣлала еще шагъ впередъ. При Отонѣ нѣкоторые сенаторы явились на придворный обѣдъ съ женами (жизнь Отона у Плутарха). Старинный обычай требовалъ, чтобы занавѣсы носилокъ, въ которыхъ сидѣли женщины, были плотно задернуты; но теперь, если мужья настаивали на томъ, то ихъ считали невѣждами и тиранами (Seneca, Benef. I X, 3). Прежде женщины присутствовали за столомъ сидя, но въ началѣ имперіи онѣ уже возлежали, какъ мужчины (Suet. Calig. 24, Iuv. VI, Mart. X, 98). Въ провинціяхъ незамужнія дочери вели еще уединенную жизнь, но въ мѣстахъ, гдѣ общественность было болѣе развита, онѣ участвовали въ пирахъ (Mart. IX. 98) и выѣзжали въ театръ даже на представленія мимовъ (Ovid. Trist. II, 501). Пріобрѣтеніе богатства сдѣлалось главною цѣлью въ заключеніи браковъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ удерживало отъ того положеніе въ свѣтѣ или неравен-

ство партіи, прибѣгали къ тайнымъ бракамъ. Послѣдніе также значительно умножились въ слѣдствіе возвышенія при Августѣ штрафовъ на холостыхъ и бездѣтныхъ (Tac. An. III, 25).

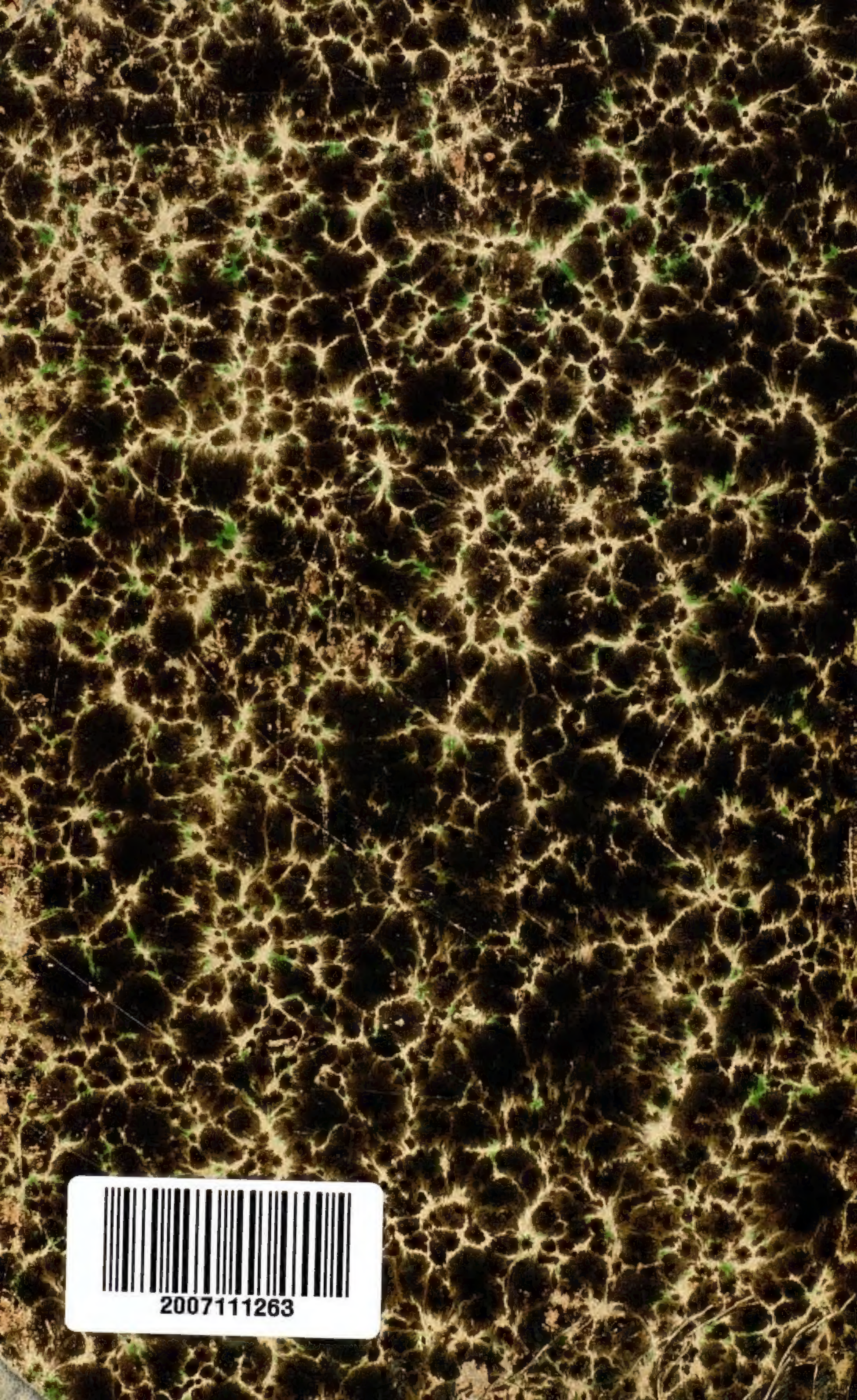
Къ стран. 25. Вопросъ о первоначальномъ бытѣ германскихъ племенъ, поднятый въ эпоху національнаго движенія въ Германіи, надолго раздѣлилъ нѣмецкихъ ученыхъ на сторонниковъ общинной и родовой теорій. (Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte; Sybel, Entstehung des Deutschen Königthums). Онъ нашелъ мѣсто и въ исторической литературѣ другихъ народовъ, у которыхъ эта точка зрѣнія также много мѣшала окончательному его разъясненію. (Kemble, The Saxon in England). У насъ этотъ вопросъ имѣетъ не менѣе усердныхъ изслѣдователей, которымъ отечественная исторія обязана разъясненіемъ древнѣйшаго быта Россіи; но онъ вызвалъ въ свою очередь тенденціозное стремленіе въ объясненіи древнѣйшихъ извѣстій со стороны писателей, принадлежавшихъ къ славянофильскому направленію (К. Аксаковъ, Бѣляевъ и др.), которые, подобно нѣкоторымъ нѣмецкимъ ученымъ, видѣли высшую форму быта въ общинѣ и считали ее принадлежностью главнымъ образомъ славянскаго міра. Но дальнѣйшая и болѣе разносторонняя обработка этого вопроса (труды Маурера, Нассе, Фримена и Мэна) въ значительной степени измѣняетъ самую постановку его, чѣмъ уже облегчается возможность болѣе безпристрастнаго изслѣдованія древнѣйшихъ формъ народнаго быта. Благодаря ей, изъ области изслѣдованія устраняется національная тенденція и въ частности принадлежность общины извѣстному племени; такъ какъ послѣдняя оказывается общею всѣмъ арійскимъ племенамъ. Сравнительное изученіе индійской и тевтонской общины (Main, Village-communities in the East and West, Lond. 1871, недавно появилось у насъ подъ заглавіемъ: Деревен. общины на Востокѣ и Западѣ, 1874 г., Спб.) приводитъ къ заключенію о существованіи рядомъ коллективной единицы—собственно общины, связанной поземельною собственностью, съ самостоятельнымъ значеніемъ мелкихъ единицъ, связанныхъ родствомъ, при обширномъ значеніи patria potestas, въ ущербъ женщинѣ и младшимъ членамъ семьи. Простота и деспотизмъ—естественныя явленія этого быта. Но въ общинѣ существуетъ уже наклонность къ выдѣленію дома и личной собственности, которыя ведутъ къ нарушенію общиннаго порядка. Вражда—обыкновенное явленіе этого порядка. Въ индійскихъ общинахъ споры разрѣшаются нерѣдко одними старѣйшинами, власть которыхъ бываетъ иногда наслѣдственною, иногда избирательною, но въ послѣднемъ случаѣ выборъ обыкновенно ограничивается членами одной фамиліи съ сильнымъ предпочтеніемъ въ пользу старшаго члена мужскаго пола изъ цѣлаго родства. Такимъ образомъ одна форма быта вовсе не исключаетъ другой; но и самая общинная форма устройства далеко не представляется идеальнымъ порядкомъ, а тѣмъ болѣе въ силу одного семейнаго начала, какъ понимали иногда сторонники національной общины.

Къ стран. 34—35, примѣчаніе. Въ древнѣйшей церкви свободныя связи разрѣшались иногда духовною властью, если бракъ не могъ состояться по разности положенія лицъ: такъ поступалъ напр. Калликстъ, рим. епископъ 218—22 гг., въ своей паствѣ (Фридленд. гл. о женщ.). Въ Византіи еще Алексѣю Комнену (1081—1118) приходилось дѣлать распоряженія объ обязательности браковъ для рабовъ. И митр. Іоаннъ II (1080—89), указывая на существованіе въ Россіи взгляда о необязательности церковнаго брака для низшаго класса и замѣну его языческими обрядами, назначаетъ при этомъ эпитемію. Однако этотъ взглядъ продолжалъ существовать и въ XIII—XV вв., какъ видно изъ обличеній митр. Максима и Фотія, а въ послѣдствіи этими данными пользовались нѣкоторые сектанты въ Россіи, въ своей полемикѣ о церковномъ бракѣ (Нильскій, Сем. жизнь въ расколѣ, I, 251—59).

Къ стран. 87. Приводя извѣстіе о чтеніи вел. кн. Наталіей Алексѣевной сочиненія Les Journées amusantes, Пекарскій не упоминаетъ объ имени автора послѣдняго. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія. »Madelaine-Angélique De-Gomez, femme de lettres, née à Paris le 22 nov. 1684, morte à Saint-Germain-en Laye le 28 déc. 1770. Fille du comédien de Poisson et mariée à un gentilhomme espagnol pauvre, elle écrivit pour vivre une foule d'ouvrages médiocres«. Такъ говорится о ней въ Diction. historique de la France par Lud. Lalanne, Paris, 1872, p. 923. Изъ сочиненій ея, кромѣ нѣсколькихъ трагедій, болѣе извѣстны: Anecdotes, ou histoire secrète de la maison Ottomane, Amsterd. 1722, 4 par.; Anecdotes persannes, Paris, 1727, 2 v. Cent Nouvelles nouvelles Paris, 1735. (Это лучшее изъ ея сочиненій, включенное въ 1776 г. въ Bill. univers. de romans); Entretiens nocturnes de Mercure et de la Renommée au jardin de Tuileries, Paris, 1731; Hist. d'Osman, dix-neuvième empereur des Turcs, et de l'impératrice Aphendina Ashada, Paris, 1734, 2 v.; Hist. secrète de la conquête de Grenade, Paris, 1723; *Les journées amusantes, Paris, 1723, 1724, 1728, 8 vol; Londres, 1754, Amsterd. 1758.* Въ La France Littéraire, ou Dictionnaire Bibliografique par J. M. Querard., Paris, 1829, v. III, p. 406, объ этомъ сочиненіи замѣчено: »C'est un recueil d'historiettes renfermées dans une sorte de cadre banal, à l'imitation des Nouvelles de la reine de Navarre, ou du Voyage de compagne, de madame de Murat«. Оно также вошло въ 1776 г. въ Библіотеку романовъ, и, судя по количеству изданій, было весьма распространено въ публикѣ.

ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
14	11—12	въ особомъ отдѣленіи	въ особыхъ отдѣленіяхъ
14	13	чтобы онѣ	чтобы женщины
17	15	панъ	папъ
18	18	Знаменитые архитектурные и церковные постройки	Замѣчательныя въ архитектурномъ отношеніи церковныя постройки
19	7	было	была
22	16	идеалъ жены усвоенной	идеалъ жены, усвоенный
34	3—4	Проникая въ жизнь идея отрѣшенности,	Проникая въ жизнь, идея отрѣшенности
42	3	Калликсъ	Коллинсъ
50	12	ученіемъ, Аввакума.	ученіемъ Аввакума.
54	3	Сильвестръ Медвѣдевъ,	и Сильвестръ Медвѣдевъ,
55	24	льстить. »Такимъ	льстить«. Такимъ
55	25	Жена	»Жена
61	16	атр.	патр.
62	4	театръ подъ покровительствомъ	театръ, подъ покровительствомъ
82	14	*время исчислительнов*	*времяисчислительное*
84	28	въ себѣ	къ себѣ
90	25	императора,	императора

2007111263